

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ

VII Международной научной конференции

28–29 октября 2010 года

Харьков
ООО «НТМТ»
2010

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Э. Кулинич*

П78 **Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.).** — Харьков: ООО «НТМТ», 2010. — 96 с.
ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2008 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.10.2010. Формат 60×84/8. Папір офсетний.
Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Коллектив авторов, 2010

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ

VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2010 року

Харків
ТОВ «НТМТ»
2010

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Е. Кулинич*

П78 **Проблеми історії та археології України: Матеріали VII Міжнародної наукової конференції (Харків, 28–29 жовтня 2010 р.).** — Харків: ТОВ «НТМТ», 2010. — 104 с.
ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VII Міжнародної наукової конференції

28–29 жовтня 2010 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 20.10.2010. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Колектив авторів, 2010

ПРОГРАММА
VII Международной научной конференции
«Проблемы истории и археологии Украины»

28–29 октября 2010 года

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

Ландсман Вадим Аркадьевич — заместитель Председателя Харьковской областной государственной администрации

Бакиров Виль Савбанович — ректор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ЗАМЕСТИТЕЛИ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ:

Дьячков Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея

Посохов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Цитковская Юлия Ивановна — заведующая лабораторией методических исследований Харьковского университетского лицея

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Аксенов Виктор Степанович — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Харьковского исторического музея

Берестнев Сергей Илларионович — кандидат исторических наук, доцент Харьковской государственной академии физической культуры

Буйнов Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Колода Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

Литовченко Сергей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Мартемьянов Алексей Павлович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Скирда Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Шрамко Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, директор ДП ОАСУ НИЦ «Слобожанская археологическая служба»

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

28 октября, четверг

- 8⁰⁰–11⁰⁰ — Регистрация участников конференции.
11⁰⁰–12⁰⁰ — Общее собрание членов ХИАО.
12⁰⁰–12³⁰ — Кофе-брейк.
12³⁰–14⁰⁰ — Пленарное заседание.
14⁰⁰–15³⁰ — Перерыв на обед.
15⁰⁰–18⁰⁰ — Работа секций.

29 октября, пятница

- 9³⁰–13⁰⁰ — Работа секций.
11⁰⁰–11²⁰ — Кофе-брейк.
13⁰⁰–14⁰⁰ — Перерыв на обед.
14⁰⁰–15³⁰ — Пленарное заседание.
16⁰⁰ — Презентация результатов археологического полевого сезона 2008 г.

Регламент работы конференции

- На пленарном заседании: доклад — 20 минут
выступление — 10 минут
На заседании секции: доклад — 15 минут
выступление — 5 минут

Рабочие языки конференции

- украинский;
— русский.

Конференция проводится:

Исторический факультет, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, площадь Свободы, 4, г. Харьков. Телефон 707-51-66 (деканат факультета).
Харьковский университетский лицей, пр. Ленина, 20. Телефон 702-00-85

28 ОКТЯБРЯ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

членов Харьковского историко-археологического общества

11⁰⁰–12⁰⁰

1. Отчет Правления ХИАО о работе в 2008–2010 гг.
2. Выборы членов Правления ХИАО и ревизионной комиссии.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

12³⁰–14⁰⁰

1. Приветственное слово участникам конференции сопредседателя правления ХИАО, декана исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина проф. С. И. Посохова.
2. Берестнев С. И. (Харьков). К вопросу об истоках культовой курганной архитектуры
3. Крапивина В. В. (Киев). О святилищах Афродиты в Ольвии
4. Сорочан С. Б. (Харьков). К вопросу о времени создания фемы Климата
5. Презентация ежегодника «Древности» — 2010

28–29 ОКТЯБРЯ — РАБОТА СЕКЦИЙ

Секция: ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Руководители секции: А. Д. Пряхин
С. И. Берестнев
Секретарь секции: А. В. Корохина

- Пряхин А. Д.** (Воронеж). Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI в.).
- Бровендер Ю. М.** (Алчевск). О времени прекращения функционирования Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы.
- Буйнов Ю. В.** (Харьков). К вопросу о генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века.
- Гапочка С. Н., Скоробогатов А. М.** (Воронеж). О контактах населения лесостепного Дона и Левобережной Украины в неолите — энеолите.
- Кислий О. Є.** (Симферополь). Можливості археології як науки у моделюванні кризових явищ (до причин занепаду трипільської культури).
- Корохина А. В.** (Київ). Керамічний комплекс поселення Іванівка-Майорів Бугор-2 на Сеймі та проблема формування бондарихинської культури.
- Лысенко С. Д.** (Киев), **Куштан Д. П.** (Черкасы), **Панковский В. Б.** (Киев), **Федько В. Ф.** (Беспальче). Памятники малополовецкого типа в бассейне р. Супой.
- Макаревич А. В.** (Київ). Довгі могили доби пізньої бронзи на теренах України.
- Пробейголова А. С., Красильников К. И.** (Луганск). Поселения бондарихинской культуры в среднем течении Северского Донца по результатам картографирования.
- Разумов С. Н.** (Киев). Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья: вопросы терминологии.
- Скакун Н. Н., Матева Б. И., Терёхина В. В.** (Санкт-Петербург). Бодаки — кремнеобрабатывающий центр развитого Триполья.
- Смольянинов Р. В., Свиридов А. А.** (Липецк). Распространение памятников эпохи энеолита на Верхнем Дону.
- Сніжко І. А.** (Харків). Палеоліт Харківщини: випадкові знахідки та прикрі помилки.
- Теліженко С. А.** (Сімферополь). Особливості кам'яної індустрії пам'яток пізнього енеоліту — середньої бронзи Південного узбережжя Криму.
- Тоцев Г. Н.** (Запорожье). К вопросу о связях Кавказа и Крыма в эпоху ранней бронзы.
- Чубур А. А.** (Брянск). Некоторые итоги изучения археологического комплекса Быки на Сейме: на перекрестке историко-культурных областей верхнего палеолита Восточной Европы.

Секция: РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Руководители секции: Г. Н. Тоцев
И. Б. Шрамко
Секретарь секции: К. Ю. Пеляшенко

- Андрух С. И.** (Запорожье). К проблеме военно-политических альянсов на Нижнем Дунае периода скифо-македонского конфликта.
- Андрух С. И., Тоцев Г. Н.** (Запорожье). Раннескифский комплекс могильника Мамай-Гора.
- Бабенко Л. И.** (Харьков). К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана.

- Воропаева Н. Н.** (*Москва*). К вопросу о семантике глиняных зооморфных изображений скифского времени Днепро-Донской лесостепи.
- Дудин А. А.** (*Киев*). К вопросу об уровне социального развития ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э.
- Задников С. А.** (*Харьков*). Античные тарные амфоры IV в. до н. э. из раскопок на Бельском городище.
- Махортых С. В.** (*Киев*). Погребальный обряд Перещепинского курганного могильника.
- Пеляшенко К. Ю.** (*Харьков*). Посуда в погребальной обрядности населения Днепро-Донецкой Лесостепи скифского времени: половозрастной и социальный анализ.
- Полин С. В., Карнаух Е. Г.** (*Киев*). Скифские святилища IV в. до н. э. у с. Кременевка в Северо-восточном Приазовье.
- Попандопуло Э. Х.** (*Запорожье*). Женские погребения с оружием в могильнике «Скельки».
- Разуваев Ю. Д.** (*Воронеж*). Ксизовский комплекс памятников скифского времени на Острой Луке Дона.
- Ромашко О. В.** (*Дніпропетровськ*). Скіфські бронзові казани Північного Причорномор'я з вертикальними ручками.
- Фиалко Е. Е.** (*Киев*). Иконография образа амазонки в античном искусстве.
- Шелехань О. В.** (*Київ*). Зображення бойових сокир на антропоморфних стелах скіфського часу.
- Шерстюк В. В.** (*Полтава*). Пам'ятки скіфського часу околиць Книшівського городища.
- Шрамко И. Б.** (*Харьков*). Бельское городище: основные этапы развития.

Секция: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Руководители секции: **В. В. Крапивина**
А. П. Медведев
Секретарь секции: **Д. В. Грибанов**

- Бондаренко Д. В., Смирнов О. И.** (*Миколаїв*). Основні напрямки дореволюційних досліджень острова Березань.
- Былкова В. П.** (*Херсон*). К проблеме археологического обоснования «скифского похода Зопириона».
- Гречко Д. С.** (*Киев*). К вопросу о выделении этнокультурных индикаторов среди погребального инвентаря архаического некрополя Ольвии.
- Грибанов Д. В.** (*Харьков*). Греческое имя Эпикрат в ономастике боспорской аристократии.
- Ивченко А. В.** (*Киев*). Два новых захоронения из некрополя Ольвии с позднехиосскими амфорами.
- Медведев А. П.** (*Воронеж*). Склепы римского времени из раскопок некрополя Фанагории в 2005—2007 гг.
- Меньшикова В. А.** (*Ростов-на-Дону*). Лепные курильницы с каннелюрами Большой греческой колонии Елизаветовского городища.
- Плешивенко А. Г.** (*Запорожье*). Об «акрополе» Каменского городища.
- Прокопенко С. Н.** (*Белгород*). Развитие системы коммуникаций на хоре городов Боспора VI—первой трети III в. до н. э.
- Ручинская О. А.** (*Харьков*). Эллинская «пайдейя» в североопонтийской интерпретации.
- Шепко Л. Г.** (*Донецк*). Археологическое исследование памятника Заветное—V.
- Шепко Л. Г.** (*Донецк*), **Селиванова Л. Л.** (*Москва*). Еще раз о находке из Заветного.
- Ярцев С. В.** (*Тула*). Варвары Ахиллова Бега античного времени.

Секция: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Руководители секции: **А. Г. Бандровский**
А. П. Мартемьянов
Секретарь секции: **А. Н. Токарев**

- Акимов А. Б.** (Харьков). Муниципальная аристократия римской провинции Дакия.
- Бандровский О. Г.** (Львів). Формування зовнішньополітичного курсу Римської імперії (Август та Тіберій).
- Беликов А. П.** (Ставрополь). Некоторые специфические методы римской дипломатии.
- Зайцева И. В.** (Белгород). Элементы античной религии в трактовке Климента Александрийского.
- Ильина О. М.** (Харьков). Культ Понтийской матери богов в официальном пантеоне ионийских полисов Западного Понта в I в. до н. э.—III в. н. э.
- Казаров С. С.** (Ростов-на-Дону). Царь Пирр и Додона.
- Квашнин В. А.** (Вологда). Римские законы о роскоши в освещении историографии.
- Козак А. И.** (Черновцы). Боевые слоны в армиях Баркидов (241—202 гг. до н. э.).
- Котина А. В.** (Белгород—Керчь). Пентесилея Квинта Смирнского: образ, характер, традиция.
- Литовченко Е. В.** (Белгород). К вопросу о структуре менталитета римской интеллектуальной элиты позднеантичного времени.
- Литовченко С. Д.** (Харьков). Царство Софена в восточной политике Помпея.
- Мартемьянов А. П., Мартемьянова Н. С.** (Харьков). Carmina, III, 24: из истории дискуссии об осведомленности Горация в «гетском вопросе».
- Нефедов К. Ю.** (Харьков). Селевк Никатор, Стратоника и династия Аргеадов.
- Петречко О. М.** (Дрогобич). Римське суспільство і *superstitio* у II ст. н. е.
- Писаревский Н. П.** (Воронеж). «Исконные элины» античной традиции *alinas*, *bhalana* и *bhrigu* Ригведы.
- Токарев А. Н.** (Харьков). Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и «республиканизм».
- Чередниченко А. Г.** (Белгород). Язык критского линейного письма А как реликт первобытного языкового континуума.
- Янко А. Л.** (Полтава). Форми власності на землю в етрусків.

Секция: СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ

Руководители секции: **В. В. Колода**
В. В. Майко
Секретарь секции: **И. В. Голубева**

- Аксёнов В. С.** (Харьков). Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры (по материалам раскопок 2000—2009 гг.).
- Балакин С. А.** (Киев). О надгробиях Успенского собора Киево-Печерской лавры.
- Бейдин Г. В.** (Харьков). К вопросу о римских провинциальных монетах в ареале черняховской культуры.
- Беляева С. А., Фиалко Е. Е.** (Киев). Об результатах изучения средневековых городских центров Северного Причерноморья (на примере Очакова и Белгорода).
- Блошенко М. В., Подшивайло А. И.** (Брянск). Новоямское: новый микрорегион киево-колочинских древностей на украинско-российском пограничье (предварительное сообщение).
- Голубева И. В.** (Харків). Сучасні археологічні дослідження Харківської фортеці та її околиць.
- Ельников М. В.** (Запорожье). Культовое захоронение салтово-маяцкой культуры из Нижнего Поднепровья.

- Желтобородов А. Н.** (Харьков). Сербь на службе в Слободских полках.
- Зиньковская И. В.** (Воронеж). О новых находках варварских выемчатых эмалей в Верхнем Подонье.
- Івакін В. Г.** (Київ). До питання про наявність інвентаря в елітних похованнях давньоруського Києва (XI—XIII ст.).
- Колода В. В.** (Харьков). Селище «Мохнач—II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач.
- Кравченко Э. Е.** (Донецк). Постройки археологического комплекса салтовского времени у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца).
- Лаптев А. А.** (Харьков). Новый кремационный могильник салтовской культуры у с. Кицевка Печенежского р-на Харьковской области.
- Любичев М. В.** (Харьков). Погребения и отдельные находки Эпохи великого переселения народов из археологического комплекса Войтенки 1 (Восточная Украина).
- Майко В. В.** (Симферополь). Праболгарское поселение VIII—первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму.
- Мызгин К. В.** (Харьков). Монетно-вещевые кладь на территории черняховской культуры.
- Сергеева М. С.** (Киев). Рогообработка в Воинской Гребле.
- Скирда В. В.** (Харьков). Определение этнической принадлежности средневековых памятников на I—VII археологических съездах.
- Супруненко О. Б., Маєвська С. В.** (Полтава). Золотоординське поховання у пониззі Псла.
- Тараненко С. П.** (Київ). До проблем історичної топографії давньоруського Подолу Києва.
- Фінадоріна Д. В.** (Київ). Пічна кахля XVII ст. з розкопок Київського арсеналу.
- Шкрибилько Е. А.** (Донецк). Из истории основания Святогорского Свято-Успенского пещерного мужского монастыря.

Секция: ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Руководители секции: **Н. Н. Болгов**
С. Б. Сорочан
Секретарь секции: **А. Н. Домановский**

- Алексеев Н. А.** (Севастополь). Новый моливдовул Самуила Алусиана, византийского полководца второй половины XI в.
- Бардола К. Ю.** (Харьков). Принципы византийского налогообложения.
- Болгов Н. Н., Рышковская А. Ю.** (Белгород). Св. Матрона Пергская (V в.) и ее житие.
- Болгова А. М., Харченко О. А.** (Белгород). Ритор Хорикий Газский и ранневизантийская высшая школа.
- Гордиенко Д. С.** (Киев). Образ «чужого» в трактате Константина VII Багрянородного «De administrando imperio».
- Домановский А. Н.** (Харьков). Византийская «торговля с врагом» в VIII—X вв.: государственный контроль за внешнеторговыми сношениями с арабами сквозь призму «трапезунтского инцидента».
- Дьячков С. В.** (Харьков). О камнях «пращевиках» из раскопок генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).
- Иваницкая Я. Ю.** (Белгород). Идея приснодевства в иконографии Богоматери в Ранней Византии.
- Кузь А. И.** (Черновцы). О внутренней структуре генуэзских гарнизонов Крыма в первой половине XV в.
- Миловидова О. В.** (Харків). Особливості культурного розвитку Візантії у IX—XII ст.
- Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.** (Симферополь, Керчь). «Церковь Шевелева» или «Церковь 1833 г.» (г. Керчь): к вопросу о местоположении и обстоятельствах находки.

Пархоменко М. В. (*Харьков*). К вопросу о локализации больницы в Византийском Херсоне.

Столяренко Е. Н. (*Харьков*). Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало XIV—XV вв.

Тесленко И. Б. (*Симферополь*). Хронология одной группы кухонных горшков из раскопок средневековых памятников Крыма.

Фомин М. В. (*Харьков*). О елее в раннехристианской погребальной традиции.

29 ОКТЯБРЯ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

14⁰⁰–15³⁰

1. Отчет руководителей секций.
Подведение итогов работы секций.
2. Принятие итоговых документов конференции.

16⁰⁰

Презентация результатов археологического полевого сезона 2010 г.

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

А. Д. Пряхин (Воронеж)

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОКРОВСКОГО ТИПА В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (90-е гг. XX в.—первое десятилетие XXI в.)

Выделение и первое осмысление памятников покровского типа связано с именем А. Х. Халикова. В работах второй половины 60-х гг. он интерпретировал последние как начальную стадию срубной культуры. Их распространение А. Х. Халиков определял преимущественно Средним и Нижним Поволжьем. Тогда же соответствующий массив захоронений Покровских курганов П. Д. Либеров, А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак интерпретируют как абашевские. В середине 70-х гг. выделяется и доно-волжская культура, основной массив памятников которой находится в лесостепном Подонье. А. Х. Халиков, признавая правомерность выделения этой культуры, продолжает развивать мысль о выделении на территории Нижнего—Среднего Поволжья памятников покровского типа.

В 1992 г. Н. М. Маловым защищается диссертационное исследование «Абашевские племена Нижнего Поволжья. Памятники покровского типа». Показательно, что покровские памятники им преимущественно сопоставляются с древностями средневожской, а не с доно-волжской абашевской культурой. Собственно по этому же пути идет и О. В. Кузьмина, придавая памятникам покровского типа статус фактически отдельной археологической культуры. В ее работах даже чувствуется стремление чуть ли не подменить название «доно-волжская абашевская культура» термином «покровская культура». А. В. Бочкарев, выступая в середине 90-х гг. в дискуссии по одному из докладов О. В. Кузьминой, высказался в том смысле, что «к доно-волжской абашевской культуре А. Д. Пряхина наука уже не вернется».

Между тем, достигнутый уже тогда уровень осмысления доно-волжской абашевской культуры лесостепного Подонья позволил интерпретировать по крайней мере ранние памятники покровского типа Поволжья как относящиеся к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры.

А. Т. Синюк, основываясь в значительной степени на результатах изучения престижных военно-аристократических захоронений, которые нами рассматривались в системе древностей доно-волжской абашевской культуры, выделяет их вначале в пласт памятников покровско-абашевского типа. Вскоре он делит доно-волжскую абашевскую культуру на две абашевские

культуры: ранняя донская абашевская, более поздняя — покровско-абашевская культуры. В 1996 г. публикуется итоговая книга А. Т. Синюка по бронзовому веку Донского бассейна, где оценке памятников покровско-абашевской культуры посвящен отдельный параграф.

Не выглядит безосновательным неоднократно высказывавшийся В. И. Бесединым подход, согласно которому термин «памятники покровского типа» уместнее интерпретировать как термин для обозначения своего рода переходного звена между древностями доно-волжской абашевской и срубной культуры.

Мною в выступлениях на III Рыковских чтениях в Саратове и на конференции «Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей» в Донецке был употреблен термин «покровский феномен», за которым просматривается тот факт, что ранние включаемые в этот феномен памятники завершают этап древностей доно-волжской абашевской культуры, а поздние следует рассматривать в связи с оценкой раннего пласта срубных древностей лесостепного Подонья. Ю. П. Матвеев интерпретировал покровские памятники как памятники переходного типа между доно-волжской абашевской и раннесрубной культурой доно-волжского междуречья.

Термином «покровская срубная культура» В. В. Отрошенко называет одну из двух выделенных им в 90-е гг. срубных культур.

Осмыслению памятников покровского типа в Подонцове и на нижнем Дону в середине—второй половине 90-х гг. особое внимание уделяют Р. А. Литвиненко и Э. С. Шарафутдинова. Р. А. Литвиненко одно время даже склонялся к мнению, согласно которому термин абашевская культура по отношению к памятникам бассейна Северского Донца вообще не корректен, считая более оправданным называть их памятниками покровского типа. Подавляющее большинство этих памятников он соотносил с поздним этапом «покровских» памятников Волго-Донского района, полагая, что вероятно именно покровский импульс из лесостепного Подонья являлся ключевым в формировании в бассейне Северского Донца срубной культуры, сохранявшей в течение двух первых этапов развития местные многоваликовые и пришлые покровские

традиции. К концу десятилетия он уже не исключает возможности выделения ранней и поздней ступеней покровского этапа в бассейне Северского Донца, первая из которых по его представлениям может быть отнесена к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры, а поздняя, имеющая размытые абашевские черты — это уже ранний этап срубной культуры.

Э. С. Шарафутдинова ведет речь о пласте захоронений покровского типа в Нижнем Подонье и на Северском Донце. По ее представлениям, покровцы сменили на Нижнем Дону и на Северском Донце памятники среднедонской катакомбной культуры и связанные с ними памятники типа культуры многоваликовой керамики (результат миграции покровского населения со Среднего Дона и из Волго-Донского междуречья).

С. Н. Санжаровым высказывается суждение о первоначальном проникновении населения покровской культуры на территорию Подонцовья не в многоваликовое, а в позднекатакомбное время, что и обусловило трансформацию позднекатакомбной культуры в специфическую группу памятников, известных затем под названием культуры многоваликовой керамики. Впоследствии он ведет речь уже о проникновении на эту территорию не покровцев, а доно-волжских абашевцев.

С начала текущего десятилетия увлечение выделением памятников покровского типа все более оказывается обусловленным необходимостью увязки высказанных суждений достигнутым уровнем изучения крупных культурно-исторических общностей средне-поздней бронзы лесостепной зоны Доно-Донецкого и Волго-Уральского регионов Восточноевропейской степи и лесостепи: катакомбной (А. В. Кияшко, С. Н. Санжаров и др.), абашевской (Е. Н. Черных, автор), бабинской (Р. А. Литвиненко), срубной (В. В. Отрошенко, В. С. Горбунов).

Показательна недавно предпринятая Н. М. Маловым попытка обобщить имеющиеся данные по поселениям выделяемой им покровской культуры на территории Саратовской области (лесостепные и смежные степные пространства Поволжья). Судя по приводимой им карте, такого рода памятники, в своем большинстве сконцентрированы в Приволжье и по правому берегу Волги. Среди них изучавшиеся раскопками в 80-е гг. поселения Новая Покровка I и II (р. Терешка), которые Н. М. Маловым интерпретируются как наиболее ранние среди покровских, как впрочем, и другие поселения, дающие свидетельства абашевского облика. Причем по мере того как с территории Саратовского Поволжья возрастает объем информации по выделяемому Н. М. Маловым раннему этапу покровских древностей, все более очевидной становится возможность интерпретации ранних из них как абашевских. Более того, последние вообще трудно отделить от древностей доно-волжской абашевской культуры. Немаловажно и то, что речь идет о пространствах, фактически продолжающих территорию сосредоточения основного массива поселенческих памятников этой абашевской культуры в лесостепном Подонье.

В свете сказанного следует обратить внимание на результаты раскопок в текущем десятилетии саратовскими и волгоградскими исследователями ряда военно-аристократических захоронений, которые чаще всего интерпретируются как покровские срубные. Наиболее показателен одиночный курган у с. Дубовый Гай по левому берегу р. Терешки в Правобережье Волги, где оказались четыре одновременных захоронения. По своим масштабам выделяется находящееся в центре кургана захоронение 4, которое, судя по инвентарю, является доно-волжским абашевским. Имеющаяся радиоуглеродная калиброванная дата позволяет определить время захоронения рубежом III—II тыс. до н. э. **Значительное число и других раскопанных в эти годы военно-аристократических захоронений прежде всего территории лесостепного Поволжья также весьма близки доно-волжским абашевским, что позволяет усомниться в правомерности их отрыва от этой культуры.**

Недавно А. А. Припадчевым защищено диссертационное исследование «Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы», где дается анализ захоронений, относимых разными авторами к покровским. Им эти погребения разделены на три группы. В одну группу включены захоронения, которые по основным показателям являются доно-волжскими абашевскими. Значительную группу образуют захоронения, которые могут быть интерпретированы как собственно срубные. Оставшиеся же захоронения, имея в целом более срубный облик, проявляют и отдельные абашевские черты, что прежде всего фиксируется в керамике. За последней из названных групп А. А. Припадчев считает возможным оставить обозначение «погребения покровского типа», отражающих процесс трансформации доно-волжских абашевцев в срубников.

Факт постепенной трансформации доно-волжских абашевцев на территории лесостепного Подонья и смежных районах степной зоны находит свое подтверждение и при сопоставительном анализе серий металла доно-волжской абашевской культуры и донской лесостепной срубной культуры. А. А. Саврасовым прослежена преемственность производственного инструментария, технологии отливки и типологии серий изделий обеих культур. Отмечается наличие серьезных изменений в масштабах металлопроизводственной деятельности и в характере ее организации у доно-волжских абашевцев и срубников.

В то же время важно подчеркнуть, что сводить происхождение срубников к трансформации доно-волжской абашевской культуры неправомерно. Последнее тем более так, когда речь идет о Волго-Уральском междуречье или о Подонцовье.

Заключая, остановлюсь на подходе В. В. Отрошенко к оценке срубных древностей. В защищенной в 2002 г. докторской диссертации «Історія племен зрубної спільності» **им развивается подход, сводящийся к выделению двух срубных культур, включая покровскую срубную, памятники которой концентрируются в зоне лесостепи и на прилегающих территориях степной зоны, включая левобережье Донца.**

В опубликованной вскоре по мотивам диссертационного исследования статье «К истории племен срубной общности» эта культура В. В. Отрощенко именуется уже как покровско-мосоловская. Этот термин получил признание прежде всего у украинских исследователей. Поскольку для понимания сути этой культуры базовым памятником является Мосолов-

ское поселение, что признает и В. В. Отрощенко, то не лучше ли именовать соответствующую культуру мосоловской срубной? В этом случае утрачивается необходимость употребления российскими исследователями термина донская лесостепная срубная культура, эталонным памятником которой является все то же Мосоловское поселение.

С. И. Берестнев (Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ КУЛЬТОВОЙ КУРГАННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

1. Появление практики курганного строительства у энеолитического населения юга Восточной Европы явилось одним из наиболее значимых культурных феноменов, отразивших глубокую трансформацию идеологической сферы, своего рода «идеологическую революцию» начала эпохи палеометалла. Причины создания рельефных грунтовых сооружений, предполагавших значительные затраты труда и времени, большинство исследователей склонны видеть в начавшихся процессах социальной дифференциации родового общества. При всем многообразии трактовок семантики курганной насыпи интегрирующей идеей остается отношение к кургану как к сугубо погребально-поминальному объекту.

2. В неолите—начале энеолита объекты подобного рода достаточно выразительно представлены грунтовыми «могильниками» мариупольского типа, которые есть основания рассматривать как открытые святилища, связанные с отправлениями хтонических культов, а содержащиеся в них человеческие останки — как жертвы потусторонним силам. В архаическом сознании Земля представлялась всепорождающим и всепоглощающим началом, поэтому возвращение в её лоно погибшего или умершего сородича способствовало укреплению связей с Потусторонним и сохранению существующего миропорядка. Часть окружающего пространства, обладавшая свойствами иерофании («священного пространства») превращалась во временный «центр Мира», где сходились все уровни мироздания и переход с одного уровня на другой (в нашем случае с Земли в Нижний мир) максимально упрощался. В то же время каждый культовый акт заново освящал прилегавшую территорию и делал ее пригодной для обитания. Вероятно, эти «точки соприкосновения» продолжительный период времени использовались для жертвоприношений, материальные остатки которых трактуются как могильники.

3. Появление рельефных наземных сооружений — курганных насыпей означало существенную трансформацию космогонической доктрины, определявшей характер и содержание культовой практики. В частности, формируется представление о небесной сфере и, соответственно, о трех уровнях мироздания. Искусственное возвышение наглядно воплощало символ «Мировой горы», объединяя в себе мифологические представления о сотворении мира и «Мировой оси»,

соединяющей все части Вселенной. В этом отношении основополагающей идеей представляется моделирование образа Горы, как первоосновы Космоса, творимого из окружающего аморфного Хаоса. В мифологическом мышлении жизнь не могла быть исправлена, она могла быть только заново сотворена через возвращение к истокам, т. е. к моменту первотворения. Таким образом, создание курганной насыпи символизировало начало творения и, вероятно, имело целью преодоление негативных и опасных последствий какого-либо события или явления. Отправной точкой ритуально-магического действия являлось жертвоприношение человека, позволявшее установить непосредственный контакт с Потусторонним и заручиться его поддержкой. Косвенным образом сугубо ритуальный, а не утилитарный, характер основных подкурганых погребений подтверждается частыми случаями преднамеренного нарушения анатомической целостности костяков в энеолитических курганах Северного Причерноморья, отражающими архаические представления о сотворении Вселенной, впоследствии получившие обоснование в индоевропейской мифологии (миф о сотворении мира из тела первочеловека Пуруши).

4. Таким образом, каждый курган представлял собой материальное свидетельство заверщенного культового акта, направленного на «воссоздание» Вселенной. В ходе осуществления ритуальной церемонии он приобретал особую сакральность и продолжительное время функционировал в качестве святилища, воплощавшего «канал коммуникации» с миром Потустороннего. Поводом к возведению кургана-святилища могли быть представления о необходимости циклического обновления мироздания или какие-либо чрезвычайные обстоятельства, представлявшиеся кризисными с позиции социума. «Активизация» святилища при необходимости осуществлялась повторением смыслополагающего культового действия — жертвоприношением (впускное погребение) и моделированием акта первотворения в образе Горы (локальная или глобальная досыпка).

5. В традиционном обществе основной функцией культовой деятельности являлась функция стабилизующей структуры Космоса. В ходе осуществления ритуалов репродуцировалась форма взаимодействия социума с Потусторонним и вся система взаимоотношений между субъектами этого взаимодействия.

Только необходимость сохранения стабильности мироздания, предотвращения вторжения Хаоса могли обусловить масштабные мероприятия, предполагавшие коллективные усилия всего социума. Результатом

подобных культовых акций сообществ скотоводов и охотников явились степные «храмы» — курганы, ставшие на тысячелетия неотъемлемыми элементами равнинного ландшафта.

Ю. М. Бровендер (Алчевск)

О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОНЕЦКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Вопрос, посвященный времени эксплуатации медных руд Донбасса, является актуальным с момента выявления братьями Носовыми в Бахмутской котловине следов древних рудоразработок.

До развертывания здесь С. И. Татариновым систематических, хотя и небольших по масштабам, исследований датировки древних рудников носили исключительно гипотетический характер. Так, В. А. Городцов древние рудоразработки датировал катакомбным временем, И. Ф. Леваковский — профессор Харьковского университета, связывал древние свидетельства горного дела с территории Бахмутской котловины с кочевым населением степей средневековья (IX—XIII вв.). Профессор этого же университета А. С. Федоровский следом за В. А. Городцовым отнес следы древних горных работ к катакомбному времени. В конце 60-х гг. Е. Н. Черных предположил наличие небольшого объема разработок медных руд Бахмутской котловины в энеолите, не акцентируя внимание на их разработке в эпоху бронзы. Позже, в 1976 г., определяя место Донецкого горно-металлургического центра (ДГМЦ) в производстве медных изделий в степи, Е. Н. Черных датировал его III—I тыс. до н. э.

Обследовав выявленные ранее геологами древние рудники, С. И. Татаринов провел раскопки на пяти памятниках трех рудопоявлений: Пилипчатин-1, 2 (рудопоявление Кислый бугор); Клиновое-1, 2 (рудопоявление Клиновое) и Вискривка (рудопоявление Вискривское). В целом, время функционирования ДГМЦ он связывает с эпохой поздней бронзы и раннего железа, датируя его рамками XV—IX вв. до н. э.

Масштабные работы на памятниках Картамышского рудопоявления, проведенные в течение десяти лет совместными усилиями Донбассского государственного технического университета, Института археологии НАН Украины и Воронежского государственного университета России дали исключительно важные сведения для решения ряда вопросов, связанных с производственной деятельностью древних массивов населения, в т. ч. и времени функционирования ДГМЦ. Объектами исследований явились поселения Червонэ озеро 1 и 3, техногенный участок рудника Червонэ озеро-I и три горных выработки рудника Червонэ озеро-IV.

В своем докладе мы хотим остановиться на времени, связанном с заключительным этапом эксплуатации медных руд Донбасса. В этой связи, на фоне общего массива близкой по времени керамики степановского типа выделяется группа посуды явно более позднего

времени. Речь идет о керамике с воротничковым орнаментом и острым окончанием венчика. По мнению ряда исследователей, она имеет восточное происхождение. Встречается она в слоях, датированных заключительным периодом развития срубной общности.

Обращают на себя внимание фрагменты керамики синкретического характера, сочетающие в себе острое окончание венчика и воротничковый орнамент. Интересной также является посуда, орнаментированная «жемчужинами», известная на поселениях малобудковского типа. Единичные фрагменты такой керамики встречены на поселении Червонэ озеро-3 Картамышского комплекса горно-металлургических памятников бронзового века. По данным исследований С. И. Татаринова известна она и в Клиновом.

Из всех, исследованных раскопками на Картамыше памятников, описываемая выше керамика встречена лишь на Червоном озере-3. Самостоятельный горизонт она не образует и встречена во всех уровнях культурного слоя. Однако, все же большая ее часть найдена в верхнем уровне культурного слоя. Бросается в глаза сильная фрагментированность данной группы посуды, не поддающаяся реконструкции, а также ее малочисленность. Всего на Червоном озере-3 данная керамика насчитывает 44 фрагмента. Относительно общего количества найденных здесь сосудов (308 экз.) она составляет 14 %. Керамика, имеющая острое окончание венчика, насчитывает 29 фр. (9,4 %), воротничковая керамика представлена 15 фрагментами (4,9 %), в т. ч. коллекция керамики синкретического типа составляет семь фрагментов.

Посуда представлена баночной, горшковидной формой и горшками. Орнамент в виде косых насечек или насечек, образующих зигзаг, оттисков зубчатого штампа украшают фрагменты с острым окончанием венчика. Что же касается воротничка, то он гладкий.

Есть основание говорить о прекращении функционирования Донецких рудников в период бытования описываемой выше керамики, поскольку и в верхнем уровне культурного слоя также найдены свидетельства производственной деятельности. Аналогичная керамика, также немногочисленная, известна и на других поселениях ДГМЦ. Известна она и на таких поселениях как Ильичевка на Сев. Донце, Безыменное-II в Приазовье, Лихачевка в среднем течении р. Ворскла, Богуслав на р. Самаре и других, датированных финальным периодом бронзового века — временем перехода от сабатиновки к белозерке. Очевидно прекращение функционирования ДГМЦ также следует связывать с этим временем (XIII—XII до н. э.).

Ю. В. Буйнов (Харьков)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПАМЯТНИКОВ МАЛОБУДКОВСКОГО ТИПА ФИНАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА

В научной и учебной литературе уже давно укрепились гипотеза о существовании марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития на территории Днепро-Донской Лесостепи. Однако после выхода учебного пособия «Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы» Б. Н. Гракова для студентов МГУ, появилось иное видение в решении вопроса о происхождении бондарихинской культуры. В своих лекционных курсах профессор Б. Н. Граков высказал гипотезу о генезисе памятников типа Малые Будки—Бондариха на основе не марьяновской, а поздняяковской культуры, существовавшей в Волго-Окском междуречье. Позже эту гипотезу поддержали С. И. Волоник, С. В. Кузминых, Я. П. Гершкович, а в последнее время и А. В. Корохина.

Появился даже термин об активизации «северо-восточной» группы племен, под которыми подразумеваются носители поздняяковской и раннетекстильной культур. Именно в них новые исследователи памятников малобудковского типа, а следовательно, и бондарихинской культуры видят генетические истоки.

Результаты наших исследований не дают никаких оснований для подобного вывода. Поясняем это утверждение следующими фактами. Во-первых, у памятников типа Малые Будки и поздняяковской культуры совершенно разные ареалы. Никаких признаков миграции населения поздняяковской и раннесетчатой культур из Волго-Окского бассейна в Левобережную Лесостепь не имеется. Во-вторых, как убедительно доказали О. Н. Бадер и Т. Б. Попова, племена поздняяковской культуры прекращают свое существование в конце II тыс. до н. э. в результате экспансии носителей культуры с сетчатой керамикой. В-третьих, нет ни одного стратифицированного памятника с отложениями поздняяковской культуры и малобудковского

типа. В-четвертых, ссылка на мелкозубчатый штамп, гребенчатые расчески и «жемчужины», как признак генетической связи между позднебронзовыми памятниками Поволжья и Малые Будки в Левобережной Украине, несостоятельны. Эти признаки представлены в разных культурах от Поднепровья до Западной Сибири. В-пятых, в типологическом отношении керамика поздняяковского и малобудковского вида не имеет генетической связи. В-шестых, это замечание касается так же погребальных памятников и типов жилищ, которые несопоставимы в генетическом отношении между указанными регионами.

В то же время мы имеем уже более десятка памятников в Левобережной Украине и Среднем Подонье, где зафиксировано совместное залегание отложений марьяновской, малобудковской и бондарихинской керамики. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на материалах Субботовского городища, селищ Малая Рублевка, Гудовский кордон, Замятино-5, Борькин Ручей и погребение № 30 у с. Червоный Шлях.

Наши выводы можно свести к следующим позициям:

1) место и роль поздняяковской культуры и других этнокультурных образований Поволжья в генезисе бондарихинской культуры и ее раннего малобудковского этапа, явно преувеличены.

2) марьяновско-бондарихинская культура — это не просто кабинетное изобретение, а историческая реальность.

Конечно же, в решении вопросов генезиса памятников типа Марьяновка—Малые Будки—Бондариха, еще много проблем. Они касаются и хронологии, и этнокультурных контактов, которые во многом и очень часто влияли на соответствующие культурообразующие индикаторы.

С. Н. Гапочка, А. М. Скоробогатов (Воронеж)

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА И ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В НЕОЛИТЕ—ЭНЕОЛИТЕ

Выделение неолитической культуры на Украине в 1927 г. А. В. Добровольским открыло изучение культур с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой на территории Восточной Европы. Изучение данного типа памятников уже во второй половине 40-х гг. позволило В. Н. Даниленко выделить в неолитической культуре Украины 2 этапа. 1 — с накольчатой; 2 — с гребенчатой орнаментацией керамики. К концу 60-х гг. XX в. сложилось представление о днепро-донецкой культуре, характеризующейся накольчатой и гребенчатой орнаментацией. В зону ее распространения попали и памятники лесостепного Подонья. В начале 70-х гг. XX в. территория Донской лесостепи была включена в александрийскую группу памятников среднестого-

вой культуры, а к началу 80-х гг. XX в. появилась концепция Мариупольской КИО с группой раннеэнеолитических культур от Поднепровья до Приуралья, характеризующихся целым набором единых признаков, и вероятно, общностью происхождения.

Таким образом, уже на ранних этапах исследования территория лесостепного Подонья традиционно включалась в круг памятников неолита-энеолита Левобережной Украины.

Исследования неолита Донской лесостепи к концу 60—началу 70-х гг. XX в. позволило А. Т. Синюку выделить здесь специфическую неолитическую культуру, отличающуюся от памятников Днепро-Донецкой общности.

Однако, им же наряду с юго-восточным импульсом, на основе которого складывалась среднедонская неолитическая культура, было отмечено и влияние с запада, из круга культур неолита—энеолита Левобережной Украины. С другой стороны, А. Т. Синюком впервые была отмечена возможность проникновения накольчатой орнаментации на территорию Украины с востока, в том числе и с территории лесостепного Подонья.

Взаимные контакты населения лесостепного Дона и Левобережной Украины в неолите-энеолите не раз отмечались различными исследователями. На памятниках Подонья (Черкасская, Дронежа, Копанище 1, Затон 1, Щучье II и др.) выявлены материалы как чисто днепро-донецкие, сурские, буго-днестровские, так и отдельные их черты в массовом керамическом материале и кремневом инвентаре. С другой стороны, целый ряд памятников Днепро-Донского междуречья характеризуется наличием в их материалах черт и признаков, характерных для среднедонской неолитической культуры.

Раннеэнеолитическая керамика Мариупольской КИО от Поднепровья до Приуралья — плоскодонная (прикаспийская, самарская, нижнедонская и азово-днепровские культуры). Широкое распространение округлых и приостренных днищ (наряду с плоскими) на керамике нижнедонской культуры, как и появление органической примеси в тесте, Н. С. Котова связывает с влиянием донецкого неолитического населения. В свою очередь, появление орнамента в виде прочерченного зигзага на керамике т. н. «веревкинской группы памятников» (по Н. С. Котовой) или на «керами-

ческом типе синкретического облика периода раннего энеолита» (по Ю. Г. Гурину) Северского Донца — заимствование из среды раннего энеолита Среднего Дона, где в такой манере украшалось 30 % керамики нижнедонской культуры.

На некоторых памятниках Среднего Дона обнаружена керамика среднестоговской культуры с элементами сурских орнаментальных традиций (пос. Университетское-3, Верхний Карабут-2, ст. Черкасская) в виде прочерченных линий и рядов небольших округлых ямчатых вдавлений. Для более западных районов лесостепи такие признаки встречены на керамике среднестоговской культуры на памятниках Устье Оскола-2, Александрия, Сомовка и др.

На стоянке Ямное под г. Воронежем (левый берег р. Дон) в слое памятника, помимо фрагментов приблизительно от 80-ти сосудов среднестоговской культуры, выявлен обломанный предмет зооморфной глиняной пластики, находящей определенные аналогии в подобных изделиях пос. Деревка в Поднепровье.

Заключительный этап энеолита Донской лесостепи связан с бытованием здесь населения репинской культуры, которое из своего центра культурогенеза на Среднем Дону распространилось в различных направлениях, в том числе в Подонцовье, Поосколье и Поднепровье (Подгоровка, Великая Тополяха I, Александрия, средний слой Михайловки и др.).

Таким образом, контакты населения Левобережной Украины и Донской лесостепи четко фиксируются в материалах этих территорий в эпоху неолита—энеолита.

О. Є. Кислий (Симферополь)

МОЖЛИВОСТІ АРХЕОЛОГІЇ ЯК НАУКИ У МОДЕЛЮВАННІ КРИЗОВИХ ЯВИЩ (ДО ПРИЧИН ЗАНЕПАДУ ТРИПІЛЬСЬКОЇ КУЛЬТУРИ)

Зникнення потужної у своїх потенціальних можливостях соціокультурного творення трипільської археологічної культури дослідники пов'язують з різними факторами. Це і зміна клімату, і наступ більш рухомих племен скотарсько-землеробського спрямування, і демографічні явища перенаселення. Проте жодне з цих пояснень не є уповні відповідним потребам осмислення як явища Трипілля археологічного, так і явища системного відтворення життя соціумом, що вже досягнув відносно високого рівня розвитку, проте далі занепадає, а також потребам сьогоденного багатфакторного моделювання кризових явищ.

Адже ні перенаселення, ні зміни клімату, ні зовнішня агресія не є чинниками абсолютно деструктивними, коли йде мова про можливості подальшого «розвитку» потужного соціокультурного організму, що має достатній потенціал. Перенаселення — неодмінний чинник і складова продуктивного тиску на родонаселення на виробничі сили. Контакти з населенням іншого господарсько-культурного типу породжують можливості продукування нових господарських симбіозів, експлуатації і т. д. Зміни клімату не будуть занадто серйозними у своїй деструкції

у випадку реалізації «прогресивних»/своєчасних способів експлуатації природи та людини.

Відповідь на постале археологічне питання допомогла б нам зрозуміти природу системних негараздів на теренах України в історичні часи. Головна проблема нездатності осмислити явища полягає у нашому прогресистському мисленні, породженому наукою епохи гуманізму, що є не діалектичним, а таким, яке лежить у напрямку-однотенденції *можливостей розвитку*. Між тим, діалектика демоекономічних взаємозв'язків (а вони у певному сенсі є відображенням відтворення життя у цілому, включно із зв'язками природа-соціум) потребують дослідження діалектики не тільки можливостей, але й *потреб розвитку*.

Від початку свого виникнення на території сучасної Молдови та Східної Румунії культура Кукутени-Трипілля мала усі можливості екстенсивного розвитку. З іншого боку — традиції передового ведення господарства, бо існували зв'язки з високорозвиненими культурами Дунайсько-Балканського регіону. Можна досить упевнено гадати, що культурно-технологічні (включно з антропологічними, мовно-етнічними факторами) особливості соціуму значний

час забезпечували самостійність господарського комплексу. Населення змушене було на певній території розвивати характерне господарювання, поступово просуваючись на протязі IV тис. до н. е. до Подільсько-Волинської, далі — Придніпровської рівнини, а у III тис. — до Причорноморської низовини.

Відомо, що взаємопроникнення культури Трипільля та культур власне місцевого населення (особливо степу) характеризується більшою кількістю артефактів степових культур у Трипільлі, ніж трипільських у «місцевих» культурах. Це не випадково. Високотехнологічна культура Трипільля при відносній можливості розвитку у більш спрощених умовах життєдіяльності була непотрібна. Якби таких можливостей спрощеної життєдіяльності не існувало, то Трипільля змушене було б перейти до етапу класової експлуатації, бо цивілізація не є чудовим винаходом розвитку, а лише єдиною можливістю і потребою трансформації-розвитку в умовах, коли екстенсивні ресурси відносно відсутні. У трипільців найперше не було потреби класового розвитку, розвитку цивілізації

у цілому, хоча можливості були. Ситуація повністю пояснюється першим законом демоекономіки, за яким при наявності ресурсів більш низького порядку ресурси більш високого порядку уповні розвиватися не будуть.

Аналогічно в Україні XVII—першій половині XIX ст. ліквідація кріпосництва та розвиток капіталістичних ринкових відносин йшли повільними темпами не тому, що не було попередньо створених можливостей, а тому, що не було у тім потреби. Основні організатори виробництва — поміщики, мали удосталь землі, від якої отримували певний прибуток за кріпосницьких відносин. Ринкові відносини з особистою свободою людини не були потребою. При цьому зазначимо, мова йде про демоекономічні закономірності, а не про якість життя селянських чи поміщицьких родин України-Росії у порівнянні з іншими країнами.

Отже, якби наука не сприймалася як витратна стаття бюджету, то можна було б сподіватись на адекватні відповіді на поставі у XX—XXI ст. економічні проблеми з використанням даних теоретичної археології.

А. В. Корохіна (Київ)

КЕРАМІЧНИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕННЯ ІВАНІВКА-МАЙОРІВ БУГОР-2 НА СЕЙМІ ТА ПРОБЛЕМА ФОРМУВАННЯ БОНДАРІХІНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Зважаючи на дискусійний характер проблеми походження бондарихинської культури, особливу увагу привертають пам'ятки південної частини східноукраїнського Полісся, на матеріалах яких вдається прослідкувати найбільш ранні етапи її формування. Одним з них є поселення мар'янівської культури Іванівка-Майорів Бугор-2 на Сеймі, яке згадується в літературі як найбільш пізнє серед мар'янівських пам'яток в межах Полісся. Детального аналізу його матеріалів до сьогодні не проводилося, що змусило автора звернутися до повторної обробки колекції.

Поселення розміщувалося на дюнному підвищенні в заплаві правого берегу р. Сейм, поблизу с. Іванівка Путивльського р-ну Сумської обл. Виявлене та досліджувалося в 1953 р. Д. Я. Телегіним та в 1954 р. С. С. Березанською. В розкопі площею 80 кв. м виявлено матеріали сосницької культури, з якою пов'язувалося заглиблене житло, впущене з глибини 0,4–0,5 м від сучасного горизонту, а також мар'янівської культури, що залягали скупченням на сусідній ділянці на глибині 0,6–0,9 м від СГ.

Основною та найбільш інформативною категорією знахідок є кераміка (нажаль, сильно фрагментована). В процесі її обробки виявилася неоднорідність матеріалів, що відносилися до мар'янівських, а в їх складі виділено три культурні групи: 1) власне мар'янівська кераміка; 2) малобудківського типу; 3) нечисленна група лебедівської культури або споріднених їй груп раннього залізного віку.

Особливу увагу в контексті означеної проблеми привертають матеріали перших двох груп. Їхній розподіл проведено з огляду на комплекс характерних ознак, властивих кожній групі.

Мар'янівську кераміку характеризують в орнаментативній окроглі наколи, композиції із мотузкового штам-

пу, суцільне вкриття поверхні орнаментом, іноді відмічається сплюснений зовні край вінець. Вона, зокрема, представляє аналогію до епонімного Мар'янівського поселення, де І. І. Артеменком досліджено «чистий» горизонт мар'янівської культури.

Відмінні ознаки демонструє малобудківська група, до якої відносяться переважання «тичків» серед накульчастих елементів орнаменту, мілкозубчастий штамп в орнаментативній та мілкозубчасті розчоси, що зовсім невідомі в матеріалах Мар'янівського поселення. Розглядувана група представляє вже сформовані керамічні традиції малобудківського типу, характерні для пам'яток Дніпро-Донського Лісостепу (нижні горизонти пос. Ніцаха, Тимченки та інші). З іншого боку вона може бути зіставлена із традиціями культур доби пізньої бронзи басейнів Верхньої та Середньої Волги та представляє самостійний культурний компонент в межах розглядуваного комплексу. Важливо відмітити випадки поєднання рис обох груп, які, однак, є одиничними (синкретична кераміка представлена лише 2 фрагментами, що складає 1 % в сукупності мар'янівської та малобудківської кераміки).

Таким чином, розглянуті матеріали надають свідчення контактів носіїв мар'янівської культури та малобудківського типу (вочевидь, на їх початковому етапі) як двох самостійних культурних груп. Результатом розвитку цих контактів, на думку автора, можна вважати синкретичні мар'янівсько-малобудківські комплекси типу поселення Малі Будки на Сулі. Питання щодо їх часу потребує подальшої розробки та пов'язується із проблемами визначення верхньої дати мар'янівської культури, а також виділення та датування комплексів пізньобронзової доби Поволзького регіону, безпосередньо пов'язаних із формуванням малобудківського типу.

С. Д. Лысенко (Киев), **Д. П. Куштан** (Черкассы),
В. Б. Панковский (Киев), **В. Ф. Федько** (Беспальче)

ПАМЯТНИКИ МАЛОПОЛОВЕЦКОГО ТИПА В БАСЕЙНЕ р. СУПОЙ

Одной из основных проблем раннего этапа эпохи поздней бронзы в Среднем Поднепровье является вопрос взаимоотношения и взаимовлияния культурных кругов Бабино, тшинецкого, срубного, Сабатиновка—Ноуа—Косложень.

Ярким примером взаимодействия этих культурных кругов являются памятники с керамикой малополовецкого типа. В комплексах эпонимного могильника Малополовецкое-3 на Фастовщине кроме керамики малополовецкого типа, объединяющей черты керамики тшинецкого и бабинского типов, обнаружена керамика собственно тшинецких типов, а также типов, находящихся аналогии в керамическом комплексе сабатиновской культуры, бережновско-маевской и покровской срубной культур. В последней непосредственные аналогии находят также массивные приплюснuto-цилиндрические и уплощенные усеченно-конические пряслища, глиняные литейные формы для изготовления серпов, а также бронзовый серп типа Ибракаево Волго-Уральской группы Волго-Уральской серии.

При обработке коллекции костяных изделий тшинецкого культурного круга с памятников Малополовецкого археологического комплекса на структурно-сырьевом, технологическом и функциональном уровнях были обнаружены общие черты с культурами Ноуа, сабатиновской, а также культурами срубного культурного круга.

На левом берегу Днепра ранние памятники малополовецкого типа были зафиксированы разведками Черкасской Лесостепной археологической экспедиции в 1987–1990 гг. и выделены в горизонт пост-КМК. Несколько десятков памятников, как раннего, так и классического малополовецкого типа были выявлены на отмелях Кременчугского водохранилища в 90-е гг. XX в.

В 1997–1999 гг. Фастовской археологической экспедицией были проведены разведки в бассейнах малых рек Киево-Черкасского левобережья. Выявлен куст памятников с керамикой малополовецкого типа у с. Недра Барышевского р-на на р. Трубеж, у сел Фарбованое и Капустинцы Яготинского р-на Киевской обл. в среднем течении р. Супой. На поселении Фарбова-

ное-3 были проведены небольшие раскопки, зафиксировавшие остатки углубленной постройки, содержащей керамику малополовецкого типа, а также фрагменты керамики срубных типов. В коллекцию из раскопок входят 238 костей животных, 136 из которых принадлежали быку домашнему; отмечены также домашние овца, свинья, конь, кости кабана, лося, черепахи [определение О. П. Журавлева]. При осмотре коллекции орудий из кости и их заготовок не выявлено.

В 2003–2009 г. на р. Супой, на огородах с. Беспальче Драбовского р-на Черкасской обл. и в его окрестностях выявлены 6 многослойных поселений, на 4 из которых обнаружена ранняя керамика малополовецкого типа. Наиболее представительная коллекция керамики эпохи бронзы, включающая керамику бабинского и раннего малополовецкого типов, после проведения плантажной вспашки собрана на поселении Беспальче-1 (ур. Федьки). В месте скопления керамики зафиксировано также скопление костей животных.

Собрано 611 целых костей и костных обломков. Среди них оказались тупики — орудия для мездрения шкур и последующей отделки сыромятной кожи. В частности, 3 фрагмента ветвей и 5 фрагментов тел происходят от левых нижнечелюстных костей, 1 фрагмент ветви и 1 фрагмент тела — от правых. Ни один из этих фрагментов не стыкуется с другими; все они представляют разные участки исходного сырья. Не поддались ремонту и остальные мелкие обломки нижнечелюстных костей из выборки. Однако, судя по участкам ветвей, в наличии части как минимум четырех орудий. Предварительно заметим, что обработка челюстных углов и особенно венечных отростков аналогична обработке образцов покровско-мосоловской срубной культуры (напр., Мосоловка, Банная Винновка).

Для выяснения характера вероятного взаимодействия раннего тшинецкого культурного круга, поздних проявлений культурного круга Бабино и покровско-мосоловской срубной культуры в бассейнах малых рек левого берега Днепра, необходимо проведение в ур. Федьки раскопок в месте скопления материала.

А. В. Макаревич (Київ)

ДОВГІ МОГИЛИ ДОБИ ПІЗНЬОЇ БРОНЗИ НА ТЕРЕНАХ УКРАЇНИ

Проблематика видовжених курганных споруд — довгих могил — за останні десятиліття вже набула певної актуальності у руслі досліджень старожитностей доби палеометалу. Нами вже були досліджені прояви даної традиції за доби ранньої бронзи, а також за часів існування культур бабинського кола. Однак, нагальним залишається питання розвитку та характеру архітектури довгих могил за доби пізньої бронзи. Зразки нестандартної сакральної архітектури носіїв БМЗК, які яскраво представлені численними пам'ятками, чи

не найперші стали об'єктом прискіпливого аналізу з боку науковців.

Перша спроба наукового аналітичного вивчення видовжених курганных споруд була зроблена В. В. Отрощенко у статті 1976 р., що стала відправною точкою розвитку даної проблематики. Також, впродовж останніх десятиріч минулого століття, свої праці цьому питанню присвячували І. Ф. Ковальова, В. В. Циміданов, Р. О. Литвиненко. Серед російських археологів даному питанню приділив певну увагу Г. А. Левих.

Окреслюючи коло основних актуальних питань, можна виокремити наступні позиції: а) вироблення певного критерію, який позначає чіткі межі центричності та поліцентричності, зокрема для ДМ III типу; б) аспект класифікації та визначення типологічних особливостей варіацій довгих курганів; в) датування довгих могил; г) закономірності локалізації довгих могил у загальному контексті курганних ансамблів; д) питання культурологічної та семантичної інтерпретації видовжених курганних споруд.

Отримана під час дослідження інформація по основним пам'яткам нестандартного курганного будівництва пізньої бронзи дає підстави для деяких поточних висновків щодо особливостей архітектури курганних споруд носіїв БМЗК. Для з'ясування динаміки процесу діхронного розвитку у царині монументальної архітектури прояви досліджуваних тенденцій за часів зрубної спільноти були розглянуті у паралельному зіставленні з основними особливостями довгих могил бабинського часу, що вже були висвітлені в наших попередніх роботах.

У порівнянні із добою переходу до пізньої бронзи кількість врахованих видовжених курганних споруд зростає майже втричі. Географічна дистрибуція видовжених курганних споруд теж значно розширилася. При аналізі типологічної варіативності довгих могил ми притримувалися класифікаційної схеми запропонованої В. В. Отрощенко, з метою її подальшої вери-

фікації та вдосконалення. Для пізньої бронзи відмічено переважання довгих курганів II групи, що складають 59,8 % від загальної кількості врахованих пам'яток. Питома вага споруд I та III груп складає 23,2 та 15,9 % відповідно. Слід зазначити певну типологічну варіативність видовжених курганних споруд в межах кожної з груп. Щодо розміщення видовжених курганних насипів в контекстах курганних ансамблів, то слід відзначити, що довгі могили досить часто виступають в якості просторових локусів, що центрують сукупність споруд могильників.

Щодо генези довгих могил періоду пізньої бронзи можна відмітити, що отримані данні у зіставленні з результатами аналізу аналогічних комплексів більш ранніх, а також пізніших періодів, дають підстави припустити перманентний розвиток даної архітектурної традиції впродовж, щонайменше, 2,5 тис. років. Ідея, яка перманентно існувала та втілювалася через архітектурні рішення монументальних споруд носіїв різних культур досягла своєрідного розквіту на ґрунті саме БМЗК.

Питання сутності традиції зведення видовжених курганних споруд потребує якомога прискіпливішого та комплексного аналізу із застосуванням різних методологічних підходів. Безперечно, дану проблематику неможливо вирішувати поза контекстом вивчення генеральної ідеї кургану, як полісемантичного феномену.

А. С. Пробейголова, К. И. Красильников (Луганск)

ПОСЕЛЕНИЯ БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

Изучение памятников финальной бронзы на Северском Донце носило эпизодический и территориально неравномерный характер. Традиционно Степное Подонцовье включалось в юго-восточный ареал распространения бондарихинской культуры, вместе с тем, как известно, бондарихинские поселки занимают лишь часть обширного бассейна Среднего Донца. В настоящем сообщении предпринята попытка определить местонахождение известных ранее бондарихинских поселений и обозначить новые неопубликованные материалы разведок 70–80-х гг. XX ст. Суммарная статистика составила 39 памятников. Информацию известных в прошлом по раскопкам поселений дополняют данные тотальных разведок, проводимых одним из авторов на территории Степного Подонцовья. Коллекция этих находок хранится в фондах Луганского национального университета. Благодаря широкому географическому охвату, разведки Луганской области позволяют создать более предметную характеристику бондарихинских памятников.

Наиболее планомерно в прошлом исследованы поселения предлессостепья в Краснолиманском р-не Донецкой и Кременском р-не Луганской областей: Усово Озеро, Ильичевка, Глубокое Озеро II, Лиманское озеро, оз. Клешня Первая 1, Черниково озеро и др. Данная серия памятников расположена компактной группой, почти «гнездами» вдоль озер-стариц левого

берега Северского Донца, образуя своеобразные обитаемые зоны. Ниже по течению Донца, в степной его части, известны поселения: Капитаново, Орехово-Донецкое IV, Магистральное (пгт. Ст. Луганское), Кибинский колодец (пгт. Ст. Луганское), Закатное I, Давыдо-Никольское. Разведками выявлено еще несколько пунктов: Сиротино, Старая Краснянка, Лопаскино VI, VIII, Новая Кондрашевка. Принимая во внимание порядок их расположения, отметим, что в целом они сосредоточены узкой полосой, вклинивающейся вглубь степной зоны долиной Северского Донца. Крайним юго-восточным пунктом на данном уровне знаний видимо является поселение Давыдо-Никольское.

Судя по результатам картографирования поселений, достаточно плотно заселенными в древности оказались русла рек, текущих в меридиональном направлении. Речь идет о левых притоках Северского Донца: река Айдар — Лиман, Байдовка, Бахмутовка, Иково, Иково IIIа, Осинное Второе IV; река Боровая — Боровеньки I, IV, Мостки VII; река Красная — Кременная, Варваровка II, Песчаное; река Жеребец — Зеленая Гора II; река Деркул — Югановка; река Белая (правый приток Айдара) — Курячевка IVб; р. Белая (левый приток Айдара) — Трембичево. На Правобережье Северского Донца пока что зафиксировано лишь одно поселение — Давыдо-Никольское. В бас-

сейне р. Лугань и на Донецком Кряже, несмотря на значительный фонд источников, всего более 700 местонахождений эпохи поздней бронзы, не обнаружено ни одного поселения бондарихинской культуры. Таким образом, Северский Донец оказался как бы естественной географической границей ареала распространения бондарихинской культуры по направлению к югу.

Определенные закономерности проявляются из сведений о топографии поселений. Большинство из местонахождений прослежено на песчаных террасах и дюнах вблизи заболоченных пойм мелких рек и озер. Значительно меньше их на высоких поднятых тер-

расах-мысах. Возможно, этим объясняется отсутствие бондарихинских поселков на плоскогорьях Донецкого кряжа, где нет привычных для бондарихинцев топографических условий.

Учитывая фрагментарный характер подъемного материала, говорить о хронологии бондарихинских поселений можно лишь относительно, определив их время развитым этапом культуры. На двух памятниках (Борькин Ручей, Зеленая Горница IV) выявлена марьяновская керамика, на Усовом Озере — малобудковская. К числу поздних, включающих бондарихинско-чернолесскую посуду, можно отнести Орехово-Донецкое IV, Капитаново и Давыдо-Никольское.

С. Н. Разумов (Киев)

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Как в публикациях отдельных погребальных комплексов, так и в обобщающих работах по раннему и среднему бронзовому веку Юго-Восточной Европы присутствует определенный терминологический разнобой, связанный с интерпретацией такой категории находок, как наконечники стрел (преимущественно кремневые).

1. Наконечники стрел в составе «производственных наборов». Термин довольно условен: *«производственный набор» — более-менее компактное скопление предметов в пределах погребального сооружения, все либо большая часть составляющих которого могут связываться с определенным технологическим процессом (сырье, инструменты, полуфабрикаты, отходы производства, готовые изделия)*. Соответственно, наконечники стрел, зафиксированные в составе «производственного набора», не могут быть отнесены к категории «предметы вооружения», и содержащее их погребение не может интерпретироваться как «воинское».

2. Наконечники стрел в составе «колчаных наборов». Термин «колчаный набор» также является условным. В ряде случаев действительно зафиксировано наличие остатков колчана из кожи или бересты, но часто расположение наконечников свидетельствует о его отсутствии. Возможно, наконечники транспортировались без древков в мешочках по той причине, что из-за своей хрупкости они были практически одноразовыми, а древки можно было использовать многократно, насаживая новый наконечник. *Итак, термином «колчаный набор» мы предлагаем называть компактное скопление наконечников стрел (не меньше трех) в пределах погребального сооружения, которые не входили в состав «производственного набора» и не могли быть причиной ранения погребенных.*

3. Наконечники стрел как «причина ранения». Термин, которым обычно характеризуют наконечники стрел, зафиксированные среди костей погребенных — *«причина смерти»* — является неточным. Значительная часть ранений, причиненных стрелами, не была смертельной. К тому же, на костях погребен-

ных, пораженных стрелами, фиксируются следы добивания другим оружием. Следует учесть, что на момент совершения погребального обряда в телах, пораженных стрелами, должна была оставаться лишь незначительная часть наконечников, поскольку они часто должны были либо проходить навылет, либо извлекаться из раны во время и после военных столкновений. Поэтому мы предлагаем более нейтральный термин для таких наконечников — *«причина ранения»*. Следует особо рассмотреть наконечники стрел, покрытые слоем кальция. В отчетах и публикациях они обычно описываются как «патинированные», «изготовленные из желвачной корки» или просто «белого цвета». Непосредственное изучение ряда таких наконечников показало, что эти предметы были причиной несмертельного ранения, после которого человек прожил еще довольно долго. За это время наконечник, оставшийся в тканях тела, покрывался слоем кальция.

Наконечники стрел, которые являлись причиной ранения погребенных, соответственно, не могут именоваться «погребальным инвентарем» или безоговорочно относиться авторами к предметам вооружения той культурной группы, к которой принадлежало погребение. Так, для ямных погребений из 97 наконечников стрел (78 погребений) около 55 были причиной ранений, 18 найдены в 3 наборах. Из 368 катакомбных наконечников причиной ранения были как минимум 42, 326 наконечников находились в 72 колчаных и производственных наборах. Из 81 наконечника стрел из бабинских погребений около 32 могли быть причиной ранений, остальные находились в составе 7 наборов. Итак, наконечники стрел как погребальный инвентарь находятся преимущественно в составе сравнительно немногочисленных колчаных и производственных наборов (417 экз. в 82 наборах), количество погребений со стрелами как причинами ранений значительно больше (около 130 из 233 погребений с наконечниками). Эти особенности необходимо учитывать при интерпретации погребальных памятников.

Н. Н. Скакун, Б. И. Матеева, В. В. Терёхина (Санкт-Петербург)

БОДАКИ — КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЙ ЦЕНТР РАЗВИТОГО ТРИПОЛЬЯ¹

1. На территории Юго-Восточной Европы в V—IV тыс. до н. э. миграционные процессы привели к образованию нескольких крупных земледельческих историко-культурных общностей. Одна из них — Кукутени — Триполье, располагавшаяся на территории Румынии, Молдовы и Украины, — отличалась высоким уровнем развития в различных областях материальной и духовной жизни. В ее хозяйстве, несмотря на использование медных инструментов, важную роль продолжали играть орудия труда из кремня. Во время расцвета этой культуры начинается освоение территорий северо-западной Украины, богатой залежами высококачественного волынского кремня.

2. Вблизи месторождений этого кремня возникли специализированные поселки, население которых занималось его добычей и изготовлением орудий, основной заготовкой которых служили крупные пластины. Одно из таких поселений — Бодаки, расположено в Тернопольской области на левом берегу р. Горыни.

3. Поселение древних камнетесов состояло из ряда жилищ и хозяйственных построек, окруженных подковообразным в плане рвом шириной и глубиной до 2 м. Кремнеобрабатывающая мастерская находилась в большой полуземлянке, где было найдено 52 крупных нуклеуса и около 1500 различных кремневых изделий. В их числе отходы кремнеобрабатывающего производства, заготовки и серии различных орудий, причем большинство из них не имело следов исполь-

зования. Следы работы обнаружены только на инструментах, связанных с обработкой кремня: кремневых отбойниках и роговых отжимниках-ретушерах.

4. Все обнаруженные нуклеусы служили для получения крупных правильных пластин. Причем большинство из них оставалось еще пригодным для дальнейшего расщепления, но работа была остановлена из-за невозможности получения пластин нужной величины.

5. Трасологические исследования орудий из жилищ показали, что в Бодаках существовали все производства, необходимые для нормальной жизнедеятельности населения. Имелись земледельческие орудия: серпы и зернотерки, весь набор деревообрабатывающих и костеобрабатывающих орудий, инструменты для обработки шкур и кож, прядения и ткачества, а в гончарной мастерской производилась типичная для этого времени расписная и штампованная лепная керамика.

6. Масштабы кремнеобрабатывающего производства, большое число не использованных орудий, находки многочисленных импортов керамики позволяют говорить, о том, что Бодаки являлись одним из крупных кремнеобрабатывающих центров эпохи энеолита. Его продукция поставлялась не только на поселения Триполья, но и в районы обитания ранне-скотоводческих культур левобережья Днепра, а также на территорию одновременных культур Польши, Венгрии, Румынии и Молдовы.

Р. В. Смольянинов, А. А. Свиридов (Липецк)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Изучение культурно-исторических процессов в энеолите Восточной Европы порождает немало сложных проблем, среди которых выделяются вопросы происхождения, распространения, культурно-хронологической атрибуции керамических и орудийных комплексов, погребальной обрядности. Закономерности, определяющие преемственность традиций и зарождение нового в истории человеческого общества, отчетливее всего проявляют себя в периоды кардинальных исторических сдвигов, на их хронологических и территориальных рубежах.

Территория Верхнего Дона является частью Донской лесостепи (площадь свыше 120 тыс. кв. км) с едиными культурно-историческими процессами. До настоящего времени в отмеченном регионе накоплен большой пласт энеолитических материалов, к сожалению, эти материалы зачастую игнорируются в обобщающих исследованиях по энеолитической проблематике.

На сегодняшний день на территории Верхнего Дона известно 23 памятника нижнедонской культуры, 20 из них располагаются на пойменных останцах рек, три — на надпойменных террасах. Одно поселение —

на р. Олым, четыре — на р. Битюг (притоки р. Дон), одно — непосредственно на р. Дон и 18 — на р. Воронеж. Раскопки проводились на одиннадцати памятниках.

По керамике нижнедонской культуры поселения Ксизово 6 получена одна радиоуглеродная дата BP-5920±90 (1σ 5030-4540 BC) (Ki-13327). По гребенчатоямочной посуде поселения Курино 1 — BP 5225±90 (1σ 4350-3750 BC) (Ki-13313), по керамике нижнедонской культуры, этого же памятника, — 5170 ± 100 (1σ 4250-3700 BC) (Ki-16393). Эти два вида керамики образовали смешанный тип посуды. Мы склонны считать, что именно указанным интервалом времени, вероятнее всего, и датируется на Верхнем Дону вышеописанная гибридная посуда, а также керамика нижнедонской культуры.

Среднепалеолитская культура на Верхнем Дону представлена 20 памятниками. (На Среднем Дону их известно восемь.) Из них два на правом берегу р. Дон, один на левом, остальные 17 на р. Воронеж (10 на левом и 7 на правом берегу). По топографии большинство памятников (19) занимают пойменные останцы и низкие, пологие террасы. Только одно поселение Ксизово 17 расположено на высоком правом берегу

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 10-01-18139е/У.

р. Дон. Раскопки проводились на 12 стоянках. Все памятники многослойные, зачастую со смешением материалов в наслоениях стоянок. При этом есть памятники с мощным культурным слоем. Особенно в этом плане выделяется поселение Ксизово 6, с общей вскрытой площадью 253 кв. м. Это многослойный памятник, где среди материалов неолита — РЖВ и позднееримского времени, 13-ти погребений неолита-бронзы выявлены фрагменты приблизительно от 100 энеолитических сосудов, подавляющая часть которых принадлежит среднестоговской культуре.

Репинская культура на Верхнем Дону представлена 52 памятниками. 27 из них располагаются на пойменных останках рек, 11 — на низких надпойменных террасах, 12 — на высоких мысах рек. Четыре поселения находились на р. Матыра (левый приток р. Воронеж), 45 на р. Воронеж (23 на правом берегу, 22 на левом), три на правом берегу р. Дон. Раскопки проводились на 21 памятнике. На поселении Васильевский Кордон 17 выявлено погребение взрослого мужчины, вытянутое

на спине головой на север-северо-восток. Правая ступня его находилась на левой. Руки лежали вдоль тела. Кисти отсутствовали. Две пальцевые фаланги находились на тазу погребенного. Нижняя челюсть разрушена, видимо землеройными животными. В районе макушки погребенного лежало медное изделие (пронизка) длиной 7 мм, округлое в сечении диаметром 2 мм. Слева у головы погребенного находился кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании, также слева, около таза, кремневый наконечник подромбической формы. У правого локтя находилась вбитая в землю крупная кость длиной 12 см. Справа, у черепа находился клык некропного хищного животного.

Таким образом, Верхнее Подонье являлось одной из важнейших территорий энеолитического мира, на которой проходило становление и развитие многих культур этого времени. Без понимания происходивших здесь событий невозможно в полной мере понять и оценить все процессы, происходившие на огромном пространстве Восточной Европы в энеолитическую эпоху.

І. А. Сніжко (Харків)

ПАЛЕОЛІТ ХАРКІВЩИНИ: ВИПАДКОВІ ЗНАХІДКИ ТА ПРИКРІ ПОМИЛКИ

Пошуки палеоліту на Харківщині, протягом всього часу, що вони велися, залежали від двох факторів: цілеспрямованості та випадковості. Наслідком дії першого фактору стало відкриття у 1920–1930 рр. М. В. Сібіловим цілої низки пам'яток в середній течії Сіверського Дінця та відкриття і дослідження експедицією Харківського історичного музею стоянок-майстерень біля с. Синичино та с. Кам'янка. Цим пам'яткам присвячено багато публікацій і всі бажаючі можуть з ними ознайомитись. Випадкові знахідки непередбачувані і часто їх роблять люди, що не є фахівцями з даного періоду.

Протягом останніх років надійшло кілька повідомлень про знахідки артефактів палеолітичного часу. До фондів Харківського історичного музею у 2004 р. включено трьохплощадковий нуклеус, виготовлений з світло-сірого кремню, вкритий білою патиною. Знахідку було зроблено К. І. Бакуменко поблизу с. Настасівка Лозівського району, на полі поблизу ставка. Інших виробів з кремню тут зафіксовано не було. Нуклеус можна впевнено датувати пізньопалеолітичним часом.

На території Нововодолазького району між с. Палатки та с. Комінтерн В. В. Дідиком було знайдено масивний скол з двоплощадкового призматичного нуклеусу. Він вкритий молочно-білою патиною і має ділянки кальцитових патьоків.

До Харківського історичного музею В. В. Дідиком було передано малюнки речей, знайдених А. І. Шеметом поблизу с. Сидори Зміївського району навесні 1962 р. Знахідку зроблено на території скіфського поселення, розташованого в верхній частині балки між дорогами на Зміїв та Таранівку. На малюнку — три пластини та різець на куті зламаной пластини.

За повідомленням М. І. Саяного, у відслоненнях балки поблизу с. Гайдари Зміївського району було знайдено патинований крем'яний (нажалі, самі речі до

музею передані не були).

Ці випадки об'єднують те, що знахідки зроблено в місцях, де поблизу немає виходів кремню. Отже, є перспективи для пошуку палеолітичних пам'яток за межами «традиційного» району від Балаклі вниз за течією Сіверського Дінця.

Випадки, коли не фахівці з палеоліту звертають увагу на крем'яні патиновані артефакти, гідні подяки та заохочення. Натомість викликає стурбованість ситуація, коли до навчальних посібників з краєзнавства закрадаються прикрі помилки. Найбільш показовим є приклад з «палеолітичною» пам'яткою поблизу Богодухова. Мова йде про досліджену І. Ф. Левицьким у 1935–36 рр. фауністичну пам'ятку біля цегельного заводу. Тут у кар'єрі на глибині 5 м в шарі щільного жовтуватого-бурого суглинку було виявлено кістки мамонта, носорога, бика та дрібних тварин. Фауністичні рештки знаходились у виміні, завширшки 22 м, простеженої в довжину на 70 м. Показово, що пам'ятка розташована в балці, що гирлом виходить в заплаву р. Мерла, з правого боку. Автор досліджень чітко і вичерпно описав геологічні умови залягання кісток, зазначивши: «Крем'яних або кістяних знарядь знайдено не було». Отже, йдеться про фауністичну пам'ятку плейстоценового часу, що виникла внаслідок перевідкладення кісток загинувших тварин річковою течією. Факти, що вказували б на участь людини у формуванні цих відкладів, відсутні.

До цієї категорії треба віднести також повідомлення про знахідки кісток мамонта біля сел. Печеніги та с. Нижній (Старий) Салтів (О. С. Федоровський), смт. Андріївка (І. Ф. Левицький). В усіх цих випадках немає жодних свідчень про будь-які артефакти.

Отже, не можна ототожнювати місця знахідок плейстоценової фауни з археологічними об'єктами палеолітичного часу.

С. А. Теліженко (Сімферополь)

ОСОБЛИВОСТІ КАМ'ЯНОЇ ІНДУСТРІЇ ПАМ'ЯТОК ПІЗНЬОГО ЕНЕОЛІТУ—СЕРЕДНЬОЇ БРОНЗИ ПІВДЕННОГО УЗБЕРЕЖЖЯ КРИМУ

Характерною ознакою узбережних пам'яток Гірського Криму є наявність у кам'яному інвентарю виробів з кременевої сировини, а також з морської гальки. На сьогоднішній день в нас є інформація про дві пам'ятки, на яких зафіксована подібна ситуація. Перша пам'ятка, багатощарова стоянка Ардич Бурун, знаходиться у східній частині Південного узбережжя Криму, на терасоподібній площадці південного схилу гори Ардич Бурун (Ставра), південна, східна та західна частини якої обмежені стрімчастими схилами. Площадка розташована на висоті до 10 м над рівнем Чорного моря та на відстані до 20 м від нього. Приблизна площа пам'ятки може складати 150–250 м². На сьогоднішній день досліджено 21 м². Під час робіт виділено 6 культурних шарів, відділених один від одного прошарками ґрунту делювіального походження. За радіовуглецевими датами, отриманими в лабораторіях Санкт-Петербургу та Вільнюсу, встановлено, що найдавніший шар стоянки Ардич Буруна (В₁) датується першою чвертю VI тис. до н. д., шар В другою чвертю V тис. до н. д., шар А кінцем V тис. до н. д. Таким чином, ми бачимо, що хронологія пам'ятки охоплює період від пізнього енеоліту до ранньої бронзи.

Технологія виготовлення знарядь з гальки передбачала відбір сировини потрібної форми та розмірів, розщеплення за допомогою кременевих посередників (стамесок) та вторинна обробка отриманих відщепів. Вторинна обробка відщепів полягала, як правило, у нанесенні напівстрімкої ретуші по краях. Дуже часто подібна ретуш комбінована з ретушню утилізації, яка виникала під час роботи знаряддям. Природно, що подібні вироби могли виконувати функцію скресання або скобління. Поодинокі представлені вироби з виділеною, ретельно заглаженою кінцівкою, які, на мій погляд, використовувалися як розвертки або ретушер. Не виключено, що функції подібних виробів мали комбінований характер. До окремої групи слід віднести знаряддя з гальки, яка спеціально не оброблялася, а використовувалася завдяки своїм природним формам та розмірам. До таких можна віднести великі сплюснені гальки із заглаженою поверхнею або зі

слідами пікетажу, які використовувалися як розтиральники, відбійники та ковадла.

Друга пам'ятка, на якій також присутні вироби з морської гальки — Алігор. На пам'ятці виділені шари епохи середньої бронзи, римського часу та середньовіччя. Алігор досліджено у 1994 р. експедицією КФ ІА НАНУ під керівництвом С. М. Жука (площа досліджень 0,0076 га). Об'єкт розташований на північно-східній окраїні с. Партеніт, на захід від м. Алушта, на скелі діабазово-порфіритового масиву г. Алігор, на висоті приблизно 85 м.н.р.м, та в 0,7 км від морського узбережжя.

Культурний шар епохи бронзи зберігся частково. Для нас важливе значення має комплекс виробів з гальки осадкового та магматичного походження, який супроводжує керамічний та кременевий комплекси, які відносяться до катакомбної культури часів середньої бронзи.

Як і на Ардич Буруні, мешканці Алігора використовували гальку, після розщеплення якої отримували сплюснені відщепи, край яких оброблявся напівстрімкою ретушню. Технологія розщеплення також передбачала використання кременевих посередників, за допомогою яких в декількох місцях на повздовжній частині, як правило овальної гальки, наносилися неглибокі пази, після чого по посередникам, наносилися удари відбійником, які часто приводили до бажаного результату з першого разу. На відміну від знарядь з Ардич Буруна, на Алігорі практикувалося ще й поперечне зняття краю гальки, яке приводило до утворення виїмчастого краю, край якого оброблявся напівстрімкою ретушню.

До знаряддевого комплексу Алігора слід віднести ретушер (розвертка ?), відщепи з нерегулярною ретушню по краях, лоцило, зернотерку тощо.

Таким чином, на прикладі двох пам'яток з досить широким хронологічним діапазоном — Ардич Бурун та Алігор, встановлено, що технологія розщеплення галькової сировини, незалежно від її походження (осадкова або магматична), не зазнала суттєвих змін.

Г. Н. Тощев (Запорозж'я)

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ КАВКАЗА И КРЫМА В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Контакты между Кавказом и степью осуществлялись двумя путями — через Нижнее Подонье и Крымский полуостров.

Исследователи акцентировали внимание на активные связи в период энеолита-средней бронзы между племенами Причерноморья и Кавказа, отводя ведущую роль Майкопу; в то же время оппоненты критически отнеслись к подобным выводам. Отмечалось преувеличение традиционных представлений о роли Кавказа в распространении бронзовых изделий в Вос-

точной Европе и развитии здесь металлообработки. Относительно периода средней бронзы аналогичные заключения сделаны и другими специалистами.

Согласно М. Б. Рысину, кавказские импорты в степной зоне единичны, распространялась, прежде всего, кавказская технология металлообработки и контакты между Кавказом со степными культурами обусловлены, в первую очередь, связями в этой сфере.

Он же отмечал, что собственно майкопские памятники выступают одновременными доянным материа-

лам (нижнемихайловские, возможно, ранние ЯКИО), а ранний успенский этап СБВ Кавказа синхронизируется с позднелазскими и катакомбными. Именно на это время приходится распространение ведущих типов орудий, амулетов, украшений и votивных изделий (булавки, бляшки, медальоны, подвески), т. е. тех категорий, которые раньше А. Л. Нечитайло относил к майкопским импортам.

Если влияние с юга через Подонье прослеживается достаточно отчетливо далеко на север и восток, то роль и значение Крыма как контактной зоны в эпоху энеолита—бронзы между Кавказом и степным Причерноморьем в настоящее время рассматривается неоднозначно.

По известным материалам можно с уверенностью говорить об отсутствии здесь целостных комплексов кавказского облика. Прослеживаются отдельные детали в погребальной обрядности, сопоставимы также ряд различных изделий из металла, отдельные сосуды. Последние А. Л. Нечитайло рассматривала как подражания.

Как позднелазский комплекс нами предлагается рассматривать известное погребение 3 в каменном ящике в кургане у с. Долинка (Курбан-Байрам), изданный в полном объеме В. А. Колотухиным (2008).

Автор публикации рассматривал памятник как свидетельство пребывания майкопских племен на полуострове, не исключая при этом и «челночных» рейдов местного крымского населения.

Отметим, что изделия в сопровождающем наборе инвентаря аналогичны материалам ямных памятников. В отношении металлических вещей также существует мнение об их местном изготовлении.

На протяжении энеолита—бронзы Крым выступал маргинальной зоной Северного Причерноморья, куда периодически оттеснялось степное население вследствие различных причин.

Через Керченский пролив ямные племена осваивали степную зону Северного Кавказа, где вступали в контакты различного рода с местным населением. Не исключено, что в составе возвращенцев могли находиться и иноплеменные представители, при этом возможен допуск и смешанных браков. Отдельные «неямные» элементы, иногда видоизменяясь, опосредованно или через носителей получали распространение на территории Крыма и проникали далее на север, в степное Причерноморье. Это и находило отражение в материальном оформлении и отдельных чертах погребальной обрядности местного населения.

А. А. Чубур (Брянск)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БЫКИ НА СЕЙМЕ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На рубеже XX—XXI вв. в бассейне Днепра на реке Сейм (Курская область, Россия) примерно в 100 км от российско-украинской границы, был открыт и частично исследован новый куст памятников верхнепалеолитической эпохи, получивший по ближайшему селу наименование Быки. Памятники важны для понимания доистории центра и юга Восточной Европы на протяжении эпиграветтийского эпизода. Археологический комплекс расположен на левобережной второй надпойменной террасе реки Сейм в пределах участка, представлявшего собой в древности приустьевой левобережный мыс на впадении р. Реут в Сейм. Мыс площадью 5 га ограничен тыловыми швами первой надпойменной террасы этих рек, на его территории выявлено 7 памятников, один из которых имеет два культурных слоя.

Самый древний в комплексе нижний слой Быков 7 изучен слабо. В нем, по данным Н. Б. Ахметгалеевой, маркирующими элементами инвентаря являются разнородные резцы и микропластинки с притупленным краем.

Главная особенность каменного инвентаря основных стоянок — Быки 1, 2, 4, 7 слой 1 — наличие серий геометрических микролитов-треугольников при полном отсутствии пластин с притупленным краем. Сходные микролиты присутствуют на ряде поселений Дона, Днепра Днестра, Десны, но немногочисленны и сочетаются с пластинками с притупленным краем.

Столь же выразительные серии геометрических неравносторонних вытянутых треугольников известны лишь в синхронной Быкам имеретинской (каменно-балковской) культуре Кавказа, Приазовья и нижнего Дона, хотя и наряду с иными микролитами. Можно предположить диффузию культурных традиций с юга. Анализ микростратиграфии и планиграфии показал, что микролиты, как и выемчатые орудия преимущественно связаны с объектами теплого сезона. Судя по следам макроизноса — микролиты были наконечниками стрел. В целом же инвентарь укладывается в обычный эпиграветтийский контекст: различные резцы с преобладанием двугранных, многочисленные разнообразные скребки, проколки с массивным и с коротким жалом, орудия с подтеской, зубчатые и выемчатые орудия.

Костяной инвентарь Быков — это преимущественно различные стержни и острья. Выделяются среди них проколки с плечиками, стержнеобразные проколки, шилья, иглы, наконечники копий. Среди украшений в основном костяные пронизки. Найдены два зооморфных амулета из бивня (полиэконическая фигура человеко-носорога из полуземлянки Быков 1 и кольцо с лошадиной головой из жилища верхнего слоя Быков 7), две костяные фигурки воронов, фигурка сурка и изображение вульвы из мергеля (Быки 1). Мергелевые фигурки находят близкие аналогии на памятниках Костенковско-Авдеевской

культуры и некоторых синхронных им стоянках. Основной орнаментальный мотив — длинные и короткие параллельные нарезки (анalogии на памятниках среднего Поднепровья). Реже — косой ромб — но не такой, как в Юдиново и Тимоновке (где каждая сторона прорезана отдельно), а образованный пересечением линий, как в памятниках восточного граветта. Еще реже встречается шеврон, находящийся аналогии в Мезине, Елисеевичах и в том же восточном граветте.

Округлые полуземляночные жилища с использованием в архитектуре малого числа костей крупных животных сходны с верхним слоем Костенок 8 и Гагарино на Дону, а также с углубленными костно-земляными жилищами приморских чукчей и эскимосов.

Таким образом, основные памятники комплекса Быки занимают пограничное культурно-географическое положение меж регионами Дона, Десны и Среднего Днепра. Они лежат в контексте европейского эпитаграветта, одновременно фиксируя южные культурные влияния. Выделение новой культуры на основании лишь одной серии специфических изделий нам представляется неправомерным.

Самый поздний памятник комплекса — Быки 5 — связан с финальным этапом верхнего палеолита центра Восточной Европы и близок типологически и хронологически к культуре Федермессер и финальному восточному мадлену (Курск 1, 2, Борщево 2, Бужанка 2, Бугорок). Говорить о генетической связи Быков 5 с остальными памятниками комплекса Быки невозможно.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С. И. Андрух (Запорожье)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ ПЕРИОДА СКИФО-МАКЕДОНСКОГО КОНФЛИКТА

Вторая половина IV в. до н. э. в Нижнем Подунавье ознаменовалась крупными военными конфликтами. В хронологической последовательности известные события согласно письменным источникам выглядят следующим образом:

1/ 342/341 гг. — поход Филиппа во Фракию, женитьба на Меде, дочери фракийского царя Котеласа (Гудилы), неудачная осада Одессоса (Athen., 13, 557d = Satyros, Fr.5; Iordan. Get., 10, 65).

2/ конец 40-х гг. IV в. — столкновение скифов Атея с трибаллами, царем «истриан», обращение за помощью к Филиппу (Frontin, II,4,20; Polyaeen, VII,44, 1; Iust., IX.2,1–2).

3/ 339 г. — снятие Филиппом осады Византия, война с Атеем и разгром его. Столкновение Филиппа с трибаллами на пути в Македонию и утрата им скифских трофеев (Iust., IX.2,5–16; IX.3).

Итак, исходя из перечисленных событий, видим, что в военных конфликтах второй половины IV в. до н. э. в низовьях Дуная с той или иной степенью интенсивности участвовали как минимум семь субъектов — Македония, Скифия, фракийские племена гетов и одрисов, неидентифицированные истриане, трибаллы, западнопонтийские полисы.

Эти события получили широкое освещение в античной и современной историографии, однако постановка военно-политических сил оказалась наиболее спорной. Выдвигаются, безапелляционно или предположительно, совершенно разные, иногда прямо противоположные концепции о месте военных действий, формировании и направленности коалиций, а также и о составе их участников.

Суммарно эти версии выглядят следующим образом:

1) антискифский союз Филиппа II и фракийского вождя Котеласа, созданный посредством заключения династийного брака между царем Македонии и Медой, дочерью Котеласа;

2) антискифский союз греков (населения г. Истрии) и гето/фракийцев;

3) антимакедонский союз скифов, кельтов и фракийцев;

4) антимакедонский союз Атея с греческими городами;

5) антифракийский союз Филиппа II и Атея;

6) антифракийский союз Филиппа II и греческих городов, к которому со временем присоединился и Котелас, гетский царь;

7) союз Филиппа II и Атея против Византия;

8) союз Филиппа II и Атея против трибаллов.

Таким образом, на основании анализа одних и тех же событий в историографии вопроса высказывались версии о формировании как минимум восьми коалиций с разным составом участников.

Анализ общеполитической ситуации в регионе применительно к экспансии Филиппа II и Атея не позволяет однозначно согласиться с предложенными гипотезами.

Одновременно проявившиеся территориальные притязания Филиппа и Атея, направленные на один объект — Фракию, и освободительная борьба фракийских племен против обоих агрессоров предполагали разрозненные военные действия. Создававшиеся союзы были кратковременны и непрочны в силу противоречия интересов и зачастую несоблюдения договорных отношений. Гипотетический союз Филиппа и Атея можно рассматривать скорее как своеобразный прием античной дипломатии, не предполагавший каких-либо длительных совместных действий, и не вступивший в силу в связи со смертью противника.

После разгрома скифов и снижения их экспансии обозначился общий враг — Македония, обусловивший предпосылки и возможность создания единой антимакедонской коалиции скифов и фракийцев, наиболее вероятно проявившейся в борьбе против Зопириона. Угроза самостоятельности греческих полисов также вводит их в круг антимакедонской коалиции, что ярко отразилось в восстании 313 г. против Лисимаха. Разгром западнопонтийской коалиции, упадок Скифии привели к тому, что против Македонии продолжались только разрозненные выступления Каллатии, а впоследствии и Дромихета. Деятельность последнего и приостановила продвижение Македонии на север.

С. И. Андрух, Г. Н. Тощев (Запорожье)

РАННЕСКИФСКИЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА МАМАЙ-ГОРА

В 2008–2009 гг. на курганном могильнике Мамай-Гора у с. В. Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области был исследован курган 212. К моменту раскопок он был полностью сnivelирован. Выявлены одно основное погребение эпохи бронзы, два скифских и 9 ногайских захоронений.

Скифские комплексы оконтурены на глубине 1 м от современной поверхности. Они полностью ограблены в древности.

Погребение 5 совершено в катакомбе 1 типа. Входная яма, размерами $1,9 \times 1,1$ м, вытянута по линии ЮЗ–СВ. Вдоль длинной ЮВ стенки на глубине 0,3–0,4 м зафиксирована ступенька шириной 0,55 м. В черноземном заполнении встречались мелкие фрагменты лепной керамики.

Погребальная камера размерами $1,9 \times 0,55$ м имела глубину 0,6 м от уровня фиксации. В придонной части и на ступеньке, преимущественно в ЮЗ части, найдены отдельные кости скелета — череп, ребра, позвонки, перемежку с продуктами горения.

Погребение 6 выявлено восточнее. Яма в плане вытянутой овальной формы, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, ее ЮВ край располагался непосредственно под скоплением продуктов горения.

Длина ямы 2,65 м, ширина 1,3 м, отмеченная глубина 0,3 м.

В черноземном заполнении встречались единичные фрагменты керамики, кусочки продуктов горения красного, желтого и черного цветов.

Оба погребения соединены лазом шириной 0,5 м на длину 0,4 м. Отмеченная глубина 0,1 м.

В 1,3–1,6 м к Ю от п. 6 на глубине 0,45–0,5 м среди вкраплений продуктов горения выявлено скопление фрагментов лепной керамики (обломки венчика, стенок, дна) и мелкий обломок стенки амфоры. Рядом находились и три кости животного.

Обломки керамики из скопления и заполнения погребений принадлежат большой корчаге.

Корчага призмистых пропорций имеет отогнутый наружу край венчика. Шейка высокая, удлиненная. Наибольший диаметр тулова в нижней части сосуда. Дно с невыразительными закраинами. В месте наибольшего расширения тулова сосуд украшен горизонтальной ручкой-упором. Справа от нее в придонной части находится невыразительный в рельефе вертикальный выступ вытянутой овальной формы длиной 7 см, шириной 1 см.

Л. И. Бабенко (Харьков)

К ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЛИТОГО (МЕЛЬГУНОВСКОГО) КУРГАНА

Рождение скифологии, 250-летний юбилей которой будет вскоре отмечаться, традиционно связывают с раскопками в 1763 г. по распоряжению генерал-поручика А. П. Мельгунова Литого кургана.

Коллекция предметов из Литого кургана имеет непростую судьбу. По извлечению находки были до-

ставлены в Петербург, именным указом Екатерины II переданы в Академию наук и помещены в Минцкабинет Кунсткамеры. В 1859 г. по повелению Александра II несколько предметов (ножны акинака, диадема и ножки парадного табурета) были переданы из Нумизматического кабинета Академии наук в коллек-

Тесто из хорошо отмученной глины с обильной примесью мелкозернистого шамота и песка, цвет черный. Высота сосуда 52 см, диаметр венчика 21 см, диаметр горловины 15 см, диаметр тулова 48 см, дна 14 см.

В 0,4 м восточнее скопления керамики на глубине 0,45 м выявлены камень овальной формы ($0,3 \times 0,2 \times 0,1$ м) без следов обработки, кость животного и мелкий обломок амфоры.

С сооружением одного из погребений связан **ров** диаметром 24,5 м. Ширина достигала 1,4 м. Стенки оформлены небрежно, отмеченная глубина от уровня фиксации контуров — 0,4–0,7 м, более значительна в северной части. Ров в разрезе подпрямоугольной формы, реже корытообразной. Заполнение состояло из чернозема с обильной примесью пережженного грунта.

В западном секторе отмечен проход шириной 0,9 м, севернее которого на дне рва находились отдельно друг от друга обожженные верхняя и нижняя челюсти лошади. В 9,5 м к СЗ от перемычки во рву на глубине 1,4 м от современной поверхности найден череп лошади. Скопление костей животных отмечено в заполнении рва на глубине 1,1 м в 1–1,4 м южнее прохода (зубы и бабка полувзрослой особи лошади). В заполнении неоднократно отмечались также обожженные куски, а на дне рва в ЮЗ секторе — участки горения черного цвета толщиной 5–10 см.

Отдельные кости животных (лошадь) и мелкие фрагменты амфор, лепной посуды встречены во рву и на остальных участках.

Непосредственно в насыпи вокруг скифских погребений, над ними, и в заполнении ям, выявлены продукты горения в виде пятен и сильно обожженных кусков различных размеров оранжевого или черного цветов. Концентрация последних располагалась над погребением 6 и в его заполнении.

Раскопками 1988–2009 гг. на могильнике Мамай-Гора выявлено триста шестьдесят скифских погребений. В совокупности они датируются концом V—началом III вв. до н. э. Исследованный комплекс по ряду особенностей (наличие продуктов горения, архаическая керамика) может быть датирован концом VII—VI в. до н. э., что позволяет удрежить время возникновения скифского могильника как минимум на столетие.

цию Императорского Эрмитажа. Позднее и оставшаяся часть предметов «Мельгуновского клада» поступила в Эрмитаж в 1894 г. по причине упразднения Музея классической археологии при Академии наук.

Дальнейшее перемещение предметов Мельгуновского клада состоялось в начале 30-х гг. XX в., когда по решению Паритетной комиссии из Эрмитажа в Украину были переданы, полностью либо частично, материалы шести скифских курганов, в том числе и Мельгуновского. При этом часть коллекции Мельгуновского клада (ножны и рукоять меча, диадема с розетками, бляшка-птица, ножка притронного табурета, пластина с обезьяною, два серебряных гвоздя и 7 бронзовых наконечников стрел) была оставлена в Эрмитаже для снятия гальваноконтий, в Украину же были переданы 16 золотых бляшек-птиц, 3 ножки притронного табурета, три серебряные трубочки, 20 бронзовых гвоздей, 33 бронзовых наконечника стрелы, а также обломки серебряных, бронзовых и железных предметов.

С началом Великой Отечественной войны стал вопрос о эвакуации музейных ценностей из Харькова. Коллекция Мельгуновского клада была в очередной раз разделена — предметы из недргоценных металлов оставлены в Харькове, а изделия из серебра и золота, в числе прочих экспонатов, были упакованы в 22 ящика и эвакуированы. 2 октября 1941 г. эшелон вышел из Харькова, а уже 10 октября в десять утра на станции Алексеевка Белгородской области прямым попаданием немецкой авиабомбы один из вагонов был полностью уничтожен. Уцелевшие предметы были собраны бойцами истребительного батальона, упакованы в 8 ящиков и отправлены в Уфу.

В Уфу коллекции прибыли без сопровождения, до декабря месяца экспонаты находились в разбитых вагонах, многие «попали под дождь, долго валялись в сырости, частью были расхищены». От полной ги-

бели коллекцию спасли работники Башкирской конторы Госбанка, которые сохранили, а в мае 1942 г. передали уполномоченным представителям НКП УССР 8 ящиков.

В феврале 1944 г. остатки эвакуированной коллекции были перевезены из Уфы в Киев и, наконец, 5 ноября 1944 г. доставлены в Харьковский исторический музей.

Судьба коллекций, оставшихся в Харькове, не менее драматична. На протяжении всего периода оккупации музейные собрания Харькова подвергались перманентным расхищениям — как стихийным, так и организованным Оперативным штабом А. Розенберга. С июля 1942 г. по инициативе оккупационных властей начались работы по созданию отдельной археологической выставки и для этой цели археологические коллекции исторического музея и фонды археологического музея Харьковского университета были свезены в здание педагогического института (Сумская, 33). Выставка открылась 1 ноября, один из ее разделов был посвящен непосредственно и скифскому периоду (комната № 6, тема «Греция и скифы»). В ночь с 14 на 15 февраля 1943 г., перед уходом из города, немецкими оккупантами здание, в котором находилась археологическая выставка, было подожжено и многие экспонаты погибли.

В научной литературе сложилось стойкое убеждение о гибели эрмитажных скифских коллекций в Украине, однако в ходе целевого поиска оставшихся предметов «эрмитажной коллекции» в фондах исторического музея было выявлено несколько уцелевших предметов Мельгуновского клада, а именно — одна ножка притронного табурета и обломки трех серебряных трубочек. Таким образом, в настоящее время предметы из «старейшины скифских древностей» входят в состав двух музейных собраний — Государственного Эрмитажа и Харьковского исторического музея.

Н. Н. Воропаева (Москва)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ГЛИНЯНЫХ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

Глиняные зооморфные изображения известны на большинстве городищ и поселений скифского времени. Подобные находки обычно носят следы намеренного разлома, нередко связаны с жертвенниками или ямами, служившими для утилизации остатков жертвоприношений. Культовая глиняная пластика (зооморфная, прежде всего) являлась местным явлением, развивавшимся на базе предшествующих культур. Наиболее близкой к скифской глиняной пластике является комплекс глиняных скульптур белогрудского круга памятников и срубной культуры.

Неслучайным является и круг изображаемых животных. Идея совершения жертвоприношения скульптурных изображений, как эквивалента многократно проиллюстрирована в историографии на основании археологических и этнографических материалов. В хеттском языке принесение в жертву животного

посредством перерезания глотки обозначалось тем же глаголом, что и акт возлияния жертвенных жидкостей, а возлияние из сосудов с изображением животных приравнялось к **жертвоприношению соответствующего животного**. У Геродота встречается упоминание о практике совершения жертвоприношения в Египте, где жители приносят в жертву свиней, а бедняки лепят фигурки этих животных из глины и используют их для того же. Всякая вещь первобытной или вообще архаической культуры составляла часть мифологической картины мира, а для мышления было характерно одушевлять, «оживлять» все вещи и явления.

Для описания и разработки типологии зооморфных предметов глиняной пластики нами использовались такие критерии, как пропорции и типобразующие признаки (форма туловища, линия спины, линия шеи). Была установлена связь между морфологическими

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, грант № 09-01-00154а

характеристиками фигурки и видовой принадлежностью изображаемого животного. Параллельно применялись два метода — **морфологического и визуального** определения статуэток, что продемонстрировало достоверность первого и позволило определить состав изображаемых животных (лошадь — 33 %, собака — 30 %, бык — 11 %, свинья — 10 %, баран — 8 %, медведь — 7 %, бобр — 1 %). Наиболее распространенным и было изображение лошади. В древнегреческих, хеттских, древнеиндийских источниках лошадь связана с солнцем и плодородием. Широко представлена в культовой практике собака. Это животное в скифских жертвенниках, в мифологии финно-угорских народов, а также у чеченцев и ингушей, выполняло роль проводника в мир мертвых, у **некоторых народов, в частности, в Вавилоне** и в мифологии абхазцев и некоторых западно-сибирских народов связана с идеей перерождения. Преобладание лошади и собаки свидетельствует как о важности этих животных в хозяйственном укладе, так и рисует параллель с культовыми памятниками Степи. Встречаются изображения быков и баранов — жертвенных животных, характерных для эпохи бронзы. В некоторых микрорегионах памятников

(бассейн Северского Донца) отмечается широкое распространение изображений свиней или кабанов, отражающих хозяйственный уклад данных групп населения. Повсеместно известны изображения диких животных — медведей, которые у многих народов соотносятся с воинским сословием, в славянской мифологии является животным нижнего мира, а в хеттских ритуалах связан с плодородием. Интересны фигурки животных в разрезе или разделанных туш (лось(?)). С одной стороны, это изображение жертв. В то же время, у ряда народов Западной Сибири и Урала нередко лось и олень изображался в ажурном, прозрачном виде, что символизировало его чистоту. Тотемистическая направленность культа лоса—олени видоизменяется с переходом к земледелию. У разных народов бытуют схожие легенды об олене, который добровольно приносит себя в жертву аграрным божествам. В Индии принесение в жертву оленя приравнивалось к жертве для всех богов.

Таким образом, в глине воплощались образы животных, характерных для культовой практики скифов, применялись они для отправления культов плодородия, разламывание статуэтки приравнивалось к **принесению** в жертву соответствующего животного.

А. А. Дудин (Киев)

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАНИХ КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ в первой трети I тыс. до н. э.

1. Как известно, социальное развитие общества представляет собой совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов. Каждый из этих процессов, в большинстве случаев, в разной степени находит свое отражение в археологических источниках, которые являются почти единственным инструментом в реконструкции социального развития древних обществ. Данное обстоятельство не позволяет исследователям в полной мере оценить уровень развития того или иного общества в древности. При этом следует учесть, что процессы, отображающие уровень развития общества, взаимно дополняют друг друга и должны изучаться комплексно.

2. Благодаря широкомасштабным раскопкам на юге Восточной Европы во второй половине минувшего столетия была значительно расширена археологическая источниковедческая база для изучения культурно-исторической ситуации на данной территории в начале I тыс. до н. э., что в свою очередь дало возможность исследователям приступить к реконструкции социальных процессов, протекавших в обществе ранних кочевников этого времени.

3. Следует обратить внимание на локальную специфику материальной культуры ранних кочевников на всей территории степного юга Восточной Европы. Традиционно выделяют целый ряд локальных вариантов и устанавливают различия между ними. В основном эти различия касаются вещевого комплекса и в некоторой мере погребального обряда. При этом не стоит забывать, что тот же самый вещевой комплекс является одним из индикаторов уровня развития социально-экономической составляющей историче-

ских процессов, протекавших на той или иной территории. Таким образом, фиксируя различия в развитии вещевого комплекса, мы тем самым констатируем некоторые локальные отличия и в социально-экономическом отношении. В этом плане наиболее приоритетной выглядит территория Предкавказья. Материальная культура памятников этого региона отличается высокой насыщенностью металлическими деталями конской узды, и в целом более развитыми формами вещевого комплекса, а также количественным преимуществом по сравнению с другими территориями на юге Восточной Европы. Исходя из этого, не приходится говорить о единой модели социального развития для всего раннекочевого населения степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э.

4. Остается открытым вопрос реконструкции социальной структуры ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э. В литературе уже не раз отмечалась слабая социальная дифференциация населения в данный период. Зачастую исследователи ограничиваются выделением погребений, принадлежащих воинам, всадникам, военным вождям, остальная же часть погребений остается социально неатрибутированной. Но и выделение социально атрибутированных комплексов зачастую не подкрепляется весомыми аргументами. Так, довольно недавно С. В. Махорты среди киммерийских погребений Северного Причерноморья выделяет ряд погребений военных вождей. По нашему мнению, термин «военный вождь» носит несколько неопределенный характер, который к тому же не всегда можно уловить в погребальной обрядности. Примером могут

послужить два погребения, в которых в одном случае присутствует каменный, а в другом — бронзовый молоток. Наличие молотка, по нашему мнению, не может являться полноценным маркером погребения военного вождя. Молоток вполне мог являться символом власти и только в редких случаях использоваться в качестве боевого оружия. К тому же, по данным погребальной обрядности, вполне допустима фиксация

сословия знати, но нельзя с полной уверенностью выявить в нем высшее должностное лицо.

5. Отмечая существенное продвижение вперед в изучении вопроса об уровне развития ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э., мы считаем необходимой дальнейшую разработку и выработку новых подходов к решению данного круга вопросов.

С. А. Задников (Харьков)

АНТИЧНЫЕ ТАРНЫЕ АМФОРЫ IV в. до н. э. ИЗ РАСКОПОК НА БЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Фрагменты пепаретских амфор на Бельском городище относятся к периоду от первой до третьей четверти IV в. до н. э.

Керамическая тара Самоса этого времени значительно отличается от предыдущего. В это время выпускаются амфоры с грибовидным венцом, которые датируются серединой—третьей четвертью IV в. до н. э.

Амфоры Синопы, найденные на городище, имеют признаки характерные для сосудов второй четверти IV—конца III в. до н. э.

На Бельском городище известен один обломок двухствольной ручки косской и один фрагмент венчика родосской амфоры конца IV в. до н. э.

Довольно большой процент составляют амфоры различных неизвестных центров.

В позднескифский период на Бельском городище появляются новые центры, экспортирующие вино. Большинство центров (Хиос, Фасос, Самос), которые занимали лидирующее положение в предшествующий период, теряют свое первенство. Среди всей античной керамики известных центров наибольшее количество принадлежит амфорам производства Гераклеи. Второе место занимают амфоры Фасоса. Сюда включены амфоры конца V—IV в. до н. э. На третьем месте находятся амфоры книдского производства. Четвертое место принадлежит амфорам Менды. В меньшем количестве представлены амфоры Хиоса, Пепарета Самоса и Синопы. В небольших количествах найдены амфоры Коса и Родоса.

Вероятно в это время основные торговые контакты проводились с Ольвией. В IV в. до н. э. также существовал торговый путь из Боспора, осуществлявшийся, возможно, по Муравскому Шляху.

С. В. Махортых (Киев)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЕРЕЩЕПИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Доклад посвящен анализу погребального обряда Перещепинского курганного некрополя, располагающегося к западу от с. Бельск Полтавской области и являющегося наиболее хорошо исследованным погребальным памятником в окрестностях знаменитого Бельского городища скифской эпохи.

В 39 курганах, большинство которых датируется V—началом IV вв. до н. э. выявлены остатки более 50 погребенных. Преобладают мужские погребения — 22, на втором месте — женские 15 и подростки/дети — 14. Обращает на себя внимание большой процент

парных и коллективных погребений (74%), которые значительно превышают одиночные (26%).

Среди погребальных сооружений господствующими являются грунтовые ямы (26–63 %). Среди них преобладают прямоугольные могилы — 16 (39 %), затем — гробницы близкой к квадрату в плане формы — 5 (12 %). Более «сложные» погребальные конструкции представлены деревянными склепами (6–15 %) Характерной особенностью Перещепинского некрополя являются земляно-деревянные сооружения в виде «срубов» — 9 (22 %),

а также: широкое распространение погребальных триз; совершение различных ритуальных действий, связанных с использованием огня; возведение насыпей для одного погребения с редкими случаями выпускных захоронений в курганы представителей родо-племенной знати; преобладание захоронений в простых грунтовых ямах, перекрытых сверху деревянным перекрытием; устройство на дне могил деревянного настила, опирающегося на брусья, уложенные в специальные канавки; ориентация погреб-

бальных сооружений по линии северо-восток–юго-запад и север-юг; господство обряда вытянутого труположения на спине при редких случаях скорченного положения умерших; разнообразие ориентировок покойников, среди которых преобладают северное, восточное и западное направления; небольшое количество одиночных погребений, при решительном преобладании парных и коллективных захоронений; наличие сопровождающих захоронений социально зависимых лиц.

К. Ю. Пеляшенко (Харьков)

ПОСУДА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ПОЛОВОЗРАСТНОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Характер и состав погребального инвентаря являются одним из источников для социальных реконструкций в археологии, с учетом этнокультурных и регионально-хронологических особенностей. Данное исследование ставит задачу выявить закономерности, связанные с традицией положения лепной посуды в погребения VII–IV вв. до н. э. рассматриваемого региона.

1. Из 815 учтенных погребений Днепро-Донецкой Лесостепи лепная посуда обнаружена в 303 (в т. ч. 47 погребений с лепной и античной). Учитывая возможность замены местных изделий импортом, отдельно рассматривались комплексы, содержащие античную керамику. Статистические подсчеты, применявшиеся при анализе, производились отдельно по локальным вариантам (бассейны рек Псла, Сулы, Ворсклы, Северского Донца и Приднепровская террасовая Лесостепь) и хронологическим периодам. При половозрастной характеристике анализировались только одиночные погребения, пол и возраст которых определяется либо антропологическими данными, либо по характеру инвентаря.

2. Данные по хронологическим периодам позволяют выявить общие тенденции для всех локальных вариантов. Наибольшее количество погребений с лепной посудой относится к VII–третьей четверти VI вв. до н. э. В среднескифское время значительно увеличивается доля комплексов, содержащих лепную и античную (в меньшей степени только античную) керамику. В конце V–IV вв. до н. э. заметно возрастает число погребений с античной посудой, одновременно с сокращением в них процента с лепной. Такая закономерность указывает на факт замены местной керамики импортом, при сохранении сакральной роли посуды в погребальной обрядности.

3. Региональные отличия локальных вариантов проявляются в разнице процентных соотношений погребений, содержащих керамику. Больше всего таких комплексов в бассейнах рек Ворсклы, Сулы и Псла (соответственно 56, 47 и 37 %), менее всего в Приднепровской террасовой Лесостепи и на Северском Донце (18 и 11 %). Так же следует учитывать разность традиций использования в погребальном обряде определенных категорий посуды.

4. Общим для памятников Днепровской Левобережной Лесостепи является различие мужских и женских погребений по количеству и формам керамики.

Для захоронений мужчин характерно: присутствие в погребении одного сосуда (за редким исключением нескольких); обычными видами посуды являются горшки, корчаги, кувшины и малые формы; как правило, они фиксируются у ног погребенного рядом с напутственной пищей, реже возле головы. Большая доля женских погребений содержит наборы керамики (от двух-трех до восьми), в которых заметную роль играет столовая посуда (миски, черпаки, кубки) и малые формы, в меньшей степени тарная и кухонная (прослеживается разнообразие в местоположении сосуда относительно покойника). Незначительная группа детских захоронений отличается преобладанием посуды малых форм, хотя известны находки других видов керамики (как правило, один–два сосуда).

Лишь в северкодонецкой погребальной традиции неизвестны случаи нахождения широких наборов местной посуды. К тому же, здесь практически нет столовой керамики, а основными категориями являются горшки, корчаги и кувшинообразные тарные сосуды, что сближает эту группу с памятниками Среднего Дона.

Отсутствует лепная посуда в катакомбных и подбойных могилах конца V–IV вв. до н. э. Приднепровской террасовой Лесостепи, которые однозначно связаны с населением степной зоны.

5. В социальном аспекте комплексы с лепной посудой являются наиболее характерными для погребенных, принадлежащих к рядовой прослойке общества (по сопутствующему инвентарю соответствуют 2 и 3 моделям по Е. П. Бунятян), в редких случаях в захоронениях местной верхушки.

Половозрастные и социальные особенности присутствия лепной керамики в погребальных комплексах дают возможность сделать ряд заключений относительно ее сакрального значения в обряде. Местоположение, количество и ограниченность видов посуды в мужских, детских и части женских погребений позволяет связывать традицию ее положения с напутственной пищей. Наборы керамики, а так же некоторые особенности их местонахождения в могилах женщин из социальной прослойки рядовых общинников, по-видимому, следует объяснять ролью погребенных в производственной сфере общества, т. е. отношением их при жизни к гончарству.

**СКИФСКИЕ СВАТЫЛИЩА IV в. до н. э.
У с. КРЕМЕНЕВКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ**

В 1977 г. Донецкая экспедиция под руководством С. Н. Братченко исследовала курганы у с. Кременевка Мариупольского р-на Луганской обл. Здесь в составе курганный группы эпохи бронзы были исследованы два кургана скифского времени № 5 и 7. В кургане 5 высотой 1,75 м диаметром 32 x 26 м были обнаружены остатки каменных конструкций (кромлеха), где были найдены фрагменты ручки и венчика красноглиняной амфоры. В кургане 7 высотой 0,7 м и диаметром 25–30 м обнаружен такой же каменный кромлех, а так же находки многочисленных фрагментов амфор, чернолаковой миски, чернолакового миниатюрного сосуда, бронзовое зеркало, бронзовый котелок, железная пряжка, бронзовый пластинчатый налобник, фрагмент каменного блюда. Курганы были интерпретированы как святилища и датированы IV–I вв. до н. э.

Материалы не опубликованы, но в литературе утвердилось мнение, что курган 5 представляет собой святилище IV в. до н. э., а курган 7 — также святилище, судя по находкам, функционировавшее на протяжении скифо-сарматского времени от IV в. до н. э. до I в. н. э.

Проведенные нами обработка и определение находок показали следующее.

В кургане 5 найдена ручка красноглиняной амфоры, которая по размерам, морфологии и составу теста относится к амфорам, еще недавно считавшимся продукцией Пантикапея или ранним типом амфор Херсонеса, а ныне определяются как продукция неустановленных центров в Пропонтиде или северной Эгеиде. По многочисленным совместным находкам с амфорами других центров датируются в пределах середины первой—третьей четвертей IV в. до н. э. включительно. Здесь также найден фрагмент амфоры неустановленного центра, аналогичный амфоре 5 из кургана 7, датирующейся в пределах второй—третьей

четвертей IV в. до н. э. Таким образом подтверждается датировка святилища в кургане 5 в пределах IV в. до н. э., точнее — около середины.

Керамические находки из кургана 7 и в отчете, и в тезисных публикациях были определены и продатированы очень приблизительно, в основном совершенно неверно, с погрешностью до эпохи. В действительности там найдены амфоры Гераклеи (№ 1–3 — 1 пифоидная и 2 конических), большая пифоидная амфора типа Солоха–I с грибовидным венцом (№ 4), амфора псевдохерсонесского типа и неустановленного центра (№ 4 и 5, аналогичные найденным на кургане 5), амфора типа Муригиоль (№ 6). Здесь же обнаружены аттическая чернолаковая миска второй четверти IV в. до н. э. и фрагмент венчика второго чернолакового сосуда. Все найденные в кургане 7 вещи имеют аналогии среди находок в Скифии IV в. до н. э.

Находки в кургане 7 датируются не позднее середины IV в. до н. э. В целом курганы 5 и 7 у с. Кременевка являются святилищами «разового» типа. Они были сооружены в связи с каким-то конкретным событием и не предназначались для сколько-нибудь длительного функционирования.

Особый интерес представляет находка в кургане 7 большого бронзового пластинчатого конского налобника весьма специфической формы — с расширяющимися закругленными окончаниями. В Северном Причерноморье такой налобник известен из грабительских раскопок кургана возле Никополя, где он найден вместе с большим бронзовым пластинчатым налобником с верхней частью в виде большого круга. Долгое время этот комплекс относили к V или VII–VI вв. до н. э. Однако, по комплексным находкам в могильниках Прикубанья аналогичные налобники с большой круглой верхней частью имеют надежную датировку в пределах IV в. до н. э.

З. Х. Попандопуло (Запорожье)

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ В МОГИЛЬНИКЕ «СКЕЛЬКИ»

Название «амазонки» в историческую литературу вошло с легкой руки древнегреческих писателей. Для древних греков с их патриархальным устройством общества, в котором женщины имели приниженное по отношению к мужчине положение, сведения о женщинах—воительницах породили легенды о целом народе, состоящем из одних женских особей.

Грунтовый могильник эпохи раннего железа, исследованный нами у с. Скельки частично приоткрывает завесу тайны «амазонок».

В некрополе обнаружено 21 погребальное сооружение, в котором захоронены 24 женщины (антропологические исследования проведены Литвиновой Л. В.). Имеются семейные усыпальницы, в которых поочередно погребены по несколько человек. Так в погребении 11 были захоронены три

женщины и один ребенок, в погребении 13 — вначале мужчина, потом женщина с ребенком. В двух могилах 20 и 39 были совершены одновременные погребения женщин. В одном случае в погребении 24 — женщина с ребенком.

Достоверно определено, что в семи могилах вместе с женщинами присутствовало оружие. В погребении 13, смешанном мужском и женском, оружие находилось рядом с напутственной пищей. Это были наконечник копья и вток от древка, а также бронзовые наконечники стрел, железная пряжка. Необычность местоположения оружия предполагает, что оно было перемещено вместе с мужским костяком, чтобы высвободить место для женщины с ребенком. Однако нельзя исключить и то, что часть оружия сопровождала женщину.

Женские погребения с оружием входили практически во все семейные или связанные другими отношениями группы. Таких групп шесть. В одной из них два погребения (44, 45) совершены в разных типах могильных сооружений. Хотя в грунтовом могильнике обнаружены четыре типа могильных сооружений, женские погребения с оружием обнаружены только в двух типах могил: простых овальных ямах (№ 15, 24, 45, 50) и катакомбах 1-го типа (№ 39, 44, 49).

Овальные ямы, как правило, узкие, шириной 0,75–0,9 м, при длине 2–2,4 м, исключением является п. 24, где размеры могилы составляли 2,2 × 1,3 м. Все погребенные лежат на спине головами на запад, ноги в разной степени согнуты. В двух погребениях (№ 15, 45), помимо оружия обнаружено большое количество украшений из бисера, стеклопастовых бус и раковин каури. Оружие представлено в основном бронзовыми наконечниками стрел, и в одном случае — железными, и одним наконечником копья. Возраст двух погребенных — 22–25 лет, двух других — 25–35 и 35–40 лет.

Погребенные в катакомбах также лежат на спине и ориентированы головами на запад и северо-запад. У одной из них (44) ноги перекрещены в стопах, в пар-

ном захоронении (39) ноги умерших скорчены и повернуты коленами друг к другу. Состав инвентаря не отличается от захоронений в ямах, те же бусы и бронзовые наконечники стрел. Причем у молодой женщины 18–22 лет из п. 44 их было 40 штук. Возраст женщин в этой группе также разный: до 25 лет, 30–35 и самой старшей 45–50 лет.

Разный возраст этих женщин может свидетельствовать о том, что каждая из них в свое время занималась воинскими искусствами. Это не противоречит свидетельствам, как древним, так и из недавнего прошлого кочевых народов, когда молодые женщины наряду с мужчинами охотились и занимались ратным делом.

Это пока единственный из известных грунтовых могильников в Украине, в котором обнаружены женские погребения с оружием. Ближайшие аналогии известны в сарматском круге памятников. Такие погребения имеются в Елизаветовском могильнике на Нижнем Дону. Известно, что с конца V века до н. э. начинается проникновение сарматов на территорию Скифии, возможно появление таких погребений в Нижнем Поднепровье связано с сарматским влиянием.

Ю. Д. Разуваев (Воронеж)

КСИЗОВСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ОСТРОЙ ЛУКЕ ДОНА¹

В районе так называемой Острой Луки — большой излучины Дона около г. Задонска — разведками разных экспедиций уже выявлено пять городищ и около пятидесяти поселений скифоидной и городецкой культур. Наиболее значимые материалы скифской эпохи получены на комплексе разновременных памятников, расположенном на правом берегу реки у северо-восточной окраины с. Ксизово и включающем городище, поселения и грунтовые могильники. Исследование памятников с 2003 г. ведет Раннеславянская экспедиция ИА РАН (рук. А. М. Обломский), а также отряды общественной организации «Фонд научного краеведения Липецкой области», Елецкого государственного и Воронежского педагогического университетов.

На городище были заложены небольшие раскопы общей площадью 144 м², изучены остатки оборонительных сооружений финала эпохи бронзы, скифского и сарматского времени. Удалось определить, что укрепленный поселок IV–III вв. до н. э., относящийся к скифоидной культуре, возник на месте городецкой стоянки. Это наблюдение, наряду с некоторыми другими данными, дает основание полагать, что в местах совместного распространения городецкие поселения предшествовали скифоидным. В насыпи вала обнаружена сгоревшая плетневая конструкция, по радиоуглероду датированная II–I вв. до н. э. Тем самым, получена совершенно новая информация о практически неизвестном периоде истории лесостепного Подонья.

Примыкающее к городищу многослойное поселение

Ксизово — 17 исследовано на площади 4841 м². Материалы скифского времени представлены, в основном, скифоидной и городецкой керамикой, причем, последняя выглядит несколько более архаичной. От поселка городецкой культуры остались пять (возможно, несколько больше) ям хозяйственного назначения. На его кратковременный характер указывает довольно слабая насыщенность слоя культурными остатками, отсутствие жилищ. Строительные комплексы скифоидной культуры на поселении Ксизово–17 не выявлены, находок относительно немного. Можно предположить, что эта территория была каким-то образом включена в хозяйственную деятельность обитателей городища.

Очень мало бытовых материалов скифского времени обнаружено на поселении Ксизово–19, хотя здесь вскрыто уже более 2000 м². Значение этого памятника заключается в другом. Прибрежную территорию к северо-востоку от городища на протяжении, по меньшей мере, 0,7 км занимают грунтовые могильники эпохи бронзы, гуннского и древнерусского времени. На Ксизово–19 выявлены погребения и скифского времени. Их уже исследовано семь, если не считать несколько безинвентарных, предположительно той же эпохи.

Захоронения совершались в узких могильных ямах, достигавших уровня материка или несколько углубленных в него. Умершие лежали вытянуто на спине, головой ориентированы в северо-западном или юго-восточном направлениях. Костяки разной степени сохранности: большинство разрушено грызунами,

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 10-01-18007е.

хотя нельзя исключать и возможность их ритуальной эксгумации и расчленения.

Сопровождающий инвентарь довольно скуден: три бронзовые булавки со спиралевидным окончанием, бронзовые ворворка, две серьги и бусина, два железных и костяной наконечники стрел, два глиняных грузика-пряслица. Тем не менее, он дает возможность датировать погребения в рамках V—III вв. до н. э.

Этнокультурная принадлежность могильника не вполне ясна, но, скорее всего, его следует соотносить со среднедонской скифоидной культурой. На территории ее распространения уже были известны отдельные грунтовые захоронения. С учетом этого обстоятельства, можно считать доказанным факт существования в лесостепном Подонье в скифское время безкурганной погребальной традиции.

О. В. Ромашко (Дніпропетровськ)

СКІФСЬКІ БРОНЗОВІ КАЗАНИ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я З ВЕРТИКАЛЬНИМИ РУЧКАМИ

Бронзові казани являють собою виразну категорію матеріальної культури скіфів. В існуючих типологічних схемах (А. П. Манцевич, М. С. Сініцин, М. А. Боковенко) скіфські казани Північного Причорномор'я та Прикавказзя з вертикальними ручками репрезентують всі типи, не зважаючи на різні підходи дослідників до визначення провідних типотворюючих ознак. Схожа ситуація спостерігається в типологічних схемах кіммерійських та сарматських казанів (В. М. Касяненко, В. С. Флеров, М. А. Боковенко, С. В. Деміденко та ін.). На нашу думку найбільш сталою типотворюючою ознакою для цієї категорії виробів є розташування ручок на тулубі. За нею усі казани розподіляються на три групи: казани з горизонтальними ручками (А); з горизонтальним та вертикальними ручками (В); з вертикальними ручками (С). Ця доповідь присвячена виробам групи А. За нашими підрахунками вона налічує 45 екземплярів, тобто кількісно є найбільш значною в загальному масиві скіфських металевих казанів.

Казани з вертикальними ручками існують впродовж всього періоду панування скіфської культури. Але більшість з них — казани з курганів Солоха, Чортотлик, Товста Могила, Страшна Могила, Куль — Оба, Соболева могила, Мелітопольського кургану, та ін. — репрезентують класичний період (V—IV ст. до н. е.), причому серед них домінують казани IV ст. до н. е. До архаїчного періоду відносяться лише 4 вироби, які походять з Келермесських курганів (VII—VI ст. до н. е.). До пізньоскіфського періоду (кінець IV—III ст. до н. е.) відносяться 8 виробів, які походять з курганів поблизу с. Капітанівка, з Єлизаветинського могильника, Великого Рижанівського кургану та ін.

Слід зазначити, що не дивлячись на сталість ознаки вертикального розміщення ручок на тулубі, форма казанів протягом часу їх існування, як окремої типологічної групи, змінюється. В архаїчний період на теренах Північного Причорномор'я та Прикавказзя поширені казани з напівсферичним тулубом. Починаючи з класичного періоду з'являються так звані «еліп-

соподібні» тулуби, які масово поширюються в кінці класичного — на початку пізньоскіфського періоду, та локалізуються в основній своїй масі на теренах степу Північного Причорномор'я. Цікавим є те, що казани з еліпсоподібним тулубом характерні лише для скіфської спільноти, і не мають прямих аналогій в інших культурах раннього залізного віку Євразійського Степу, що може надавати казанам з еліпсоподібним тулубом статус суто скіфського елементу.

5. Група казанів з вертикальними ручками (група А) розподіляється на декілька типів за формою тулуба. До I відносяться вироби з напівсферичним тулубом, графічна модель якого може вписуватися в начертане коло. Ці вироби домінують в архаїчний та першу половину класичного періоду скіфської культури на теренах Лісостепу та Степу Північного Причорномор'я та Прикавказзя. До цього типу належать казани з Солохи, Частих курганів, Чортотлика та ін. Посудини II типу характеризуються еліпсоподібністю тулуба, графічна модель якого вписується в еліпс (до уваги береться найбільший діаметр вінця посудини). Ці вироби існують починаючи з класичного періоду і до пізньоскіфського часу. Причому спостерігається тенденція збільшення за цей період співвідношення між більшим та меншим діаметрами вінця казана. Більшість виробів цього типу відома в степовій зоні Північного Причорномор'я. Цей тип репрезентований виробами з курганів Куль-Оба, Чортотлик, Соболева могила, Великий Рижанівський курган та ін. До третього типу відносяться казани з яйцеподібною формою тулуба, для якої характерна напівсферичність нижньої частини чаші посудини та вертикальні звужені вінця. Цей тип репрезентований єдиним екземпляром з Північної могили Чортотлицького кургану.

Запропонована типологічна схема надає потенційну можливість вирішення деяких питань еволюції типів казанів з вертикальними ручками групи С та їх розміщення у просторово-часовому полі скіфських старожитностей Північного Причорномор'я.

Е. Е. Фіалко (Київ)

ИКОНОГРАФИЯ ОБРАЗА АМАЗОНКИ В АНТИЧНОМ ИСКУССТВЕ

Древние мастера, работавшие в разных направлениях художественной культуры (соответственно в различной технике и стилях), обращались преимущественно к мифологическим сюжетам или темам, связанным с мемориальными задачами. И среди наиболее при-

мечательных сюжетов — изображения вооруженных женщин — амазонок.

В произведениях изобразительного искусства выделяется два иконографических типа амазонок: *греческий* (условно средиземноморский) и *скиф-*

ский (условно понтийский или уже — боспорский).

Безотносительно изобразительного типа художники представляли амазонок молодыми, статными, с длинными, как правило, вьющимися темными волосами. В батальных сценах видно, что девы ничуть не уступают в росте мужчинам-воинам. Воительницы представлены прекрасно сложенными, с подчеркнутыми мягкими женскими формами, без каких-либо физических изъянов (упоминавшихся некоторыми древними авторами) и при этом с весьма развитой мускулатурой. Скифскому типу присущи изображения, где волосы либо спрятаны под головным убором, из-под которого выбивается несколько волнистых прядей, либо распущены и развиваются в пылу схватки.

Греческий тип изображений (скульптура, настенная живопись, рельефы, вазовая живопись). *Костюм* составляют легкий короткий хитон или туника, перехваченная на талии или под грудью поясом таким образом, что край одежды оказывался выше или на уровне колен. На плече одежда скалывалась фибулой так, что одна грудь оставалась обнаженной. В более поздний период наряд становится более пышным и в то же время приобретает плавные контуры, что вероятно обусловлено ведением преимущественно конного боя. Ноги босые или в сандалиях с изящной шнуровкой. Иногда костюм дополняют шлем, полотняный панцирь и высокие сапожки со шнуровкой. Для *прически* характерны забранные назад и аккуратно уложенные волосы, хотя встречаются изображения дев и с разметавшимися длинными волосами. Большинство изваяний представляет амазонку раненой (в состоянии относительного покоя) или поверженной. С одной стороны, очевидно, именно такая — спокойная и женственная, а не яростная и воинственная, юная дева более импонировала грекам. С другой сто-

роны, поверженная воительница была призвана подчеркнуть мощь и непобедимость греческого войска, а, следовательно, и величие государства.

Скифский тип изображений (рельефы, мозаика, торевтика, вазовая живопись). Облик амазонок ближе геродотовским персонажам. Многослойный *костюм* составляют длинная рубаха с узкими рукавами, кафтан и узкие штаны с лампасами, облегающие стройную фигуру; на голове (иногда сползшая на плечи) мягкая шапочка в форме колпака (типа кидария) со свисающими сзади и по обеим сторонам защитными «клапанами». Ступни ног либо босые, либо в мягких коротких сапожках, так называемых скификах, реже в высоких сапожках со шнуровкой впереди. Такое облачение было обусловлено климатическими условиями, верховой ездой и местными традициями.

Непременным признаком и атрибутом амазонок, независимо от типа изображения, выступает оружие — чаще копье или дротик, боевой топор, реже лук и колчан со стрелами. Защитный доспех (встречающийся крайне редко) составляют низкий нагрудный панцирь (изредка на более поздних образцах царицы изображались в орнаментированных кирасах), поножи и шлем. На ранних изображениях шлемы типа Минервы с защитным гребнем и плюмажем, позднее они производят впечатление более легких кожаных (типа чешуйчатых скифских уборов, но без металлической защиты). Амуницию дополняет щит характерной серповидной формы с тремя выступами (типа пельты). Хотя встречаются изображения амазонок и с овальными или округлыми щитами. Нередко именно изображение легкого щита специфической формы позволяет определить персонаж как амазонку.

Изображения обоих типов не ограничивались определенными хронологическими рамками и зачастую существовали параллельно.

О. В. Шелехань (Київ)

ЗОБРАЖЕННЯ БОЙОВИХ СОКИР НА АНТРОПОМОРФНИХ СТЕЛАХ СКИФСЬКОГО ЧАСУ

В сучасній науці, при описанні зброярського комплексу, існує потреба в опрацюванні непрямих даних. В роботі проведено аналіз зображень бойових сокир на антропоморфних стелах. Узагальнюючі роботи В. А. Іллінської та А. І. Мелюкової, присвячені питанням озброєння, були написані в 60-ті рр. На той час було відомо лише три стели з зображенням сокири, з них одна фрагментарна. Це пояснює недостатнє висвітлення дослідниками цього питання. На сьогодні відомо 145 статуарних виробів, з них 14 має зображення сокири. Основний масив введених до наукового обігу стел описано В. П. Білозоров, В. С. Ольховським та Є. А. Поповою.

Нами було встановлено, що у:

92 % випадків, тобто на 13 екземплярах, сокири зображувались разом з кинджалом, або мечем. Це цілком природно, бо клинкова зброя була практично обов'язковим атрибутом антропоморфних стел.

57 %, або вісім стел зображувались з горитом. Слід зазначити, що приблизно такий же відсоток стел в цілому має стрілкову зброю.

42 %, або шість стел — з шоломом. В п'яти випадках це — т. з. шолом «кубанського типу», в одному — аттичний.

36 %, або чотири стели — з нагайкою. Судячи з легенди Геродота про підкорення дітей рабів, нагайка була одним з символів влади. Можливість використання її як зброї, доведена в спеціальній статті.

Дані про співвідношення сокир з іншими категоріями озброєння на стелах і у похованнях суттєво відрізняються. Скоріш за все, справа в тому, що в могилу переважно клали речі, що знадобляться їх власнику в потойбічному житті. В той час, як для іраномовних племен антропоморфна стела являла собою ідеалізований образ пращура, риси якого могли певною мірою канонізуватися. На користь цього свідчить

абсолютна розбіжність набору зброї зі стели та з могили одного комплексу. Логічно, що в силу традиції, герою давались предмети, що могли мати певне ідеологічне навантаження. Деталізація у зображенні зброї пояснюється відсутністю догматизму в уявленні кочовиків.

Ясно окреслюється стала традиція кріплення сокири — у всіх випадках вона розміщувалась на правому боці руків'ям до низу, лезом вперед. В переважній більшості (73 %), робоча частина розміщувалась під портупеею, а пряме руків'я йшло вздовж стегна. На стелі з Зеленчук Мостової та Маріуполя додатково зображено два ремні, що йдуть від поясу до робочої частини. Подібна підвіска, коли руків'я було продіто в систему ремнів, була реконструйована А. І. Соловйовим. Вузька пряма форма рукоятки підтверджується порівнянням з зображеннями на предметах торевтики.

Цікавим фактом є стовідсоткове співпадіння шоломів «кубанського» типу з сокирами. Є думка, що це обумовлено тим, що сокири та чекани були глибоко спеціалізованою зброєю, призначеною лише для протидії саме броньованим воїнам, оснащеним «кубанськими» шоломами. Таке припущення може бути застосовано до центральноазійських регіонів скіфсько-сиріського світу, де побутували свої традиції своє-

рідних «перегонів» захисного та наступального озброєння. Але мало ймовірним здається те, що для комплексу шоломів у 18 екземплярів, занесених з Центральної Азії та бувших у використанні протягом короткого часу, було випущено серію виробів, в рази перевищуючих ці шоломи кількісно, типологічно та географічно.

Важливо зазначити, що перші залізні сокири з'являються на Кавказі значно раніше, копіюючи форми бронзових. До того ж, наявність на супротивнику литого шолома, зовсім не передбачає необхідність його пробити для знешкодження ворога. Тому, на нашу думку, таке співпадіння пов'язане або з прагненням надати рис, що підкреслюють положення героя в суспільстві, або щоб наголосити на зв'язку з прабатьківщиною кочовиків.

Визнаним фактом є належність кам'яної скульптури до поховального церемоніалу іраномовних кочовиків. Ми показали, що певне стає місце в паноплії міфічних персонажів займали сокири. Крім того, підтвердилось ширше поширення сокир в ранньоскіфський період. Адже на 86 % стел їх супроводжували кинджали архаїчних форм. Також можна стверджувати про існування певної соціальної знаковості бойових сокир.

В. В. Шерстюк (Полтава)

ПАМ'ЯТКИ СКІФСЬКОГО ЧАСУ ОКОЛИЦЬ КНИШІВСЬКОГО ГОРОДИЩА

У 2009 р. на території Книшівської сільської ради Гадяцького району Полтавської області, за різних обставин, проводилися невеликі археологічні обстеження та рятивні дослідження. Окремі їх результати, що стосуються пам'яток скіфського часу, і представлені в цій публікації.

Так, спершу розвідки були проведені на частині відомого Броварківського могильника, пам'ятці національного значення. Не зважаючи на більш ніж сторічну історію обстежень (з 1873 р.) та досліджень (з 1902 р.) цього об'єкту жодного його плану та комплексного обліку насипів могильника на сьогодні немає.

Умовно некрополь розподіляється на дві частини. Перша з них, — «сільська», — розміщується в межах с. Броварки. Відносно кількості насипів у цій частині могильника наразі сказати нічого неможливо: згодом, на території села збереглося близько десяти задернованих курганів висотою від 3–5 до 10–12 м. На другій ділянці, «польовій», було здійснене ретельне обстеження та складено за допомогою навігаційних приладів план цієї частини некрополю. Тут розвідками відзначено 66 насипів курганів, з яких лише один задернований, а тільки 6 з них зберегли на сьогодні висоту понад 1 м. У планіграфії могильника групової чи рядової конструкції майже не вгадується. Найбільші насипи займали центральну вісь групи, витягнуту в напрямку з північного сходу на південний схід, по довгій вісі могильника, певно, продовжуючись таким же чином і в «сільській частині».

Цікаво відзначити також відсутність знахідок на поверхнях насипів, незважаючи на багаторічне роз-

рювання, численні пограбування та наявність тризн під їх насипами.

Таким чином, на сьогодні у складі могильника нараховується менше 80 курганів, тоді як за приблизними підрахунками В. Іллінської на середину ХХ ст. їх було близько 200.

Невеликі роботи здійснювалися в околицях с. Дучинці. У межах села, при прокладанні водогону, було виявлено цілий ряд поховань ґрунтового могильника скіфського часу, частина з яких у різній мірі були досліджені археологами.

Як виявилось, поховання розташовувалися поблизу периферії синхронного селища автохтонного населення скіфського часу. Знахідки з поселення представлені переважно фрагментами ліпного посуду, з типовими для регіону та цього часу елементами декорування (проколи та заціпи по зрізу, рідко — валики) та структурою тіста черепка (відсутність лощення, великий вміст шамоту). На поверхні селища відмічено кілька суглинкових плям, схожих за насиченням знахідок на «зольники» Ворсклинської групи пам'яток, але відмінних за походженням. Рештні, без попелищних включень, є, згодом, рештками споруд.

Було виявлено три поховання: інгумації з північною орієнтацією у випростаному стані у витягнутих вузьких ямах без перекриття (пп. 1 та 3, п. 2 зруйноване та неінформативне).

Поховання 1 (чоловіче) супроводжувалося ліпним невеликим горщиком-стаканом. Десь поряд (процес «дослідження» поховань 1–2 проходив без присутності археологів, дані про складені зі словесних переказів

копачів) було знайдено однообертовий бронзовий браслет із незамкнутими розклепаними кінцями. Поховання 3 теж розміщувалося поруч, безінвентарне, єдине збережене повністю до приїзду археологів. Його глибина—1,34 м від денної поверхні, розміри могильної ями $1,94 \times 0,88/0,76$ м.

Поруч із селищем виявлено ще два розорюваних насипи курганів, що, згодом є продовженням відомого Дучинського курганного могильника скіфського часу.

И. Б. Шрамко (Харьков)

БЕЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Одной из важных задач в изучении Бельского городища является решение вопроса о времени его возникновения и особенностях развития на протяжении нескольких столетий.

Новые материалы, полученные при раскопках Западного укрепления позволили стратиграфически выделить несколько горизонтов, с которыми связаны жилые, хозяйственные и культовые объекты, а также разнообразный вещественный материал второй половины VIII—второй четверти V в.в. до н. э. Это дало возможность уточнить схему формирования такого сложного поселенческого комплекса, каким на протяжении нескольких столетий было Бельское городище. Предварительно в его развитии можно обозначить четыре хронологических периода, в рамках которых происходило расширение территориальных границ поселения и постепенное превращение его в крупное городище лесостепной Скифии.

1 период (вторая половина VIII в. до н. э.—середина VII в. до н. э.) — время заселения выходцами из западных районов Лесостепи одного из мысов (Зап. укрепление) на левом берегу р. Сухая Грунь (Бассейн Псла). Стратиграфически этот этап представлен горизонтом А (зольники № 5, 19). Оборонительных укреплений в это время, видимо, еще не существовало.

2 период (середина VII в. до н. э. — вторая четверть VI в. до н. э.) — время развития первоначального небольшого поселения, увеличения его границ в рамках уже освоенного мыса. Стратиграфически этот период представлен горизонтами Б и В (зольники № 5, 7, 10–13, 19, 28, 40 Западного Бельска, отдельные участки ур. Царина). Это время первых контактов местного населения с античными центрами. На Восточном укреплении данные горизонты отсутствуют.

3 период (вторая половина VI—первая половина V в. до н. э.). В это время границы поселения значительно расширяются, заселяется также один из мысов, на правом берегу р. Ворсклы (Восточное укрепление). Выгодное географическое положение, налаженные торговые отношения с греческими полисами, а также развитое ремесло, способствовали постепенному перерастанию поселения земледельцев

и ремесленников в крупный городской центр. Слои этого времени (**горизонт Г**) выявлены на значительной площади 3. Бельска, в урочищах Царина и Лисовой Кут). Довольно выразительны они и на территории Восточного укрепления, материальная культура которого имеет свои особенности. Это может свидетельствовать о проживании здесь какой-то иной группы населения.

Середина VI—середина V вв. до н. э. время сосуществования Западного и Восточного укреплений, вокруг которых создается линия обороны, а также наиболее поздний этап в развитии Западного городища, жизнь на котором постепенно затухает. Во всяком случае, отложений и комплексов, датированных позже второй четверти V в. до н. э., мы на нем уже не встречаем.

Пока сложно говорить о времени сооружения валов Большого укрепления, насыпи которого примыкают к основным рвам Западного и Восточного городищ, но уже к началу V в. до н. э. поселение получает абрис крупного города с деревянными стенами, протяженность которых достигает 35 км.

4 период (вторая половина V—IV вв. до н. э.) — время расцвета Бельского городища, жизнь на котором сосредотачивается в пределах Восточного укрепления и его округи. Оно становится крупным экономическим, политическим и торговым центром лесостепной Скифии, хорошо известного степным племенам и древним грекам.

Торговый обмен с греками, Степью и с глубинными районами Лесостепи поддерживался, очевидно, по ворсклинской водной артерии, а также через систему городищ по известному Муравскому шляху и другим торговым сухопутным путям. В этот период возникает небольшое Куземинское укрепление, которое вполне могло играть роль портового торгового пункта.

К западу от городища расположен крупный курганный могильник, развивающийся на протяжении нескольких столетий и подтверждающий, что все это время поселение существовало как единый организм, поступательно развиваясь во времени. Жизнь на городище постепенно затухает в конце IV в. до н. э.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Д. В. Бондаренко, О. І. Смирнов (Миколайів)

ОСНОВНИ НАПРЯМКИ ДОРЕВОЛЮЦІЙНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

Для написання цієї роботи було вивчено 40 праць, присвячених о. Березань.

Цей корпус можна поділити на дві великі групи: публікації досліджень «кабінетного» характеру та публікації коротких звітів за результатами подорожей та польових досліджень на острові.

До першої групи належать дослідження, які не вимагали організації експедицій та участі в них безпосередньо авторів публікацій, а проводилися на основі письмових джерел та раніше знайдених артефактів. Такі дослідження значно переважали в своєму кількісному показнику принаймні до 1884 р. — початку археологічних досліджень острова. Праць «кабінетного» характеру за цей час було опубліковано 23.

Всі публікації «кабінетного» характеру ми можемо поділити ще на кілька підгруп.

Наймасовішими стали статті, метою яких було введення в науковий обіг групи артефактів або якогось окремого предмету — найчастіше лапідарних написів та кераміки. Їх ми нарахували 13. Лапідарні написи римського часу публікували Г. К. Е. Кьолер, В. В. Латишев, М. Н. Мурзакевич, Е. Р. фон Штерн; середньовічну пам'ятку видав Ф. А. Браун. Дослідженням керамічного матеріалу займалися Н. Е. Радлов, Н. А. Енман, Б. В. Фармаковський. Вводилися в науковий обіг і інші групи артефактів: так вивченням березанських скарабей та гемм займався Б. О. Тураєв, а хімічний аналіз бронзових вістрів стріл зробив П. Г. Меліков. Публікаціями окремих Березанських колекцій займалися Б. В. Фармаковський, Е. Р. Фон Штерн., В. І. Гошкевич.

Важливими та актуальними були питання історичної географії Північного Причорномор'я і зокрема Березані, що висвітлювалися в 7 публікаціях, 6 з яких розглядають давньогрецький та середньовічний (В. В. Латишев, Ф. К. Брун, С. Д. Пападімітріу, М. І. Ростовцев), а також турецький (Ф. М. Ковалевський) етапи в історії Березані.

Ще два дослідження В. М. Ястребова та Н. Віноградова присвячені історії досліджень острова.

В одній публікації містяться методологічні поради щодо використання археографічних матеріалів в ар-

хеологічних дослідженнях, автором якої став Д. І. Багалей.

До другої групи відносяться звіти по подорожам та візуальним оглядам острова, яких нами віднайдено 3, а також опубліковані звіти по археологічним розкопкам. Останні набули особливого розвитку з початком досліджень Е. Р. фон Штерна і часом дублювалися в різних виданнях. Всього їх вийшло 14.

Звіти по подорожам та візуальним оглядам острова були видані Г. К. Е. Кьолером, А. С. Уваровим та М. П. Барбот-де-Марні. В них розглядається географічне положення острова, короткий опис архітектурних споруд, розташованих на ньому та інколи, згадуються деякі випадкові знахідки.

Звіти по археологічним розкопкам видавалися Р. О. Пренделем, Б. В. Фармаковським та Е. Р. фон Штерном. Характерна для них структура: постановка мети досліджень, опис розкопаних об'єктів та основні висновки по проведеним роботам. Писалися такі звіти виключно керівниками експедицій.

Всі досліджені нами праці були видані різного роду науковими установами, які в тій чи іншій мірі зробили свій внесок у вивчення острова а також: Одеське товариство історії та старожитностей, Імператорська Археологічна комісія, Імператорське Московське археологічне товариство, Міністерство народної освіти Російської імперії, Імператорська Санкт-Петербурзька Академія наук, Херсонський музей, Рішельєвський ліцей, Імператорське Руське географічне товариство.

Основними досягненнями дореволюційної науки про о. Березань стали: відкриття та приблизне виокреслення меж поселення архайчного і ранньокласичного часів та його некрополю, а також констатація факту існування на острові святилища Ахілла Понтарха за римського тут панування; визначення відносин з іншими центрами давньогрецької ойкумени та варварського світу; відносна хронологія архітектурних та поховальних споруд; географічна приналежність та датування деяких груп кераміки (хоч інколи і не дуже вдале); вивчення епіграфічних пам'яток, спроби ідентифікації згадуваних

в середньовічних джерелах географічних об'єктів з о. Березанью.

До недоліків можна віднести недосконалість методики проведення археологічних досліджень, нехтування деякими групами артефактів, некомпетентність та непрофесійність окремих дослід-

ників, недостатньо високий рівень вивченості інших синхронних пам'яток та розгляд поселення на о. Березань, в деяких випадках, окремо, а не в контексті загальноісторичного розвитку грецького світу в цілому і Північнопонтійського регіону зокрема.

В. П. Былкова (Херсон)

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ «СКИФСКОГО ПОХОДА ЗОПИРИОНА»

Концепция «скифского похода Зопириона» развивается В. П. Яйленко на протяжении длительного времени. Предприняв детальный анализ письменных источников, исследователь пришел к выводу, что скифский вопрос занимал в планах Александра серьезное место и Зопирион был послан войной против царских скифов Нижнего Поднепровья. Представляется, что затронутые проблемы могут быть еще раз рассмотрены с привлечением археологических данных. Можно выделить следующие положения гипотезы Яйленко, предполагающие возможность привлечения археологического материала:

- под борисфенитами подразумеваются обитатели Нижнего Поднепровья, а не ольвиополиты, бывшие на стороне Зопириона;

- целью наступления Зопириона были скифские городища;

- алтари в честь Александра возведены в Гилее после изгнания оттуда скифов;

- «по истечении считанных лет» вследствие поражения царских скифов наблюдается наивысший расцвет народов Скифии и греческих государств Северного Причерноморья.

Сам В. П. Яйленко привлекает археологическую аргументацию, полагая, что идею похода Зопириона против Ольвии следует отвергнуть в том числе и потому, что осада Ольвии не могла не отложиться в стратиграфии памятника, не говоря уже о том, что Ольвия не могла сопротивляться 30-тысячной армии. Частично учтя критику, теперь он предполагает, что поход мог быть направлен против крупных укрепленных скифских городищ Нижнего Днестра — Каменского, Первомаевка 2 и Глубокая Пристань, ссылаясь при этом и на результаты моих исследований. Считаю необходимым уточнить ситуацию, тем более, что на этих памятниках объем раскопок репрезентативен — на каждом открыто не менее тысячи квадратных метров.

Если условно допустить вероятность предлагаемого развития событий, следует заметить, что выдержать осаду у обитателей указанных поселений было шансов не более, чем у ольвиополитов, а следов пожаров и разрушений соответствующего времени нет и на них. Кроме того, не все памятники Нижнего Поднепровья принадлежат скифам, здесь находится и восточная часть «дальней» хоры Ольвии. В частности, городище Глубокая Пристань, расположенное сравнительно близко к району Гилеи, всеми исследователями включалось в круг памятников сельской округи Ольвии, хотя и отмечались его некоторые особенности. Последние по времени раскопки С. Б. Буйских и В. П. Былковой подтвердили эту точку зрения.

В концепции В. П. Яйленко, в принципе, можно избежать поиска города борисфенитов, поскольку под последними он понимает «скифское приднепровское население», т. е., в первую очередь, тех кочевых скифов, что стали союзниками скифов царских. Они представлены большим количеством скифских курганов IV в. до н. э., **хотя непонятны критерии разделения памятников скифов-борисфенитов и скифов-басилидов.** Можно было бы принять замечание Яйленко о том, что и в кочевом обществе ставится вопрос о правах чужеземцев, но употребление термина гражданские права (*civitate*) **в этом случае выглядит небедительно.**

Второй вопрос касается непосредственно территории Гилеи. Яйленко полагает, что войско Зопириона на кораблях прибыло в Ольвию, переправилось в Гилею и, освободив ее от скифов-борисфенитов, в сакральной зоне союзников-ольвиополитов воздвигло алтарь. На основании нумизматических данных не исключается возможность присутствия воинов Зопириона в Гилее. Сами по себе эти сведения не объясняют ход событий, а если алтари возводились не исключительно в знак победы, то это могло произойти и во время осады Ольвии. К уже имеющимся единичным находкам македонских монет можно добавить клад 2004 г., обнаруженный на Кинбурнской косе в районе с. Васильевка. Известны из него 24 бронзовые монеты: 5 Филиппа и 19 — Александра. Публикация клада готовится к печати автором совместно с Д. Н. Сикозой, предоставившим эту информацию.

Археологические материалы не представляют прямых свидетельств относительно особого общего расцвета вследствие поражения царских скифов. Памятники Нижнего Поднепровья, т. е. региона, непосредственно связанного в рамках указанной концепции с походом Зопириона и ослаблением скифов-басилидов, не дают оснований для подобного вывода. Середина—третья четверть IV в. до н. э. для них — время стабильного процветания. Если для поселений хоры, расположенных западнее Ольвии, исследователи отмечали определенные изменения и связывали их с наступлением Зопириона и ликвидацией его последствий, то ни для восточной части «дальней хоры», ни для скифских поселений внутренних территорий региона аналогичная ситуация не зафиксирована.

Таким образом, анализ археологических данных показывает, что общая направленность критики «скифского похода Зопириона», предпринятая 20 лет назад Е. В. Черненко и Н. А. Гаврилюк и лишь в отдельных деталях принятая В. П. Яйленко, сохраняет свою актуальность.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИНДИКАТОРОВ СРЕДИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ АРХАИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Великая греческая колонизация, которая на позднем своем этапе охватила и Северное Причерноморье, привела к активному контакту культур эллинов и варваров. Взаимоотношения греческих колоний и варварских племен носили различный характер, но зачастую они приводили, кроме культурного влияния, к определенному этническому смешению. Варвары быстро воспринимали достижения античной цивилизации, включая в свой обиход множество греческих изделий. Значительные последствия имело распространение среди варваров, благодаря грекам, употребления вина. Эллины, в первую очередь, начинали использовать скифское вооружение. Все это привело к появлению в числе погребального инвентаря многих категорий изделий, которые носили надэтнический характер. Это привело к трудностям при этнокультурной идентификации некоторых погребений.

Попытки выделить в архаическом и классическом некрополе Ольвии скифские захоронения предпринимались неоднократно. К варварским относили погребения с оружием скифского типа, скорченные погребения. На сегодня данные черты погребальной обрядности не могут быть признаны исключительно варварскими. Кроме того, к не эллинским этнокультурным индикаторам были также отнесены каменные блюда, красная краска, кости животных, оселки и, в меньшей степени, окрашивание костяка, сожжение деревянных конструкций, ножи, пряслица, зеркала, шилья, иглы, несколько перстней, лепная керамика.

К сожалению, в данных работах не было сделано попытки выделить изделия, характерные лишь для погребального обряда греков. В первую очередь к эллинским следует отнести захоронения с терракотами. Также характерной чертой греческого погребального ритуала является положение в могилу или у нее сосудов для масел и благовоний. И если с последней четверти V в. до н. э. лекифы активно используются скифами при погребении, то для второй половины VI—первой половины V в. до н. э. кольцевидные сосуды, высокие цилиндрические лекифы для скифских захоронений не характерны. Их единичные находки в Лесостепи можно связывать с присутствием незначительного числа греков (преимущественно женщин),

либо с использованием их в редчайших случаях скифами. Кольцевидные сосуды, как считала В. М. Скудова, являлись просто более дешевым эквивалентом лекифов. В Ольвийском некрополе кольцевидные сосуды найдены во многих погребениях с оружием, что позволяет их считать греческими. Погребения с наборами астрагалов также следует соотносить с эллинскими, хотя они известны в скифских могилах.

Анализ инвентаря греческих захоронений позволяет исключить из списка исключительно варварских индикаторов предметы вооружения, лепную посуду, точила, оселки и плоские камни, пряслица, кости животных, красную краску, иглы, ножи, деревянные конструкции. Собственно каменные плиты-блюда упоминаются всего 4 раза и лишь одно сфотографировано.

В качестве скифского этнокультурного индикатора по-прежнему может служить сочетание в одном погребении каменного блюда и зеркала. К подобным погребениям были отнесены и все захоронения, в которых упоминаются плиты-блюда, точила, плиты и плоские камни, камни-терки и другие подобные изделия из камня, что привело к значительно завышенному количеству скифских могил.

Скифскими этнокультурными индикаторами, помимо каменных блюд, следует считать ворварки, поскольку они не характерны для греческой одежды или амуниции. В архаическом некрополе Ольвии ворварка найдена лишь один раз и четырежды они были зафиксированы в захоронениях второй половины V в. до н. э. Скифскими следует считать воинские погребения с крестовидной бляхой и секирой. Часть захоронений с оружием можно отнести к варварским условно, поскольку в них не найдены изделия, характерные для греческого погребального обряда, о которых речь шла выше.

Таким образом, ревизия скифских этнических индикаторов позволяет предположить варварскую принадлежность 13 захоронений, что составляет около 4 %. Важно подчеркнуть, что данный удельный вес скифских захоронений практически совпадает с количеством лепной керамики в слоях второй половины VI—V вв. до н. э. Ольвии.

ГРЕЧЕСКОЕ ИМЯ ЭПИКРАТ В ОНОМАСТИКЕ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

На сегодняшний день вопрос о семейных связях и социальном положении греческой аристократии Боспора в период правления Спартокидов остается малоизученным. Seriously продвинуться в изучении этого вопроса может помочь анализ ономастики боспорских эпиграфических надписей соответствующего периода. Одним из боспорских имен, заслуживающих отдельного рассмотрения, является греческое имя Эпикрат. Это имя было широко распространено в эллинской ономастике (LGPN, I, p. 157; II, p. 148–149; III, A,

p. 147) и особенно популярно в среде ионийской аристократии. Этимология данного имени, очевидно, связана с понятием «ἐπικρατής» — «сильный, мощный, победоносный». В боспорской эпиграфике имя Эпикрат встречается несколько раз, причем только в памятниках, относящихся к IV—III вв. до н. э. Среди боспорских надписей, в которых упоминается данное имя, наибольший интерес вызывает горгиппийский агонистический каталог первой половины III в. до н. э., являющийся самым обширным боспорским списком

имен эпохи Спартокидов (КБН, 1137). В этом каталоге упоминается шесть человек с именем или патронимиком Эпикрат. Пятеро агонистов, имевших патронимик Эпикрат, становились победителями этих состязаний в достаточно узкий временной промежуток — всего 12 лет отделяет первого из них, Синда, от последнего, Аполлония. Судя по характерным именам, по крайней мере, двое из них, Синд, сын Эпикрата, и Эпикрат, сын Эпикрата, могли быть сыновьями еще одного участника горгиппийских агонов — Эпикрата, сына Синда. Этому соответствует и примерно 20-летний хронологический промежуток между победами в горгиппийских соревнованиях Эпикрата, сына Синда, и двух его предполагаемых сыновей. Кроме горгиппийской надписи, Эпикраты упоминаются еще в двух боспорских памятниках лапидарной эпиграфики: житель Боспора с именем Эпикрат и несохранившимся патронимиком известен по списку имен из Нимфея (КБН, 912, III, 5; III, 12), а Эпикрат, сын Эпикрата, один из горгиппийских агонистов, упоминается также в посвяtitельной надписи Гераклу времени правления Перисада II, найденной в Темрюке на Азиатской стороне Боспора (КБН, 1036). Имя Эпикрат известно и по клеймам на боспорских черепицах IV в. до н. э., а также упоминается в агораномной надписи на контрольной весовой гире из Нимфея, которая, предположительно, датируется первой половиной III в. до н. э.

Все упоминания имени Эпикрат в боспорской эпиграфике относятся к достаточно узкому хронологическому периоду (вторая половина IV—первая половина III вв. до н. э.), и поэтому данное имя, вероятно, использовалось преимущественно в рамках одной семьи. В качестве примера, подтверждающего это предположение, можно использовать материалы эпи-

графики крупнейшей боспорской метрополии — Милета. В этом ионийском полисе вплоть до римского времени сохранялась устойчивая традиция наследования родовых имен в среде аристократии. В частности, все случаи упоминания имени Эпикрат в списках милетских эсимнетов мольпов в IV—III вв. до н. э., а затем и в I в. до н. э., были связаны с историей лишь одной аристократической семьи, в рамках которой это родовое имя переходило от отца к сыну (Milet, I, 3, 122; 123; 124; 125; 126). Традиция наследования родовых имен существовала и в боспорских аристократических семьях, что было прослежено В. П. Яйленко на примере рода Фениппов-Федимов-Артемонов, известного по посвяtitельным надписям и спискам имен IV—III вв. до н. э. Использование подобного подхода к исследованию эпиграфических надписей, в которых упоминается имя Эпикрат, позволяет выдвинуть предположение о близком родстве большинства известных нам жителей Боспора с этим именем.

Таким образом, благодаря анализу ономастики, отраженной в боспорских эпиграфических надписях, мы можем проследить историю одной из семей, которая обладала значительным влиянием в среде местной греческой аристократии. В IV—III вв. до н. э. боспорские Эпикраты владели керамическим эргастерием, избирались на должности полисных магистратов, активно участвовали в горгиппийских агонах и, возможно, входили в состав местных религиозных союзов, объединявших высшие слои полисного гражданства. История этой семьи наглядно демонстрирует то большое социальное и политическое значение, которым обладала местная греческая аристократия в боспорском обществе и административной системе в эпоху правления Спартокидов.

А. В. Ивченко (Киев)

ДВА НОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ С ПОЗДНЕХИОССКИМИ АМФОРАМИ

В 2008 г. на раскопах «Северный мыс 2» и «Северный мыс 1» некрополя Ольвии было открыто два погребения (№ 4 и № 6 соответственно), сопровождаемых амфорами хиосского производства поздних типов. Оба захоронения представляли собой земляные склепы, состоявшие из продольного наклонного дромоса и погребальной камеры, которые были ограблены и частично разрушены. Несмотря на это, оба комплекса дали достаточно представительный материал.

Склеп № 4 был ориентирован погребальной камерой на северо-запад. Длинные оси дромоса и камеры совпадают. Судя по его сохранившимся частям, продольная ось дромоса была ориентирована не по центру камеры, а смещена к северу и дромос соединялся с камерой по северной стене. Камера имела трапециевидную, почти квадратную форму и аркообразный свод с максимально прослеженной высотой в 1,45 м.

Склеп № 6 был ориентирован камерой на юго-запад. Дромос по отношению к камере расположен несимметрично, сдвинут к юго-востоку. Камера имеет прямоугольную форму, ориентирована по линии

северо-запад — юго-восток, поперек длинной оси дромоса. Свод слегка дугообразный. Его высота составляла 1,0–1,16 м.

На дне каждой из камер выявлено по два костяка, лежавших вдоль стен, ориентированных по длинной оси дромоса. Они располагались вытянуто на спине, головой ко входу, параллельно друг другу. Под каждым из костяков сохранились следы плотной органической подстилки темного цвета. По краям подстилок прослеживались фрагментированные остатки дерева. В изголовье и ногах каждого из погребенных (кроме северного погребения склепа № 4) было сделано по поперечному углублению для основания погребальной ложа.

В обоих погребениях зафиксировано значительное количество погребального инвентаря, как при костяках, так и по всей площади дна камеры. В склепе № 4 один захороненный сопровождался двумя бронзовыми монетами, а в склепе № 6 один — двумя, а второй — одной.

Датирующий материал из склепа № 4 в целом относится к III—II, II в. и III—первой четверти I вв. до

н. э. Нижнюю дату дают две однотипные малоизношенные монеты 40–30-х гг. II в. до н. э. Таким образом, это погребение может относиться к последней трети II в. до н. э.

Аналогично материалу из склепа № 4 датируется керамический материал из склепа № 6. Две однотипные бронзовые монеты относятся к 180–170 гг. до н. э., а еще одна (г. Амиса) — к концу II в. до н. э. Сам комплекс можно датировать концом II—рубежом II—I вв. до н. э.

Хиосские амфоры с острым дном без выделенной ножки (тип V-C по С. Ю. Монахову) являются достаточно редкой находкой. До последнего времени в Северном Причерноморье их было известно всего две, и обе происходили из Ольвии. С. Ю. Монахов затруднялся указать их точную хронологию, условно относя их ко II в. до н. э. Новые хорошо датированные комплексы подтверждают это предположение. К тому же на обоих ручках амфоры из склепа № 4 стояли

клейма, выполненные одним штампом. Эти клейма относятся к клеймам Гегесия так называемой группы «пармениска» и датируются 200-ми гг. до н. э., что не противоречит предлагаемым датам.

В современной литературе существует мнение, что торговый оборот Ольвии с Хиосом резко сокращается или даже полностью прекращается еще в середине III в. до н. э. Находка уже пяти (еще одна амфора была найдена несколько ранее Ю. И. Козуб), однотипных хиосских амфор, относящихся к более позднему времени, позволяет несколько скорректировать эту точку зрения.

Все открытые за последнее время амфоры такого типа происходят из склепов, отличающихся относительно богатым погребальным инвентарем. Можно предположить, что находки этих редких амфор являются одним из индикаторов относительно высокого социального статуса людей, погребенных в таких склепах.

В. В. Крапивина (Киев)

О СВАТИЛИЩАХ АФРОДИТЫ В ОЛЬВИИ

Ранее наличие святилища Афродиты и Гермеса в Ольвии было зафиксировано только на Западном теменосе по принципу концентрации посвященных граффити. Самое раннее из них датируется последней четвертью VI в. до н. э., совместные посвящения Гермесу и Афродите — первой половиной V в. до н. э. Два граффити содержат прямое указание на существование здесь святилища Афродиты.

Работы последних десяти лет позволяют сделать вывод о наличии еще одного святилища Афродиты в юго-восточной части Верхнего города Ольвии. Само святилище пока не выявлено, однако на верхней террасе здесь раскрыты: 1) ботрос святилища Афродиты V в. до н. э., 2) большое углубление неизвестного назначения, содержащее наряду с другими материалами несколько посвящений Афродите конца VI—начала V вв. до н. э. и несколько фрагментов расписной милетской черепицы, вероятно, использовавшейся для перекрытия святилища, 3) металлообрабатывающая мастерская конца V—третьей четверти IV вв. до н. э., которая, судя по находке здесь литейной формы для отливки свинцовых votивных пластин с изображением Афродиты и Гермеса, была связана со святилищем, 4) фрагменты мраморных статуэток Афродиты конца IV в. до н. э., III—II вв. до н. э., I в. н. э. В этой же части города выявлено домашнее святилище Афродиты, Гермеса и Матери богов конца II—второй четверти III вв. н. э. Нигде более в Ольвии не зафиксировано такого количества артефактов, связываемых с Афродитой.

Юго-восточная оконечность Верхнего города Ольвии располагается на высоком правом берегу Нижнебулгского лимана и именно это место было первым, которое было видно с кораблей, направлявшихся в гавань. Здесь раскрыты также оборонительные стены цитадели первых вв. н. э. Более ранние оборонительные сооружения пока не выявлены, хотя они не могли не существовать, замыкая оборону города с юго-востока.

В целом для топографии святилищ Афродиты характерно расположение на берегах рек и на мысах. В городах они могли располагаться на склонах акрополя (как в Афинах), на холмах, в садах, в районе агоры или на окраине возле оборонительных сооружений. В этой связи юго-восточная часть Верхнего города Ольвии топографически вполне соответствовала необходимым условиям для расположения здесь святилища Афродиты.

Вывод о большем значении культа Афродиты в регионе Нижнего Побужья, чем считалось до сих пор, в конце VI—IV вв. до н. э., особенно в сочетании с культом Гермеса в ипостаси покровителей семьи, не может не свидетельствовать о каких-то процессах, связанных с консолидацией полиса, и, как следствие, повышением роли семьи.

Ольвия становится административным и политическим центром единого государства не позднее последней четверти VI в. Около рубежа VI—V вв. — это уже самый крупный в Нижнем Побужье центр с урбанистическими тенденциями развития. Начинается формирование античного города в градостроительном отношении. V в. стал для Ольвии временем постепенного расцвета и становления как типичного античного города, территория которого значительно увеличивается. В то же время в конце первой трети V в. происходит редукция большой хоры, в результате чего сохраняются только единичные поселения близ Ольвии. Таким образом, в жизни Ольвийского полиса безусловно происходили серьезные изменения, вызванные как внутренними, так и внешними факторами. Однако вопреки внешнеполитическим переменам и постоянно возникающим трудностям ольвиополиты сконцентрировали все имеющиеся резервы для дальнейшего усиления полиса, в том числе связанные с идеологическими воззрениями.

В связи с этим отметим, что святилище Афродиты Ойкос у ворот метрополии Ольвии Милета на

Зейтинтепе существовало в VII—VI вв. до н. э. Кроме того, здесь представлено значительное количество находок II в. до н. э.—II в. н. э., связанных с культом Афродиты. Имена посвятител в основном женские, в отличие от архаического времени, когда имена посвятител были в основном мужскими.

Кульм Афродиты Пандемос в Афинах в сочетании с кульмом Пейто играл большую роль в синойкизме демоса Аттики. Афродита выступает как богиня, объединяющая индивидуумов в политической и со-

циальной сферах, немногим уступая культу покровительницы города Афины. Вероятно, в Ольвии культ Афродиты в конце VI—V вв. до н. э. был столь же значителен, как в архаическом Милете и классических Афинах и связан с процессами консолидации полиса. Конечно, с течением времени он претерпевает определенные изменения, но его почитание продолжает быть связанным с теми же местами в городе, что и ранее, поскольку выбраны они были не случайно.

А. П. Медведев (Воронеж)

СКЛЕПЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В 2005–2007 гг.

В 2005–2007 гг. масштабные исследования Восточного некрополя Фанагории проводил отряд Воронежского госуниверситета, работавший в составе Фанагорийской (Таманской) археологической экспедиции Института археологии РАН. В центральной части Восточного некрополя были заложены два раскопа общей площадью 3994 м². Здесь открыто 120 разновременных погребальных комплексов, содержащих свыше 150 человеческих захоронений. Большинство из них относилось к римской эпохе.

С I в. на исследованном участке некрополя появляются грунтовые склепы (раскопано 10). Все склепы однокамерные, при этом дромос и камера всегда расположены на одной оси. Как правило, склепы первых веков н. э. имели мощные каменные заклады, отделявшие дромос от камеры. При этом в склепах I—начала II вв. они сложены из специально вырубленных известняковых плит, которые со стороны дромоса подпирались массивными блоками или старыми архитектурными деталями. Более поздние гробницы второй половины II—III в. часто имели заклады из вторично использованных рельефных надгробий и массивных архитектурных деталей. Камеры склепов римского времени обычно содержали останки 3–5 костяков (исключения: погребение 84 — не менее 10; погребение 100 — не менее 8). В склепах захоронения совершались в деревянных гробах или саркофагах, при этом последние иногда были украшены фигурными гипсовыми прилепами. Погребенные I в. чаще всего уложены головой на юг, в сторону дромоса. Однако со второй половины II—начала III в. н. э. в Восточном некрополе получает распространение противоположная северная ориентировка. Укажем, что начиная с рубежа н. э., в Восточном некрополе появляются такие нехарактерные для эллинов обрядовые особенности, как положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голени ноги, обычно связываемые с сарматской или меотской погребальной традицией.

Несмотря на ограбление, сопровождающий инвентарь в склепах римского времени более богат и разнообразен, нежели в предшествующую эпоху. Это различные типы местной круговой красноглиняной и сероглиняной посуды, реже краснолаковой керамики, светильники, как правило, местного производства и редко краснолаковые, а также стеклянные сосуды (кувшины, кубки, тарелки, чаши, бальзамари), фи-

булы, пряжки и иные детали костюма, украшения, в том числе золотые перстни со вставками, монеты, а также фрагменты золотых погребальных венков и др. В большом склепе погребения 84, содержащем останки не менее 12 захоронений, среди множества находок обращает на себя внимание золотой медальон с рельефным изображением богини, близкий одному из украшений Артюховского кургана. Оттуда же происходит небольшой золотой диск с гравированным изображением мужского божества с гермообразной фигурой типа найденного В. В. Шкорпилом в одной из керченских гробниц 1902 г. Оружие (фрагменты железного меча и трехлопастные черешковые наконечники стрел) встречено лишь однажды (погребение 80).

В склепах римского времени найдено около двух десятков терракот. Помимо обычных изображений эллинских женских божеств и иных женских персонажей встречены статуэтки, заслуживающие особого внимания. В женском погребении 100/1. I в. н. э. лежала терракота «богиня с фруктами», фрагменты двух «терракот-марионеток» с подвижными членами, две миниатюрные амфорки, а также терракота в виде фигурки галопирующего всадника. Его правая рука, согнутая в локте и поднятая вверх, вероятно, сжимала копье или дротик, левая — не видна. От известных экземпляров она отличалась тем, что за спиной всадника виден большой круглый выпуклый щит.

Весьма интересный комплект из пяти терракотовых фигурок происходит из южной ниши многоярусного склепа 104, стратиграфически связанной с погребением 5 второго яруса. По сопровождающему инвентарю оно датируется не ранее второй половины II в. н. э. Среди набора терракот обращает на себя внимание статуэтка «воин со щитом». Юноша в башлыке с длинными, достигающими плеч волосами одет в короткий, распахнутый снизу кафтан, на его спину накинута длинная плащ. Его правая рука опирается на большой щит, левая закрыта тем же щитом. По классификации В. И. Пругло, статуэтка принадлежит второму типу терракот, изображающих воинов-галатов. Принято считать, что подобные терракоты изготавливались на Боспоре по I в. н. э. включительно. Однако находка терракоты в погребении 104/5 указывает на то, что они могли использоваться гораздо дольше — вплоть до второй половины II в.

В. А. Меньшикова (Ростов-на-Дону)

ЛЕПНЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ С КАННЕЛЮРАМИ БОЛЬШОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

В настоящее время в лепном керамическом комплексе Елизаветовского городища насчитывается 15 экземпляров курильниц, украшенных вертикальными каннелюрами. Датируются они концом IV—первой третью III вв. до н. э., что соответствует времени функционирования Большой греческой колонии.

Учитывая морфологические и орнаментальные особенности, типологически можно выделить три группы курильниц. В первую, самую многочисленную (10 экземпляров), включены сосуды, украшенные вертикальными валиками-каннелюрами. В редких случаях каннелюры дополнительно орнаментировались заплатами. В отличие от первой группы, морфологически повторяющей пропорции сосудов I типа по классификации К. К. Марченко, вторая аналогична или близка II типу (4 единицы). Характерной особенностью второй группы являются прочерченные каннелюры. Единственным экземпляром представлена третья группа. К ней относится курильница яйцевидной формы, украшенная вертикальными валиками-каннелюрами с двумя сквозными отверстиями в верхней части. Поверхность носит следы слабого лощения.

Несмотря на типологические различия, курильницы объединяет общий, специфичный способ орнаментации. Ряд исследователей связывают подобный вид орнамента с савромато-сарматскими культурными традициями. Аналогичный способ украшения курильниц встречается и в погребальных комплексах Прикубанья второй четверти IV—начала III вв. до н. э.

Анализируя лепные курильницы с каннелюрами из материалов Большой греческой колонии Елизаветовского городища, складывается впечатление о своеобразном синтезе их элементов. Первая группа курильниц аналогична сосудам I типа, связываемой со степным вариантом скифской культуры. Вторая близка к савромато-сарматским формам. Курильница из

третьей группы находит параллели в меотских погребениях Прикубанья. Акцентируем внимание на условиях находок сосудов. Восемь курильниц происходят из строительных комплексов, которые представляют собой сырцово-каменные конструкции домов греческого образца.

Близкая по содержанию ситуация складывалась в Приднестровье на рубеже IV—III—второй половины III вв. до н. э. Среди компонентов погребальной обрядности Тираспольской группы памятников прослеживается сочетание элементов скифской, савроматской (сарматской), меотской и фракийской культур. Необходимо отметить, что в приднестровских погребениях довольно часто находят курильницы с каннелюрами. И. А. Четвериков и В. С. Синика предполагают, что памятники Тираспольской группы оставлены агрессивными настроенными варварами, «ставшими причиной кризиса, потрясшего в 70-гг. III в. до н. э. все Северное Причерноморье» и приведшие к гибели греческой колонии в дельте Дона. Исследователи верно отметили тождественность форм и орнаментации курильниц этих памятников. Однако, обратим внимание, что жители Елизаветовского городища как раз и являются «носителями традиций использования лепных курильниц», но, между тем, Большая греческая колония гибнет в пожаре в первой трети III в. до н. э. Возможно, более детальный анализ материальной культуры памятника и лепных курильниц, в частности, позволит ответить на вопрос об этническом составе населения колонии в дельте Дона, а также пролить свет на этнокультурную ситуацию в Северном Причерноморье.

В настоящее время априорно складывается впечатление о скифо-савромато-меотском симбиозе при непосредственном участии эллинистического компонента в сложении образа курильниц с каннелюрами и вероятно всего комплекса лепной керамики Большой греческой колонии.

А. Г. Плешивенко (Запорожье)

ОБ «АКРОПОЛЕ» КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Переосмысление роли и значения Каменского городища в истории Скифии поставило под сомнение первоначальное определение «акрополя» как резиденции скифских царей. В монографии Н. А. Гаврилюк делает вывод «о раздельных линиях развития Каменского и Знаменского городищ», определяя их «как разновременные и разнотипные явления». Размышления на эту тему, озвученные автором данной работы на первых Граковских чтениях в Запорожье (1989), строились на отчетах о полевых работах.

Исследователи «акрополя» не отрицают, что его заселение началось одновременно с Каменскими курчугами и в основании культурного слоя (IV в. до н. э.) наблюдается каменное домостроительство с применением античных знаний: различные системы кла-

док, в том числе кладки «кордон на лицо, плита на образок», использование синопской черепицы, применение разных субструкций под основание стен, наличие очагов — жаровен, каменных мощенных дворов.

Разрушенность культурного слоя, вскрытие городища небольшими разрозненными площадями не позволяет детально изучить планировку жилых комплексов и территорию в целом. Частично сохранившееся на раскопе 1-а здание, по своему плану приближается к рядовым городским домам Ольвии и окружающим ее поселениям. Ориентировка помещения такова, что стены его шли параллельно крепостной стене «акрополя». При таком расположении стен домов, улицы и проулки создавали геометрическую

сетку, традиционную для античной планировки. Среди каменных развалов выделяются остатки постройки из крупных обработанных блоков на раскопе 18. Здание имело двор, вымощенный плоскими камнями; архитектурные детали подчеркивают значительность этого сооружения. По мнению Н. Н. Погребовой, здание носило общественный характер. Укрепления «акрополя» по своему устройству, техническим приемам повторяют традиции античных городов. Стена состояла из двух наружных панцирей и внутреннего слоя забутовки. Камни панциря укладывались то длинной, то торцевой стороной, таким образом, что лицевая сторона представляла ровную линию. Строительством дополнительных укреплений с внешней стороны, отнесенное Н. Н. Погребовой к особенностям оборонительных сооружений акрополя Неаполя Скифского, находит аналогии и в более ранний период в античной фортификации.

Таким образом, сравнение облика типичных скифских поселений с архитектурой «акрополя» Каменского городища позволяет отнести сооружения последнего к постройкам более высокого уровня с явными чертами античной городской культуры.

Красноречив набор вещественного материала: греческие монеты, синопская черепица, поступавшая на северо-понтийский рынок с сер. 3 четверти IV в. до н. э., амфоры известных центров виноторговли Фасоса, Менды, Пепарета, Синопы, Гераклеи сер. IV—1 четверти III вв. до н. э. Изысканная посуда представлена в основном формами, сопутствующими поставкам вина (килики, канфары, кратеры). Среди престижных находок можно выделить крышку леканы середины

IV в. до н. э. Присутствие «неходового» предмета женского туалета вряд ли уместно и приемлемо в кочевой или оседлой жизни скифянок, «упорно избегающих чужеземных обычаев... особенно эллинских» (Геродот, IV, 76). Единичные находки лекан и в скифских курганах свидетельствуют о том, что скифянки не обременяли свой быт подобными излишествами. Вероятно, лекана принадлежала гречанке. Трудно представить, что в те времена эллинская женщина отправилась путешествовать или торговать в скифские земли, скорее всего, она проживала в «аристократическом» районе Каменского городища, т. е. на «акрополе», который, на наш взгляд, не являлся резиденцией скифской знати, а был заселен торговцами — носителями греческой культуры, обустроившими свой квартал подобно тому, что существовал на Елизаветовском городище.

Таким образом, совокупность описанных признаков, а именно: каменное домостроительство и возведение оборонительных сооружений с использованием архитектурно-строительных приемов греческой культуры, богатство импорта и его количественное преимущество (75 %) над местным материалом, удаленность от «ремесленной» кучугурской территории и отсутствие производственных остатков допускают предположение о существовании на месте «акрополя» греческого эмпория. Основание фактории в глубине Скифии давало возможность торговать без посредников. Сфера деятельности этого форпоста греческой торговли продлила его существование и в последующие столетия, но уже в другом культурном облики.

С. Н. Прокопенко (Белгород)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ НА ХОРЕ ГОРОДОВ БОСПОРА

VI—первой трети III в. до н. э.¹

В последнее время в отечественном антиковедении наблюдается всплеск интереса к проблемам социально-экономической истории Боспора, преимущественно раннего периода. Причина этого заключается не только в желании ученых внести ясность в некоторые вопросы данной проблемы, но и возможности это сделать, что связано с пополнением источниковой базы.

Одной из стартовых точек изучения данного блока проблем стало исследование хоры городов Боспора, в изучении которой в последнее десятилетие были достигнуты определенные успехи. В работах В. Н. Зинько, А. А. Масленникова, С. Ю. Сапрыкина, С. Л. Соловьева и др. исследованию подверглись преимущественно сельские округа крупных городов Боспора. При этом акцент ставился на изучении внешних характеристик хоры (размеров, количества поселений и др.), тогда как внутреннее содержание, а именно хозяйственное функционирование хоры VI—первой трети III в. до н. э. осталось малоисследованным.

Изучение системы хозяйствования, на наш взгляд, невозможно без исследования отдельных элементов

организации хоры городов Боспора, среди которых особое место занимает система коммуникаций, являющаяся к тому же и наименее изученным элементом.

Сюжеты на представленную тему имели место лишь в некоторых работах ученых, преимущественно последних десятилетий (Я. М. Паромов, Т. Н. Смекалова, С. Л. Смекалов, В. Н. Зинько, Г. П. Гарбузов и др.).

Интерес к представленной проблеме и возможности ее исследования связаны также и с внедрением в античную археологию новых методик исследования, в особенности дистанционного зондирования земли (ДЗЗ).

Основными источниками по проблеме выступают археологические (остатки античных дорог; якорей и штоков судов малого водоизмещения; остатки пристаней и портовых сооружений, как на сельских поселениях, так и в городах и т. д.), **хотя некоторые выводы о развитии транспортной системы Боспора можно сделать и из письменных свидетельств.**

На основе комплексного анализа археологических и письменных источников мы можем сделать ряд предварительных выводов по изучаемой нами проблеме:

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Сельское хозяйство как доминанта экономической системы Раннего Боспора» (Госконтракт № П1059 от 21.08.2009).

1. Система коммуникаций Раннего Боспора тесным образом связана с развитием остальных элементов организации хоры городов Боспора.

2. Природно-географические условия оказали непосредственное влияние на формирование системы коммуникаций хоры городов Боспора.

3. Система коммуникаций делится на две группы: 1) **сухопутные дороги**; 2) **водные пути**. Среди сухопутных путей выделяются дороги трех уровней: 1) пути, связывающие античные центры и отдельные микрорайоны на Боспоре; 2) **дороги, обеспечивающие сообщение** между городом и сельскими поселениями; 3) сеть дорог, соединяющих поселения с наделами. Исходя из

предмета исследования, нам наиболее интересны дороги второго и третьего уровня.

4. Система сухопутных коммуникаций демонстрирует преобладание дорожной системы, сложившейся в догреческий период развития Боспора Киммерийского.

5. Общая тенденция развития системы коммуникации в рассматриваемый период сводится к двум основным моментам: 1) поэтапное усложнение; 2) более интенсивное использование морских путей сообщения в ранний период, в связи с особенностями расселения и постепенное увеличение роли сухопутных дорог.

О. А. Ручинская (Харьков)

ЭЛЛИНСКАЯ «ПАЙДЕЯ» В СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Различные аспекты повседневной жизни в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Однако, данная проблема, в предложенном аспекте, принадлежит к числу малоизученных в отечественной историографии.

Археологические, иконографические и эпиграфические материалы позволяют говорить о том, что в гражданских коллективах античного Северного Причерноморья большое значение уделялось обучению детей (главным образом мальчиков) всех свободных граждан, что было связано с прогрессивным пониманием положения личности в обществе. В период, когда мораль была главным способом регулирования отношений между людьми, этические представления ставили перед человеком задачу глубокого морального усовершенствования. Эта тенденция нашла отражение в коллективной системе воспитания и образования, существовавшей здесь, видимо, с V в. до н. э. **Литературные и археологические свидетельства** об особенностях домашнего воспитания девочек и мальчиков до 7 лет, детских играх и забавах, элементах дошкольного образования отражают типичные подходы, характерные эллинскому миру. В Северном Причерноморье можно выделить системы мусического и гимнастического воспитания и образования, отметить наличие эфебии и возможность получения высшего образования. Судя по разветвленной системе образования, наличию разнообразных агоний, в V—I вв. до н. э. в Северном Причерноморье использовалась пайдея — универсальная

система образования, в которой формируется не профессионал в определенной области, а человек как личность, с **определившимися ценностными ориентациями**. Материалы Северного Причерноморья позволяют выделить несколько этапов данного процесса: 1) воинская подготовка (воспитание военных добродетелей) — обеспечение чести и славы; 2) гражданские добродетели (воплощение идеи калокагатии); 3) «схоле» (досуг): познание греческой литературы, философии, науки, музыки, риторики. Все три этапа являлись подготовкой к активной общественной жизни.

Довольно четкие черты пайдеи продолжают выявляться и в первые века н. э. Во многом это было связано с сохранением единого мировоззрения для граждан античных городов Северного Причерноморья и единой системы ценностей, ориентированной на идеалы гражданской общины, основанной первопоселенцами. В Херсонесе и в Ольвии, несмотря на варварское окружение и римское влияние, эта тенденция проявляется более явно. В городах Боспорского царства коллективное воспитание и система образования в первые века н. э. не рассматривается как цель гражданского коллектива. Здесь следует четко различать два направления в системе воспитания и образования: граждан и подданных. Кроме того, на Боспоре, в условиях, когда полисные институты уже практически не воспринимались как общественные, роль регулятора системы образования переходит к филасам.

Л. Г. Шепко (Донецк)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ЗАВЕТНОЕ—V

На рубеже VI—V вв. до н. э. юго-восточная часть Керченского полуострова включается в сферу интересов эллинов. Между Нимфеем и Китеем возникает ряд поселений, среди которых необходимо упомянуть расположенный на мысовой возвышенности к югу от оз. Тобечик археологический комплекс Заветное—V.

Памятник известен с конца 20—начала 30-х гг. XX в., когда работники Керченского музея под руководством Ю. Ю. Марти в ходе археологических разведок выявили в прибрежной части Керченского

пролива несколько десятков античных поселений.

Размеры и структура поселения, а также время его существования были уточнены во время археологических работ 1998–2009 гг., проводимых комплексными экспедициями Керченского ИКЗ (А. В. Куликов), Донецкого национального университета (Л. Г. Шепко) и Государственного Эрмитажа (С. Л. Соловьев). Памятник занимает площадь около 20 га. Его территория ограничена на востоке Керченским проливом, на севере и северном западе — оз. Тобечик, на юге — долиной,

спускающейся к побережью пролива. Подъемный материал наиболее интенсивно встречается на участке площадью 80×100 м, вытянутом по направлению запад-восток. Интенсивность распространения и характер находок позволили выделить на плато несколько объектов, связанных с проживанием и хозяйственной деятельностью населения.

На территории поселения за годы археологического исследования заложены шесть раскопов, общая площадь которых превышает 1500 м^2 . Обнаруженные материалы свидетельствуют о пребывании здесь населения, возможно, с рубежа VI—V вв. до н. э. и до начала III в. до н. э.

Раскопы группируются в три участка, различающиеся по характеру и назначению. На первом участке (в юго-восточной части) памятника были обнаружены 58 хозяйственных ям и две постройки. Большая часть ям использовалась во второй половине V—IV вв. до н. э., вначале в качестве зернохранилищ; четыре ямы функционировали во второй половине IV—начале III в. до н. э. Этот участок, помимо традиционного керамического материала, дал значительную коллекцию костяных орудий труда, зернотерок, грузил.

В центральной части памятника (второй участок) было исследовано несколько строительных комплексов: две полуземлянки, каменная ограда, площадка, сложенная из камня и обломков амфор и черепицы, сырцовая конструкция, предназначенные, вероятно, для просушки и развешивания зерна. Формирование культурного слоя на этом участке относится ко второй-третьей четверти IV в. до н. э. Верхняя хронологическая граница определяется благодаря наличию в слое фрагментов амфор Херсонеса IV—начала III в. до н. э. и Книда второй половины IV—первой трети III вв. до н. э.

Западная часть памятника (третий участок) связана с жилой зоной. Здесь выделены культурные слои

трех строительных горизонтов, в пределах которых были исследованы несколько грунтовых ровиков, 5 хозяйственных ям, сооружения типа землянок. Особый интерес представляет грунтовое сооружение (СК2) четырехугольной в плане формы, ориентированное длинной осью по линии восток-запад, размерами в верхней части $6,60 \times 6,40$ м, в нижней части $6,10 \times 3,0$ м, глубиной до 4 м. Вдоль его южного и восточного бортов была вырезана многоступенчатая лестница.

К третьему строительному горизонту относились шесть помещений большой сельскохозяйственной усадьбы. На этом объекте вещевой комплекс отличался особым разнообразием, широко были представлены предметы быта и хозяйственной деятельности.

Наибольшую часть керамических находок составляли обломки амфорной тары мастерских Хиоса, Фасоса, Лесбоса, Гераклеи, Синопы и др. Распределение амфорных находок различных центров позволяет проследить направления торговых связей, а также их изменение на протяжении почти двух столетий. Обращает на себя внимание преобладание на всех участках поселения на протяжении второй половины V и первой половины IV в. до н. э. амфор Хиоса. Во второй половине IV в. до н. э. в керамическом комплексе доминируют фрагменты амфор Гераклеи и Синопы. Столовая и кухонная гончарная посуда представлена разнообразными формами и типами чернолаковой аттической, сероглиняной и красноглиняной посуды. В ее составе определенную долю занимала лепная посуда.

Таким образом, археологический памятник Заветное—V представляет собой сложный сельскохозяйственный комплекс, динамично функционировавший в V—первой трети III вв. до н. э., с четко выделенными жилой и хозяйственными зонами, связанными с обработкой и хранением зерна.

Л. Г. Шепко (Донецк), **Л. Л. Селиванова** (Москва)

ЕЩЕ РАЗ О НАХОДКЕ ИЗ ЗАВЕТНОГО

В 2001 г. на сельскохозяйственном поселении у с. Заветное—V в Юго-восточном Крыму были обнаружены глиняные статуэтки, опубликованные в 2006 г. Л. Г. Шепко. Одной из них на предыдущей конференции был посвящен доклад автора публикации «Терракотовая фигурка с мечом из Заветного».

По археологическому контексту — фрагментам гераклейских, синопских и пухлогорлых хиосских амфор (преимущественно развитого варианта), чернолакового скифоса и светильника — находка датируется V—началом IV вв. до н. э. Точно определить время и центр производства затруднительно. Изделие внутри полое, открытое снизу, высота 5,3 см, основание $4,5 \times 5 \times 0,6$ см. Терракота представляет собой объемное изображение полного мужчины без головы. В правой руке он сжимает меч, острие которого касается левого колена, на котором лежит левая рука. Одет в длинную, облегающую рубаху типа хитона с треугольным вы-

резом и рукавами до локтя с расходящимися концами. Подол приподнят, обнажая левое бедро и гениталии, над которыми занесен широкий односторонний изогнутый меч с навершием в виде головки птицы (грифона?). Изображение отличается простотой и сдержанностью, характерной для строгого стиля.

Аналогов рассматриваемой статуэтке нет, хотя имеются параллели отдельным элементам в терракоте, скульптуре, вазописи, на геммах и монетах. Это так называемый «пухлый демон», сидящий с подогнутой ногой и известный в коропластике с эпохи архаики. Так изображали Гермеса, негров, сатиров, мальчиков, Аттиса, юного Диониса с атрибутами. Фигурки сидящих обнаженных мальчиков находили в святилищах Аполлона, Деметры, Диониса, Кибелы и Кабирова, в погребениях. Больше всего их на Родосе, а также в Аттике, Беотии, на Крите, Сицилии, в Эолии. Найденные на Боспоре — относятся в основном к V в. до

н. э. Иногда их трактуют как изображения храмового мальчика, Гермеса и проч., но чаще — кабира, и связывают с культом Диониса, Деметры, Плутоса, Кибелы, Кабири, с участием детей в религиозной жизни общины. При этом ни в одном артефакте не присутствует меч. Одной из возможных представляется следующая интерпретация.

Акцент на мече и половых органах не позволяет трактовать сюжет как жанровую сцену (отдыхающий воин). Это и возраст изображенного исключает и понимание его как неокора, а также как Плутоса, Диониса, кабира. Все они не имеют строго определенной иконографии, кроме того это мирные божества, а в руке нашего героя кривой меч. Однако этот меч оружием не является. У греков большой нож с изогнутым лезвием (*μάχαρα*) использовался как инструмент для жертвоприношений. Кривым мечом (*Apollod. I. 1–4*) или серпом (*Hes. Theog. 186*) Крон кастрировал отца. И серп, и кривой нож — не оружие, а сельскохозяйственные инструменты, которые в ритуалах становятся сакральными. Занесенный над гениталиями нож намекает на миф об Аттисе и Матери Богов Кибеле.

Ее культ проник в Грецию и Северное Причерноморье в VI—V вв. до н. э., а культ Аттиса распространился в эпоху эллинизма, когда бог изображался на восточный манер (тип пастуха). До «получения» самостоятельности Аттис был второстепенным, дополняющим божеством, возлюбленным Великой Матери. В этой роли он мог почитаться как заступник просителя перед Богиней: мастер неслучайно выбрал самый трагический момент в жизни ее любимца. Причины обращения к Богине плодородия могли быть самые разные. Не исключено, что подобного рода вотивы подкрепляли мольбы о продолжении рода. Фигурка Аттиса, согласно древнему принципу гомеопатической магии, могла рассматриваться как средство от мужского бесплодия, ведь сам Аттис был с рождения бесплоден, а затем оскотил себя (подчеркнутая полнота — отличительный признак евнухов Богини — галлов). С помощью ножа для холощения скота Мелампод вылечил от бесплодия Ификла (*Apollod. I. 9. 12, II. 2.2*). Вотивные терракоты, изображавшие больные, а затем выздоровевшие органы или части тела, хорошо известны в храме Асклепия в Эпидавре.

С. В. Ярцев (Тула)

ВАРВАРЫ АХИЛЛОВА БЕГА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Несмотря на обилие в Северном Причерноморье топонимов, восходящих к имени Ахилла, большинство исследователей отождествляют Ахиллов Бег античной традиции либо с Тендровской косой, либо с Тендрой и Джарылгач в комплексе. Дионисий Периегет, Птолемей и позднее Евстафий связывают район Ахиллова Бега с таврами или тавро-скифами. Это согласуется с сообщением «Истории Августов» о тавро-скифах, напавших во время правления Антонина Пия (138–161 гг. н. э.) на Ольвию. Таким образом, возникает вопрос, почему античные авторы настойчиво размещают тавро-скифов в достаточно необычном для сухопутных варваров месте — на узкой прибрежной морской косе. Ведь такая локализация тавро-скифов, серьезным образом расходится с другими источниками, которые традиционно размещают данных варваров в Крыму.

По мнению И. Н. Храпунова, частое употребление этого этнонима по отношению к населению Крыма делает вероятным предположение о том, что источник угрозы для ольвиополитов все же находился на полуострове. Причем разместились такие выходцы из Крыма вблизи от ольвийской хоры. В. В. Крапивина считает, что имя варваров, напавших на Ольвию, имеет не этническое, а географическое определение и обозначает население, пришедшее со стороны Таврики. Подобные мысли высказывала еще Э. И. Соломонок, которая считала, что термин тавро-скифы явно употреблялся не только в этническом, но и в географическом значении. Оригинальную гипотезу предложил И. С. Пиоро, утверждавший, что хотя тавров, как отдельного этноса уже к данному времени не существовало, этим именем могли называть полиэтнических варва-

ров, занимающихся морским разбоем у берегов Таврики. Однако морской и прибрежный грабеж в Северном Причерноморье в античное время был характерен не только для берегов Крыма. Поэтому подошедшие к Ольвии из Крыма варвары вполне могли ориентироваться на пиратскую группировку с Ахиллова Бега, возможно уже довольно долго действующую в этом районе Черного моря.

В этой связи заметим, что в свое время на Ахилловом Беге (до появления тавро-скифов?) Плинием размещались сираки и скифы-сарды (Птолемеевские саргати — сатархи?), которые судя по упоминанию сираков в боспорской надписи и локализации Помпнием Мелой и Плинием сатархов в Восточном Крыму, также являлись выходцами с территории Крыма. Перед нами вновь одновременное упоминание в Крыму и на Ахилловом Беге одних и тех же этнонимов, что вряд ли могло быть простой случайностью. Получается, что в районе данной морской косы постоянно базировалось некое специфическое варварское общество, представляющее собой объединение выходцев из различных племен.

Вообще, интересующий нас район Северо-Западного Причерноморья, как и побережье Крыма, издавна считался опасным из-за нападений пиратов, в которых здесь обычно видят тех же тавров или сатархов. Возможно, именно с Ахиллова Бега происходили пираты, напавшие на остров Левку, борьбу с которыми вели ольвиополиты еще в конце IV—начале III в. до н. э. «Пиратствующая» характеристика сатархов из надписи, найденной на Неаполе, несмотря на свою раннюю датировку **II в. до н. э., косвенно свидетельствует о возможном морском грабительском промысле всех тех, кто в тяжелые времена уходил в район**

Ахиллова Бега. В пользу этого говорят и географические особенности этой приморской береговой полосы, хотя и защищенной от степей лесом, но мало подходящей для проживания оседлых племен. Правда, у Плиния жители Ахиллова Бега и жители лесной страны Гилеи (береговой линией которой и является Ахиллов Бег) не тождественны друг другу. Более того, в летнее время значительный травяной покров мог привлекать в окрестности Гилеи и скотоводов. Однако по большей части болотистая земля, где находился единственный в этих местностях лес и выступающий в море полуостров Ахиллов Бег, действительно больше подходила не для хозяйственной деятельности, а для укрытия во время опасности и организации в этой части Северного Причерноморья пиратского промысла.

Видимо с этих позиций и надо рассматривать факт сосуществования на этой территории различных групп населения. В минуты опасности здесь находили защиту и пристанище даже жители Ольвии. В Ольвийском декрете конца II в. до н. э., в честь Никерата, сына Папия, прямо говорится, что из-за постоянно нападающих на город врагов, часть жителей была переправлена в Гилею. Тогда и позднее в район Гилеи и Ахиллового Бега могли уходить жители, как Ольвии, так и разоренных к началу II в. н. э. позднескифских поселений Нижнего Днестра и соседнего Северо-Западного Крыма. Все вышесказанное объясняет, почему именно лесная Гилея (будущая варварская Ойум) стала играть в начавшемся переселении варваров в Причерноморье роль главного ориентира, к которому стремились и продвигались северные племена.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

А. Б. Акимов (Харьков)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТИЯ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ ДАКИЯ

При исследовании общества римских провинций первоочередное внимание обычно уделяется тем его группам, которые занимали ведущие позиции в экономической и социальной жизни, то есть провинциальной элите. К ней следует отнести прежде всего муниципальную знать — людей, занимавших руководящие должности в администрации провинциальных городов. Все это в полной мере относится и к римской Дакии — провинции с относительно высоким уровнем урбанизации и, следовательно, достаточно представительным слоем муниципальной аристократии.

Дакия выделяется среди других дунайских провинций весьма значительным уровнем урбанизации. В ней насчитывалось 11 колоний и муниципиев — Ро-мула, Дробета, Диерна, Тибиск, Сармизегетуза, Апул I, Апул II, Ампел, Потаисса, Напока, Поролисс, что довольно много для окраинной провинции, пребывавшей, к тому же, под властью Рима относительно недолго (106–271 гг. н. э.). Объяснить подобный феномен можно некоторыми особенностями заселения римской Дакии. Для предоставления поселению городского статуса (муниципия или колония) требовалось, чтобы в нем проживало достаточное количество состоятельных римских граждан, способных составить городскую общину и нести муниципальные гражданские обязанности. В ходе римско-дакийских войн провинция подверглась основательному опустошению. Заселялась она довольно быстро переселенцами из разных районов империи, в основном римскими гражданами. Можно предположить, что среди переселенцев было достаточно состоятельных людей, привлеченных природными богатствами провинции или сумевших нажить состояние уже там. Таким образом, во многих поселениях Дакии могло насчитываться достаточно римских граждан для создания гражданской общины и избрания совета декурионов. Сведения о представителях муниципальной аристократии дошли до нас из всех городов провинции.

Из 265 известных нам дакийских декурионов 44 являются всадниками, 31 — ветеранами, не достигшими всаднического ранга. Их участие в деятельности

муниципальных администраций было весьма активным. Среди лиц, не относившихся к этим двум привилегированным группам, также было немало довольно известных в провинции и богатых людей — судя по большому числу занимаемых ими должностей и сделанным дорогостоящим постройкам. Учитывая, что одним из условий вхождения в совет декурионов был довольно значительный земельный ценз, можно предположить, что свои основные доходы многие из них получали от земледелия. Самые богатые представители муниципальной знати жили в городах с обширной и плодородной земельной округой, а некоторые имели земли сразу в нескольких городах. Поскольку многие представители городской знати являлись префектами и патронами ремесленных коллегий, можно предположить их участие в ремесленном производстве. Известно, что, судя по найденным клеймам, некоторые представители городской верхушки владели черепичным производством. Весьма вероятным представляется занятие представителей городской знати коммерцией и предпринимательством. Всадники-декурионы активно занимались откупными операциями, торговлей, разработкой полезных ископаемых.

Таким образом, одним из существенных отличий римской Дакии от других дунайских провинций было наличие весьма значительного слоя представителей муниципальной аристократии. В ее состав входили провинциалы, занимавшие важные административные и сакральные должности в муниципальных администрациях, входившие в состав *ordo decurionum*. Весьма высокую активность в деятельности администрации городов Дакии проявляли всадники и ветераны. Практически все представители муниципальной знати были весьма состоятельными людьми, со стабильным финансовым положением. Муниципальная элита Дакии фактически контролировала экономическую, социально-политическую и идеологическую жизнь провинции. Все это позволяет считать муниципальную знать важнейшей частью общества римской Дакии, во многом определявшей его функционирование и развитие.

О. Г. Бандровський (Львів)

ФОРМУВАННЯ ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОГО КУРСУ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ (АВГУСТ ТА ТІБЕРІЙ)

Принципово новим моментом у зовнішній політиці Римської держави доби принципату стала роль принцепса у формуванні стратегії та здійсненні конкретних зовнішньополітичних заходів. Проведення зовнішньої політики, ведення війни й укладання договорів тепер залежало від волі імператора. Він міг будь-якої миті віддати наказ полководцям припинити кампанію, відвести війська і т.д., не зважаючи на хід воєнних дій і подальші перспективи кожної конкретної кампанії.

Політика перших принципсів носила агресивний наступальний характер, але основні тактичні задачі були поставлені лише наприкінці I ст. до н. е. (приблизно у 15 р. до н. е.). При проведенні активної експансіоністської політики необхідно було, по-перше, мати точну інформацію про супротивника, по-друге, скористатися важливими стратегічними пунктами і базами, що могли б забезпечити цю тактичну і стратегічну лінію. У цьому зв'язку цілком логічною була діяльність Марка Віпсанія Агриппи по складанню карти і розрахунків основних географічних параметрів передбачуваних завоювань.

Агресивні походи в кінці I ст. до н. е. привели до визначення основних об'єктів завоювницької політики. Ними стали Германія та Паннонія. Всі дослідники сходяться в тому, що саме Рейн та Дунай були тими плацдармами, які визначив у своє правління перший римський імператор. Проте, ще в перших роках I ст. н. е. Август переконався, що втримати завоювані германські та дунайські землі буде завданням нелегким.

Ряд дослідників вважають, що не обов'язково стратегія зовнішньої політики, а особливо прикордонної, залежала від імператора. Її міг здійснювати легат, намісник, полководець, який діяв з імператорської волі.

Якщо проблеми, пов'язані з розвитком у правління Тіберія авторитарних, монархічних тенденцій, є предметом гострих наукових суперечок, то по питанню про провінційну і зовнішню політику спадкоємця Августа подібної дискусії не виникає. Можна вважати практично загальноновизнаним, що зовнішня політика Тібе-

рія і його методи керівництва провінціями були раціональні і високоефективні.

Основними рисами зовнішньої політики Тіберія, що продовжували традиції останніх років принципату Августа, були: відмова від широкомасштабних завоювницьких кампаній, пов'язаних з ризиком великих людських і фінансових утрат; прагнення підтримувати спокій на кордонах імперії в першу чергу дипломатичними засобами, стримуючи варварів руками самих же варварів; гнучке реагування на зовнішньополітичні ускладнення, що виникали час від часу. Завдяки такій стратегії Тіберію удалось зберегти відносну стабільність на кордонах імперії протягом усього більш ніж двадцятилітнього правління і навіть домогтися деякого збільшення території імперії без істотного росту чисельності армії, і, отже, без збільшення витрат на її утримання і без посилення ролі військових.

Хоча Тіберій, як і Август, дотримувався італоцентристського політичного курсу, він, проте, приділяв багато уваги ситуації в провінціях, ретельно стежачи за порядком у системі провінційного керівництва. Відомі нам із джерел факти залучення намісників до суду говорять не тільки про наявність корупції, але й про боротьбу з нею імперського уряду. Здібні правителі провінцій залишалися на своїх місцях впродовж тривалого часу, що сприяло підвищенню ефективності керівництва. Причиною такої політики, очевидно, був брак здібних кадрів для керівництва гігантською імперією. Інше пояснення небажання імператора змінювати посадових осіб знаходить Йосип Флавій. На думку цього письменника, Тіберій керувався, насамперед, турботою про благополуччя римських підданих, вважаючи, що часта зміна намісників призведе до росту корупції і вимог хабарів з їхнього боку, оскільки кожен буде прагнути в найкоротший термін задовольнити свою пристрасть до корисливості.

Таким чином, можна стверджувати, що Август і Тіберій заклали основні риси зовнішньополітичної лінії, яка витримувалась і наступними імператорами.

А. П. Беликов (Ставрополь)

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РИМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Некоторые весьма действенные методы внешней политики, успешно применявшиеся римским сенатом, вошли в арсенал современных средств дипломатического воздействия, но созданы они были именно «коллективным гением» сената.

1. Как минимум 50 % действующей армии составляли не римляне, а подданные плюс союзники из полувассальных либо вассальных государств. Практику «использования одних азиатов против других» можно признать именно «римским изобретением».

2. В древности не было постоянных дипломатических представительств, отношения поддержива-

лись визитами послов и перепиской. Именно римляне возвели в систему практику регулярного, чуть ли не ежегодного отправления посольств во все значимые страны. Это поддерживало дипломатические отношения на необходимом уровне, и — давало нужную информацию, поскольку в задачи посольства входил сбор всесторонних «разведанных». Благодаря этому сенат держал руку на пульсе политических событий всего Средиземноморья. Поэтому на важнейших или опаснейших направлениях иногда учреждались даже постоянные римские дипломатические представительства. Так, например,

в Этолии во время 1 Македонской войны постоянно находился легат Сулпиций.

3. Состав и цели римских посольств. Кроме официальных посольств осуществлялись частные визиты римских политиков в зависимые или дружественные страны. Кроме контроля ситуации в них и сбора информации, все послы обязаны были осуществлять широкое неформальное общение с людьми. Главная цель — установление личных неформальных отношений с теми, кто мог оказаться полезным Риму. Сведения о них передавали последующим посольствам, и те могли обращаться к «нужному человеку».

4. Во всех зависимых странах правители были римскими ставленниками, в древности это было обычным делом, но, пожалуй, только римляне кроме правитель-марионеток первыми в мире создавали еще и разветвленную сеть своих «агентов влияния». Это были не только политики, но и торговцы, деятели культуры, жрецы, городская и ремесленная верхушка. Они были проводниками римского влияния, защитниками его интересов, средством воздействия на общественное сознание и подготовки необходимой Риму психологической атмосферы в подконтрольных странах.

Эта агентура работала не только за воздаяние — материальное или политическое, видимо, значительная ее часть служила Риму бескорыстно: за какое-то разовое благодеяние, будучи недовольной порядками в своей стране, в силу дружбы и симпатии к конкрет-

ному римскому политику, либо — восхищаясь Римом и искренне веря в благость и справедливость римского господства. Такие люди есть всегда и в любой стране. Заслуга сената заключается в том, что он находит, создавал и «выращивал» их.

5. Царские завещания в пользу Рима — когда зависимый правитель объявлял своим наследником сенат и народ римский, и держава без всякой войны существенно увеличивала свою территорию. Всего таких завещаний было пять, хотя и не все они привели к немедленной оккупации завещанной территории. Есть веские основания считать, что все эти завещания предварительно были тщательно подготовлены усилиями блестящей римской дипломатии. В мировой истории просто нет аналогов столь восхитительных «мирных достижений» в политике.

Можно утверждать совершенно определенно — несмотря на культурное превосходство греков, римляне начисто переиграли их в дипломатической сфере, как раньше и позже они переиграли карфагенян, галлов, евреев, армян, парфян...

Невольно бросается в глаза заметное сходство методов и принципов римской дипломатии с действиями некоторых современных держав. Однако в этом нет ничего удивительного. Любая политика, направленная на достижение доминирования, гегемонии, неизбежно развивается по одним и тем же законам. И приводит к одинаковым результатам...

И. В. Зайцева (Белгород)

ЭЛЕМЕНТЫ АНТИЧНОЙ РЕЛИГИИ В ТРАКТОВКЕ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО¹

Классификация элементов религии, по мнению И. Н. Яблокова, включает: религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения, религиозные организации.

Религиозное сознание язычников, по мнению Климент, являлось полным заблуждением, в которое были введены представители античного мира на протяжении нескольких веков, «благодаря» «фантазиям первых заблудших, будь то Фороней, Мероп или кто-нибудь другой, которые стали проповедовать суеверие людям, предписывая чтить нечестивых демонов» (Protr. III, XLIV).

О религиозной деятельности наиболее подробно говорится в «Увещании к язычникам». К ней Климент Александрийский относил все виды мистерий, жертвоприношения и иные действия, связанные с почитанием язычниками своих богов. Основная проблема — демонстрация через исполнение античных ритуалов всего негативного смысла языческой религии. Значительное место Климент отводил знакомству с различными видами мистерий. В этой связи можно привести пример из указанного сочинения: «Деметра же радуется зрелищу и пригубляет напиток, насладившись увиденным...» (Ibid., 20, 3). Также он упоминает мистерии Афродиты, Аттиса, Кибелы, корибантов,

Сабазийские мистерии и ряд других. Изначально самое большое негодование у данного автора вызывали оракулы, которые, по его мнению, являлись «нечестивыми святилищами и полным обманом пастью бездны» (Protr. II, XI). Кроме того, он замечает, что существование оракулов бессмысленно и бесполезно, поскольку в них гораздо больше безумия, нежели пророческого дара. Исходя из этого, Климент говорит и о мистериях Афродиты: «...Я открыто поведаю о сокровенном, не стыдясь говорить о том, чему вы не стыдитесь поклоняться. «Пенорождённая» и «Кипро-рождённая» подружка Кинира (я говорю об Афродите Филомее, т.е. «Любящей срамной уд», ибо из детородного органа возникла, того самого... родилась как плод, достойный распутной части тела)» (Protr. II, XIV). Из этих слов можно заметить, с каким пренебрежением Климент относился к мистериям этой богини. С такой же оценкой он выступает и в адрес мистерий Деметры, Аттиса и Кибелы: «Я знаю, что символические изречения этого таинства, в изобилии приведённые, вызовут смех даже у вас, потерявших из-за обличий охоту смеяться» (Protr. II, XV).

Отметим, что, в отличие от Климента, многие церковные авторы не стремились к точности описания обрядов и не проверяли, к каким именно мистериям

¹ Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность — Ранняя Византия».

эти обряды относились, поскольку основной целью было представление их предосудительности. По мнению ряда исследователей, Климент сознательно так тщательно подходил к изучению моментов религиозной деятельности язычников потому, что опасался уличения во лжи, в силу того, что во II—III вв. эллинические мистерии были ещё достаточно широко распространены. Однако, на наш взгляд, сама личность Климента, как человека скрупулезного труда и широкого мышления, позволяет исследователям говорить о более глубоких мотивах такого поведения автора.

Религиозные отношения язычников, по мнению Климента, также выражались в полном распутстве и поклонении богам, которые наравне с ними совершают грехи и занимаются прелюбодеянием. В этой связи он говорит о необходимости просвещения лю-

дей: «Так как Само Слово спустилось к нам с неба, не должно более ходить на обучение к людям, стремясь в Афины и в остальную Элладу, а также в Ионию... Раз вы поверили поэтическому мифу, изображающему критянина Миноса собеседником Зевса, то у вас не возникнет сомнений по поводу того, что мы стали учениками Бога, приобретя действительно истинную мудрость, на которую лучшие представители философии только намекали, ученики же Христовы и постигли ее, и возвестили другим» (Prot. XI, CXII).

Что касается религиозных организаций, то в указанных трудах Климента конкретных упоминаний об их наличии у язычников мы не находим.

Таким образом, Климент отрицал античный образ жизни в целом и религию в частности, но принимал некоторые аспекты культурного наследия античности, не связанные с религией.

О. М. Ильина (Харьков)

КУЛЬТ ПОНТИЙСКОЙ МАТЕРИ БОГОВ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПАНТЕОНЕ ИОНИЙСКИХ ПОЛИСОВ ЗАПАДНОГО ПОНТА В I в. до н. э.—III в. н. э.

Одно из ведущих мест в официальных пантеонах западнопонтийских полисов в римский период занимал культ Великой Понтийской матери богов Кибелы. В его образе для жителей Аполлонии, Одессоса, Дионисополя, Томи, Истрии гармонично сочетались синкретические функции хтонического культа и ипостаси сотерического божества.

Однако, эта тема до настоящего времени остается фактически малоизученной, что во многом объясняется отсутствием нарративных и отрывочностью других исторических источников. Свидетельства античных авторов, для которых западнопонтийские полисы всегда оставались далекой периферией, ограничены и фрагментарны, и это побуждает исследователей обращаться к археологическому материалу. Комплексное использование всех имеющихся источников (эпиграфических, археологических, нумизматических) дает возможность воссоздать общую картину почитания культа богини в греческих городах Западного Понта, выяснить его роль и характер в общественно-религиозной жизни ионийских полисов.

С. С. Казаров (Ростов-на-Дону)

ЦАРЬ ПИРР И ДОДОНА

Вопрос о взаимоотношениях царя Пирра, выдающегося государственного деятеля и полководца, и Додонского оракула, святилища, имевшего общегреческое значение, имеет важное значение, ибо помогает высветить ту роль, которую отводил царь Эпира Додоне в процессе создания и укрепления им монархии эллинистического типа.

К сожалению, нарративная традиция практически не освещает данный вопрос, поэтому мы вынуждены оперировать в большей степени материальными источниками.

Изучение культа Понтийской Матери богов затрагивает важные проблемы античной истории и культуры — проблему происхождения основных образов античной религии и мифологии и их эволюции, проблему религиозного синкретизма, проблему взаимоотношения восточных верований и античной религии, синкретичной римской религии и христианства. Данное направление исследований полезно для анализа проблем истории общественных настроений и религиозных верований, истории раннего христианства.

Почитание культа богини в ионийских полисах Западного Понта имело официальный характер. Рассматриваемые полисы являлись культовыми центрами региона. Очевидно, популярности Понтийской матери богов способствовало не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей с фракийскими племенами.

Сохранились два обращения Пирра к оракулу в Додоне. Перед тем, как отправиться по просьбе тарентинцев в Италию в 280 г. до н. э. и выступить против Рима, Пирр спросил оракул Зевса о возможном исходе данного предприятия (Dio Cass. Frg. 40, 6). Второе обращение Пирра дошло до нас через т.н. храмовую хронику Линда. В ней речь идет о том, что Пирр по указанию Додонского оракула посвятил свое оружие Афине Линдской. Причина этого пожертвования, к сожалению, неизвестна. Возможно предположить, что этим пожертвованием Пирр пытался подражать Алек-

сандру Великому, также в свое время принесшему жертву Афине Линдской (Diod. XVII. 17. 6–18). Что касается непосредственных фактов посвящения оружия Додоне, то известно о двух подобных случаях. Первое такое пожертвование относится ко времени сразу после победы царя над римлянами при Тереклее в 280 г. до н. э. В числе жертвователей в надписи названы три отдельных субъекта — царь Пирр, эпироты и тарентинцы. Второе подобное посвящение связано с победой Пирра над Антигоном Гонатом в 274 г. в Верхней Македонии. Примечательно, что здесь мы сталкиваемся с уникальной ситуацией, когда свидетельство Павсания (I. 13.2) удачно сочетается с археологической находкой македонского щита с посвянительной надписью. Это пожертвование должно было знаменовать освобождение Греции от македонского гнета.

На тесные связи Пирра с Додоной указывают также нумизматические данные — монеты, отчеканенные в царствование Пирра и обнаруженные в Додоне. Все они содержат легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΥΡΡΟΥ. На некоторых из них мы угадываем изображение Пирра с дубовым венком, на других — изображение особо почитаемого в Додоне бога Зевса, а на одной из монет — изображение супруги Зевса Дионы, также особо почитавшейся здесь.

Еще одна группа источников, которая может в некоторой степени свидетельствовать о связях Пирра и Додоны, это два бюста римской эпохи. Один из них,

обнаруженный в Геркулануме на т. н. Вилле Папирусов (Villa dei Papyri), представляет изображение молодого воина в македонском шлеме. Несмотря на то, что на бюсте нет никакой надписи, в 1891 г. было высказано убедительное предположение, что это портрет Пирра. Почти полностью идентична представленной голова воина, хранящаяся в музее Копенгагена, которая также считается изображением Пирра. Надетый на голову дубовый венок должен свидетельствовать, что изображенный персонаж находился под покровительством богов из Додоны.

К ярко выраженным попыткам повышения роли Додоны относится и та строительная деятельность, которую царь Пирр развернул на территории святилища. Именно с его именем исследователи связывают строительство театра, одного из крупнейших во всей Греции.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о тесных связях, которые существовали между царем Пирром и Додонским оракулом. Додона, утратившая свою главенствующую роль общегреческого святилища и отошедшая на второй план в связи с усилением роли Дельфийского оракула, нуждалась в повышении своего престижа. С другой стороны, царь Пирр, создававший монархию эллинистического типа, для сакрализации своей власти нуждался в покровительстве авторитетного общегреческого святилища, которым являлась ранее Додона.

А. И. Козак (Черновцы)

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ БАРКИДОВ (241–202 гг. до н. э.)

Согласно меткому выражению С. Ланселя, для полководцев из карфагенского клана Баркидов боевые слоны были чем-то сродни «тотемным животным». Действительно, Гамилькар Барка и его наследники активно использовали этот род войск в битвах, чеканили монеты с изображением таких животных. Среди исследователей продолжают дискуссии относительно породы «баркидских» слонов, их снаряжения и способов применения во время сражений. Основные рассуждения по вышеуказанным проблемам представим в виде следующих тезисов.

1. Пунийские полководцы, в том числе Баркиды, формировали и пополняли свой слоновий корпус африканскими животными. Экспедиции с целью охоты на этих зверей отправлялись вглубь владений Карфагена — на территорию современных Нигера и Мали. Важность отлова слонов подтверждает тот факт, что подобные походы возглавляли видные военачальники, например, Гасдрубал, сын Гискона, в 204 г. до н. э. командовавший обороной Карфагена.

2. Курций и Полибий сообщают, что африканские слоны были гораздо меньшего размера и менее свирепы, чем индийские. Однако современные саванновые слоны, наоборот, крупнее своих азиатских сородичей. Расхождение античной традиции с сегодняшними реалиями дало основание многим исследователям вслед за В. Гоуэрсом причислять карфагенских слонов к лесной породе, отличающейся небольшими габари-

тами. Тем не менее, у животных, изображенных на серебряных монетах Баркидов, видны длинные бивни и большие неокругленные уши, что доказывает их принадлежность именно к саванновому подвиду. Свидетельства античных авторов могут объясняться тем, что им доводилось видеть молодых не окрепнувших животных.

3. Традиционно считается, что пунийцы познакомились с боевыми слонами во время походов Пирра (278–276 гг. до н. э.). Но, согласно описаниям Полибия и Фронтинуса, по-настоящему эффективную схему боевого использования слонов карфагенянам продемонстрировал Ксантипп Лакедемонянин, который с их помощью наголову разбил римского консула Регула у Баграды (255 г. до н. э.). В дальнейшем Баркиды прибегали к опыту этого сражения, значительно его усовершенствовали.

4. Что касается предметов экипировки карфагенских слонов, то, в первую очередь, следует выделить стальные наконечники, закреплявшиеся на бивнях. Голова и туловище животных покрывались металлическими пластинами, защищавшими от метательных снарядов, на шеи вешались колокольчики, своим звоном приводившие зверей в возбуждение. Плават упоминает красные попоны слонов Ганнибала, призванные устрашить врага. Большинство ученых скептически относятся к возможности установки башен на африканских слонах, но присутствие таких сооружений

подтверждается Ювеналом и Лукрецием. Гасдрубалу Баркиду принадлежит оригинальное изобретение: он снабдил погонщиков долотами, которые следовало вбивать в шею зверей, если те впадут в бешенство.

5. Тактические схемы применения боевых слонов Баркидами имели ряд отличий от эллинистических. Обычно слонов помещали по всей протяжённости собственного строя и направляли против рядов вражеской пехоты. Эта тактика позволила Гамилькару Барке одержать победу над вдвое превосходившим его по численности войском восставших наемников, а его сыновьям неоднократно разбивать армии иберийских племен. Однако в битве при Заме (202 г. до н. э.) такой способ применения слонов оказался не-

эффективным, вероятно, из-за плохой выучки зверей. Традиционное для эллинистических государств размещение слонов на флангах и применение их против кавалерии Баркидам не удалось удачно использовать. В битве при Требии (218 г. до н. э.), слоны сместились с флангов в центр и атаковали пехоту противника, а в других сражениях вовсе не смогли вступить в бой. Новаторским было использование Ганнибалом Баркой слонов для штурма вражеских укрепленных лагерей.

Таким образом, можно констатировать, что боевые слоны африканской породы были органичной частью армий Баркидов, применяемой, как правило, против вражеской пехоты.

А. В. Котина (Белгород—Керчь)

ПЕНТЕСИЛЕЯ КВИНТА СМИРНСКОГО: ОБРАЗ, ХАРАКТЕР, ТРАДИЦИЯ

Квинт Смирнский (ок. 400 г. н. э.) — греческий эпический поэт родом из Смирны, считавшейся родиной Гомера, оставил большой эпос «Постгомерика» в четырнадцати книгах о событиях, связанных с окончанием Троянской войны и возвращением гомеровских героев из-под Трои.

Из всех книг поэмы нас интересует первая: «Как погибла за Трои царица амазонок, Пентесилея». Образы легендарных дев-воительниц — амазонок были широко распространены в литературных памятниках античности. Это было связано с активной культивацией мифов об амазонках в различных областях художественного творчества древних греков.

После поражения Гектора троянцы потеряли всякую надежду. Весь народ был охвачен паникой и страхом. В это самое время с берегов Фермодонта во главе амазонского войска прибыла союзница — царица Пентесилея. Автор отмечает необычайную красоту амазонской царицы. Квинт великолепно рисует подготовку Пентесилеи к битве с ахейцами, описывая царицу внешне. Автор подчеркивает прекрасное телосложение дочери Ареса, невиданное богатство ее доспехов и оружия «из слоновой кости и серебра». Щит Пентесилеи был «неземной роскоши», кроме того, она имела секиру и два копья. Золотые пышные волосы девы струились из-под шлема, и вся ее фигура олицетворяла энергию и смелость. Царица амазонок выступает впереди войска троянцев и амазонок. Квинт детально и грандиозно описывает бой. Пентесилея сражает одного противника за другим, она опьянена яростью битвы. В разгар сражения амазонка обращается к мужчинам-ахейцам, высмеивая их слабость.

Кульминационным моментом первой книги является поединок Пентесилеи и Ахилла. Квинт детально показывает обстановку сражения, речи противников. Каждый из них уверен в своей силе и, вместе с тем, уважает другого. Поединок окончился печально: царица амазонок погибает, сраженная Ахиллом. Но далее Ахилл влюбляется в мертвую девушку (известный эпический сюжет). Смерть Пентесилеи, ее поражение, представлены поэтично и пронзительно («мертвая, она была подобна бессмертным»). Автор не относится

к амазонке как к дикому варвару, низшему в сравнении с эллином. Ощущается восхищение и уважение, с которыми Квинт создает рассматриваемую сцену. Особенно показателен момент, когда сын Пелея, изначально с насмешкой отнесшийся к кончине царицы, затем, увидев ее, поражается красоте и величию, которые исходят от убитой им девушки.

После трагической гибели царицы амазонок по рядам троянцев «пробежала дрожь паники», и «все троянцы оплакивали ее».

Оканчивается книга церемонией погребения царицы амазонок, героически павшей в сражении. Ахиллес отдал тело Пентесилеи скорбящим троянцам. Далее Квинт описывает пышные похороны амазонки, высокий погребальный костер. Люди окружили его многочисленными сокровищами. После ритуала огонь был залит дорогим благоухающим вином, а прах царицы собран в драгоценную шкатулку и погребен вместе с другими павшими амазонками возле одной из самых больших башен в стенах Трои.

Образ Пентесилеи предстает у Квинта весьма привлекательным и ярким. Царица амазонок показана не только красивой неземной красотой, но также сильной, смелой и бесстрашной. Она представлена не просто равной мужчинам, а героиней, женщиной-воином, достойной того, что вся Троя оплакивала ее и похоронила так, как подобает героям. Она, после смерти Гектора, явилась для троянцев единственной надеждой на победу, оплотом веры в собственные силы, несмотря на то, что была женщиной. Пыл и воинственность амазонки подвигли всех жителей Трои, включая женщин, сражаться с чужеземцами. После кончины Пентесилеи троянцев охватила паника и уныние. Они потеряли своеобразный символ победы и силы, каким являлся изначально сын троянского царя Приама, а после него — царица амазонок.

Итак, миф об амазонках оставался актуальным и в период поздней античности, недаром Пентесилея посвящена целая книга, а подобные сочинения ценили истинные интеллектуалы того времени. Также налицо непрерывность и преемственность как античной мифологической, так и эпической традиции.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕНТАЛИТЕТА РИМСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Моральные ценности, стереотипы поведения, эмоциональные реакции, т. е. специфика менталитета различных этносов и социальных групп в конкретный исторический период являются на сегодняшний день сферой интересов представителей различных отраслей гуманитарного знания, в том числе и истории.

Для понимания сущности менталитета большое значение имеют представления о его структуре, которую образуют «картина мира» и «кодекс поведения», основанный на конкретном варианте мировидения.

Картина жизни позднеантичного общества воссоздается на основе свидетельств представителей слоя позднеримских аристократов-интеллектуалов, т. е. тех, кто имел возможность оставить нам письменное наследие (Авсоний, Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий и др.) Объединяла этих людей не только (и не столько) принадлежность к римскому обилитету, сколько система риторического воспитания и образования, «пайдейя» римского образца, культивировавшая как когнитивный компонент сознания, так и целую систему общественных и культурных ценностей, типичных для классической античности.

Главные качества добродетельных римлян (система ценностей) сложились в период республики, а их корни уходят еще во времена племенной царской власти. Речь здесь идет о «*Gravitas*», «*Pietas*», «*Virtus*», «*Fides*» и «*Honor*». Все эти понятия имеют несколько значений и множество оттенков: так, «*Gravitas*» следует понимать как серьезность, строгость (нравов), солидность, величие; «*Pietas*» — благочестие, преданность, милосердие; «*Virtus*» — мужество, стойкость, благородство, часто синоним добродетели вообще; «*Fides*» — верность (долгу, прежде всего, перед обществом и государством), честность, добросовестность; «*Honor*» — честь, почет, уважение, слава.

В период империи смысловое наполнение и иерархия данных добродетелей, разумеется, меняется. На первое место выходит «*Honor*», куда включается, в первую очередь, знатность рода, а только потом — заслуги перед отечеством. «*Pietas*» сохраняет свои позиции, однако верность долгу как служение государству, часто заменяется служением собственным интересам, ведущее к приумножению богатства. «*Virtus*» утрачивает со временем свое значение для большинства. Значительнее прочих моральных качеств пострадала «*Gravitas*»,

можно сказать, что строгость и воздержанность практически была забыта, а то и трансформирована в прямо противоположное — «*Luxus*».

Однако в позднеимперскую эпоху мы снова наблюдаем динамику интерпретации рассмотренных нами качеств, во всяком случае, в среде образованной аристократии, которая перед лицом внешней опасности видела свою роль и реальную пользу в сохранении лучших римских традиций.

В чем же конкретно проявлялся возврат к «старым римским ценностям», особенно на фоне уже укрепившегося христианства? Собственно, христианство сыграло в этом процессе немаловажную роль. Так, наметился возврат к строгости нравов, который состоялся на новом уровне. Следование этому образцу теперь объяснялось, как строгость и воздержанность в пользу возвышения души, а не убажания плоти [Sid. Epist. IV. 24, 3] и исполнялось далеко не всеми.

Для общества в целом практически утрачены такие понятия как «*Fides*» и «*Virtus*». Верность долгу и государству в контексте христианской религии не должны заслонять собой служение Богу. «*Virtus*» как личное мужество, способность к Поступку становится идеалом единиц. Однако, такие граждане, как Сидоний входили в эту немногочисленную группу. Брошенные центральной администрацией на произвол судьбы, ее представители в провинции (будь то светская или религиозная власть), вынуждены были брать в свои руки защиту городов от нападений варваров (например, руководство обороной Клермона Сидонием, деятельность Северина в Норике).

Пожалуй, еще большее значение приобретает «*Honor*». Теперь его составляющими, кроме знатности рода являются богатство (земельные владения) и высокая административная должность. Подтверждение этому мы находим у многих авторов, в том числе и у Сидония [Ibid. I. I, 9; VI, 1].

Таким образом, мы наглядно убеждаемся в действенности старых римских ценностей, несмотря на воздействие на них сначала имперской идеологии, а затем христианства. Как структурные единицы менталитета, данные импринты продолжали формировать сознание и моделировать поведение представителей слоя аристократов-интеллектуалов, воспитанных на этих образцах.

ЦАРСТВО СОФЕНА В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОМПЕЯ

Успешное окончание третьей войны с Митридатом позволило римлянам закрепить свою гегемонию в малоазиатском регионе. Мероприятия Гнея Помпея по упорядочению ситуации на Востоке касались не только организации новых римских провинций, но и территориальных изменений эллинистических монархий, принятых в дружественный союз с Римом. Помпеево

устройство Азии, достаточно подробно описанное в источниках, неоднократно рассматривалось в работах современных исследователей, однако далеко не все решения Помпея были окончательно установлены. Одной из наиболее спорных территорий можно признать армянское царство Софена, история которого в середине I в. до н. э. остается предметом дискуссии.

С 94 г. до н. э. Софенское царство было завоевано Тиграном II и вошло в состав Армянской империи. После успешного похода против Великой Армении в 66 г. до н. э. и принятия капитуляции армянского царя Тиграна II Великого, Помпей решил судьбу армянского царства. Царь Великой Армении сохранил свой титул, но лишился всех завоеваний, в том числе и Софены. Это царство передавалось мятежному сыну Тиграна II, Тиграну Младшему, который лично сопровождал Помпея во время армянского похода римлян. Однако Тигран Младший, амбиции которого были больше, чем управление маленьким приевфратским государством, дерзко выступил против решения римского полководца, за что был немедленно арестован римлянами.

Именно противоречивое описание в источниках последствий этих событий привело к разночтениям в работах современных авторов. Большинство античных авторов или умалчивали о будущем спорной территории или утверждали, что после падения Тиграна Младшего Помпей вернул Софену Тиграну II. Однако Аппиан в «Митридатике» сообщил, что Софенское царство римляне передали каппадокийскому царю Ариобарзану I (Mith., 105). В итоге, часть историков приняла версию Аппиана, другие опровергают такое предположение, третьи же не дают однозначную трактовку будущего Софены. На наш взгляд, судьба Софенского царства после 66 г. до н. э. может быть реконструирована с достаточной достоверностью.

Сложность анализа ситуации заключена в том, что прямо о положении Софены после ареста Тиграна Младшего говорит только Аппиан Александрийский. Однако многие исследователи отмечали противоречивость замечания Аппиана. Греческий автор приписывал сначала Тиграну Младшему, а затем и Ариобарзану I не только Софену, но и не граничившую с ней Гордиену. Кроме того, Аппиан добавил необычное по-

яснение, что оба этих государства в его время называют Малой Арменией. Сложно представить, как Ариобарзан I мог бы осуществлять эффективное управление Гордиеной, с которой Каппадокия не имела общей границы. Кроме того, ни во времена Помпея, ни во II в. н. э. Софена и Гордиена никогда не назывались Малой Арменией и не входили в состав этого государства. Поэтому можно признать, что утверждение Аппиана не может быть признано полностью достоверным.

В то же время, ошибка Аппиана, который неоднократно допускал неточности в описании событий в Великой Армении, может быть объяснена событиями вокруг приевфратской софенской крепости Томисы. Это важное укрепление на левом берегу Евфрата было предметом многолетнего спора между Каппадокией и Софеной. Когда Лукулл захватил значительную часть владений Тиграна, он передал Томисы своему союзнику Ариобарзану I. Вероятно, Аппиан мог ошибочно объединить передачу приграничной крепости с передачей всего царства каппадокийскому монарху.

Можно с уверенностью утверждать, что Софена, как и Гордиена, была возвращена Тиграну II, о чем содержится намек в сообщении Диона Кассия. О принадлежности царства к Великой Армении свидетельствуют и письма Цицерона времени его киликийского наместничества. Цицерон рассматривает Евфрат как границу между Каппадокией и Великой Арменией. Лишь в I в. н. э. Софена получает собственного правителя.

Передача Софенского царства Тиграну II демонстрирует стремление Помпея укрепить положение армянского монарха — нового «друга и союзника римского народа». То, что Помпей не использовал возможность присоединением Софены усилить верного римского союзника — Ариобарзана I, лишь подтверждает важность Великой Армении в новом римском устройстве малоазийского региона.

А. П. Мартемьянов, Н. С. Мартемьянова (Харьков)

CARMINA, III, 24: ИЗ ИСТОРИИ ДИСКУССИИ ОБ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ ГОРАЦИЯ В «ГЕТСКОМ ВОПРОСЕ»

Одним из немногих литературных свидетельств, которые привлекаются специалистами при освещении истории социально-экономического развития фракийских племен накануне римского завоевания, является сообщение Горация о поземельных отношениях у гетов: «...vivunt et rigidi Getae, / immetata quibus iugera liberas / fruges et Cererem ferunt / nec cultura placet longior annua / defunctumque laboribus / aequali recreat sorte vicarius» (Carm., III, 24, vss. 11–16).

Дискуссия о научной ценности этой информации длится уже более столетия — с тех пор, как еще в 80-е годы XIX в. Г. Точилеску было впервые высказано мнение о том, что строки Горация о гетах представляют собой пример поэтической идеализации образа жизни варварских народов. Позднее эту точку зрения поддержал Г. Кацаров, заметивший к тому же, что Гораций наделяет гетов чертами, которые могли быть почерпнуты им из описания Цезарем обычаев свевских племен. Иначе воспринимал описание гетов

Горацием М. И. Ростовцев, склонявшийся к мысли, что поэт «позаимствовал эти сведения из какого-то старинного источника, в котором описываются условия, существовавшие во Фракии в те времена, когда там еще не сказывалось сильное греческое и римское влияние».

В послевоенное время тезис Г. Кацарова относительно схожести рассказа Горация о гетах и информации Цезаря о свевах (Caes. De Bell. Gall., IV, 1; VI, 22) поддержали А. Бодор и Х. Дайковичу. В 70-е гг. весьма категорично высказался по поводу возможности использования сведений Горация в качестве подтверждения наличия у гетов общинных отношений Б. Геров. По мнению ученого, сохранение у них вплоть до I в. до н. э. общинного владения землей было «немыслимо при тогдашнем социально-экономическом развитии фракийцев».

Не остались в стороне от этой полемики и советские антиковеды. О. В. Кудрявцев, основываясь на

собственном, с нашей точки зрения, весьма вольном, переводе фрагмента оды, по сути, разделил мнение Г. Точилеску, Г. Кацарова и других ученых об идеализации Горацием образа жизни гетов, но при этом, подобно М. И. Ростовцеву, полагал, что сведения поэта вполне могут соответствовать реальным условиям фракийских земель, существовавшим, однако, задолго до завоевания их римлянами. К совершенно иным выводам пришла Т. Д. Златковская, расценивавшая сведения Горация как веский аргумент в пользу существования в его время у гетов общинных отношений. По мнению исследовательницы, к этой информации следует относиться с доверием, так как Гораций «больше чем кто бы то ни было, находился в курсе гетских социальных взаимоотношений». Согласиться с такой оценкой познаний поэта о гетах, по крайней мере, руководствуясь аргументами самой Т. Д. Златковской, непросто. Так, по ее словам, «в одном из стихотворений Гораций пишет, что в Риме его считали лицом весьма осведомленным по гетскому вопросу». Между тем, *контекст* упоминания об этой «осведомленности»

(Horat. Sat., II, 6, vss. 40–58) свидетельствует, скорее, об обратном. Не подтверждают в достаточной мере правоты исследовательницы и отрывки из од Горация, на которые она ссылается в доказательство того, что поэт «обнаруживает конкретные и детальные знания и в области политических событий на Дунае, и относительно вооружения гето-даков».

Материалы дискуссии по поводу научной значимости приведенного фрагмента оды Горация наглядно демонстрируют, как иногда даже очень небольшое поле для размышлений о возможности существования общины во фракийских землях может дать почву для самых различных суждений. В свою очередь, заметим, что, на наш взгляд, породившее вековую полемику сообщение Горация вряд ли можно расценивать как надежное свидетельство наличия у северных фракийцев общинного землевладения: слишком зыбкой является основа для рассуждений о компетентности поэта в «гетском вопросе», а художественная форма текста допускает возможность различной интерпретации его содержания.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

СЕЛЕВК НИКАТОР, СТРАТОНИКА И ДИНАСТИЯ АРГЕАДОВ

С дочерью Деметрия Полиоркета Стратоникой связана одна из наиболее загадочных страниц в истории Селевкидов: основатель династии Селевк Никатор в 299 г. до н. э. вступил с ней в брак, но через несколько лет официально отдал ее в жены своему старшему сыну Антиоху. Ни античные авторы, ни современные исследователи не дали этому неординарному поступку Селевка рационального объяснения. Между тем, есть основания предполагать, что это объяснение непосредственно связано с другой загадкой истории Селевкидов — о родственных отношениях между их династией и Александром Македонским.

Прежде всего следует отметить, что не только «передача» супруги сыну, но и сам факт женитьбы Селевка на Стратонике является достаточно неординарным. Основатель династии не относился к числу диадохов, которые использовали браки в политических целях: до 299 г. до н. э. он был женат на персиянке Апапе, с которой его обручил еще Александр на знаменитой коллективной свадьбе в Сузах. Плутарх, а вслед за ним и современные исследователи, объясняют желание Селевка породниться с Деметрием необходимостью противопоставить установленный таким образом союз союзу Птолемея и Лисимаха, которые тоже скрепили отношения династическим браком. Однако это объяснение выглядит более чем сомнительным. Деметрий в 299 г. находился в настолько незавидном положении, что союз с ним не принес бы Селевку ни малейших стратегических преимуществ. Поэтому приходится предполагать, что у Селевка были иные мотивы для заключения брака. И эти мотивы становятся очевидными, если принять во внимание родословную Деметрия и его дочери. Как показал Р. Биллоуз, мать Деметрия, тоже Стратоника, судя по всему, имела родственные отношения с династией Аргеадов через своего отца Коррага. Именно этим и объяснялись, на наш взгляд, неумные

имперские амбиции самого Деметрия, который заявлял, что имеет право на трон всей державы Александра. Женившись на дочери Полиоркета, Селевк становился причастным к македонскому царскому дому Аргеадов, что было весьма важно для правителя, который после битвы при Ипсе контролировал большую часть бывшей империи Александра.

В 293 г. до н. э., когда Селевк задумался над преемственностью трона, он сделал Антиоха своим соправителем и одновременно «передал» ему свою царственную супругу. Тем самым Селевк обеспечил легитимность будущему единоличному правлению своего сына, который, будучи наполовину персом, в условиях неустановившейся традиции наследования мог рассматриваться македонянами как сомнительный претендент на престол. Одновременно всей последующей династии была обеспечена истинно царская кровь. Очевидно, именно поэтому имя Стратоника стало одним из основных женских имен династии, а среди мужских имен, наряду с Селевком и Антиохом, появляется имя Деметрий.

Примечательно также, что с начала III в. до н. э. на новых селевкидских монетах перестают размещаться портреты Александра — установив собственную родственную связь с династией Аргеадов, Селевкиды более не нуждались в демонстрации лояльности к основателю македонской империи. Этим же обстоятельством, видимо, объясняется и отсутствие Александра в династическом культе Селевкидов — предпринимавшие со времен М. Ростовцева попытки выявить его в списках обожествленных царей выглядят безосновательными. Подобное отношение к Александру наблюдается и у других диадохов, которые имели родственную связь с Аргеадами через своих жен или матерей — Антигона Одноглазого, Деметрия и Кассандра. В то же время, например, Лисимах

и после битвы при Ипсе не уставал демонстрировать своей пийетет к покойному завоевателю.

Все это показывает, что не только личная харизма и близость к Александру лежали в основе власти

диадохов. Огромную роль играла и наследственная легитимность македонского царского рода, на что современные исследователи часто не обращают внимания.

О. М. Петречко (Дрогобич)

РИМСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО І *SUPERSTITIO* У II ст. н. е.

У латинській мові іменник *superstitio* не зустрічається до Ціцерона. Але похідний від нього прикметник, *superstitiosus*, з'являється ще у Плавта. У Светонія зустрічаємо рідко вживаний прислівник *superstitiose*, у контексті розповіді про вшанування імператором Доміціаном Мінерви. Ернст Рісс обґрунтовано вважає можливою етимологію *superstitio* від *superstes* (*superstitio* — *superstes* = *nation* — *natus*), інтерпретуючи його англійською як *survival*. Грецький еквівалент для *superstitio* — *δεισιδαιμονία*, буквально — страх перед демонами.

Слід наголосити на тому, що переклад латинського *superstitio* сучасними мовами як *superstition* (англ.), *superstizione* (італ.) та ін. є неточним. Л. Янссен вірно зауважує, що для нас забобон є чимсь нешкідливим, ми глузуємо з того, хто йому піддається, але це глузування пов'язане із співчуттям. Натомість римляни сприймали це по-іншому, зазначає Л. Янссен, і наводить епітети Таціта і Светонія.

Джон Шайд — один з кращих знавців римської релігії у сучасному антикознавстві, приймає, по суті, концепцію Плутарха, висловлену у трактаті “*Περὶ δεισιδαιμονίας*”. Він стверджує: забобонна людина думає, що боги лихі, заздрісні та тиранічні, і відчуває до них страх. На думку французького історика, цей малокерований страх перед безсмертними приводить до всякого роду ексцесів, а саме до рабської поведінки, мета якої — повернути прихильність богів. У той час як Сенека ставить знак рівності між *superstitio* та атеїзмом, Плутарх засуджує як забобони, так і атеїзм, і стверджує, що справжня релігія, дослівно — благочестя (*εὐσέβεια*), лежить між ними. За словами Плутарха, забобони нічим не кращі за атеїзм. Доводить він цю тезу на прикладі іудеїв. Плутарх, серед іншого, відносить до прояву забобонів святкування суботи і тлумачення сновидінь. Виходячи з такого трактування, різні форми магії, як і астрологію, теж можна віднести до *superstitio*. Цікавий приклад *superstitio* наводить Плутарх Старший, який розповідає про віру у магічні властивості зміїного яйця. Як вчили друїди,

воно могло забезпечити власникові перемогу у судовому засіданні.

Ведучи мову про чужоземні вірування, ми у першу чергу, маємо на увазі релігії східного походження. Жерцями більшості з них були маги. Римляни вважали, що іноземні вірування можуть бути причиною смут, як про це говорить Тацит щодо Єгипту. Діон Кассій вкладає в уста Мецената застереження про небезпеку магів, що підбурюють натовп до переворотів.

Забобони були притаманні представникам усіх верств римського суспільства, у тому числі й імператорам. Імператор Нерон особисто брав участь у влаштованих магами обрядах. Забобонними були й імператори II ст. Імператор Адріан надзвичайно цікавився і практикував різного роду ворожбу і чаклунство. Імператор Каракалла вірив у те, що маги можуть викликати померлих і дізнаватися від них про справи живих. Натомість характеризуючи Антоніна Пія, Марк Аврелій говорить, що він був «благочестивий, без забобонів». Водночас, той же Марк Аврелій у складній ситуації, здійснював чужоземні релігійні обряди.

Завоювання Римом нових територій неминуче створювало проблему співіснування з чужоземними віруваннями. Одним із них було християнство, що стрімко поширювалось у II ст. н. е. Агнес Нагі стверджує, що християнство, як і вакханалії, було чимсь більшим, ніж просто *superstitio*. Вона вказує на можливість перетворення нової релігійної общини у *coniuratio*, яка стає небезпечною для античного суспільства, з якого вона вийшла. На основі свідчень Таціта, Светонія і Цельса, а також описів переслідувань християн у Лугдуні та Вієнні, Агнес Нагі робить обґрунтований висновок про те, що в очах більшості римлян християнство було реальною загрозою для існування традиційного суспільства і як таке заслуговувало покарання — знищення.

Отже, зміст обох термінів, *superstitio* і *δεισιδαιμονία*, протягом століть дещо змінювався. Однак у II ст. н. е. римляни вживають ці терміни в основному щодо чужоземних вірувань і, особливо, іудаїзму та християнства.

Н. П. Писаревский (Воронеж)

«ИСКОННЫЕ ЭЛЛИНЫ» АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ ALINAS, BHALANA И BHRIGU РИГВЕДЫ

Доказательство тезиса о былом единстве эллинов и индоиранцев в рамках греко-арийской общности представляет основные направления поиска соответствующих данных как в источниках Древней Греции, так и Индии. Его выполнение во многом предопределено наличием отображающих тенденцию к общности

соответствующих данных в мифах и эпической поэзии двух далеко отстоящих друг от друга народов — обстоятельство, на которое специалисты прошлого века обращали недостаточное внимание. Между тем, имеющаяся в двух традициях сумма сходной тематики и сюжетов заставляет по-новому посмотреть на от-

ложившиеся в них сходства, причём не только с точки зрения констатации самого факта, но и с целью его исторического объяснения.

Это — отсутствие в общественном сознании эллинов и ведийских ариев знаний о былой прародине. К тому же кругу принадлежат представления разошедшихся народов о р. Океане, Понте, samudra, божественной силе и возможности для богов принимать человеческий облик. Сюда же относится базовое сходство и идеология «периодизации истории» в Ригведе и в «Трудах и днях» Гесиода. К такому же ряду следует, на наш взгляд, отнести 24 свидетельства античной традиции о былом родстве и сходных языках эллинов и гипербореев, из которых данные Геродота, Аристотеля и Диодора представляются самыми исчерпывающими. Еще одним показателем выступает представление об индийских корнях фракийского по происхождению Диониса и индах, живущих за Фракией, представляемое Аполлодором. Наконец, невозможно не обратить внимания на присутствие в древнейших гимнах Ригведы знакомой по античным источникам этнонимии (alinas, bhalanas, bghrigu, turvasa) и отложенности в топонимике Ионии, Аттики и Этрурии общей, первых лет присутствия эллинов-мигрантов на Балканах, этнонимии (Yaduturvasa, ионийцы-тиррены).

В данном случае мы останавливаем своё внимание на сходствах информации, основных действующих лицах (героях) эпических поэм Древней Греции и Индии, хронология информационных полей которых современной наукой доведена до 1900/1800 гг. до н. э.

Одним из таких сюжетов, встречающих параллели, являются, с одной стороны, отложившееся в «Одиссее» Гомера сказание о состязании аристократов-лучников,

победитель которых должен был бы получить вместе с Пенелопой и царство, а с другой — две аналогичные истории о выборе Драупади и Дамаянты мужа (сваям-вара), свидетельствующие о практике «царствосительства» царскими дочерьми и жёнами у эллинов и ведических ариев. Другой параллелью выступают эпические повествования о свадьбе Пелея и Фетиды в «Илиаде» и Сантаны и Ганги в «Махабхарате». В качестве третьей можно избрать дополняющие друг друга мифы эллинов и индийцев относительно рождения новых богов из частей тела богов старых или более авторитетных (Диониса из бедра, а Афины из головы Зевса; Аурвы из бедра, а остальных богов из тел Пурураваса или Брахмы) — идеология, которая была впоследствии положена как у ариев Ригведы, так и эллинов времени Иона в основу социальной стратификации общества.

Сравнительное изучение перечисленных фактов позволяет составить представление о большей древности и большей близости проявляющих независимость традиций, воплотившихся в системы различных мифологий, а следовательно, с доверием отнестись к информации, сохранённой в них и эпической поэзии относительно былого родства и первых лет пребывания смешанных, полиэтнических, греко-индоиранских массивов населения, как на территории Индостана, так и на Балканах, в Эгеиде и на Апеннинском полуострове в период между 2000–1750 гг. до н. э., что подтверждается археологией Греции и Ригведой, но практически не находит следов присутствия мигрантов в памятниках этого времени на территории Индостана. Последнее требует развёртывания дальнейших поисков в области объяснения такого феномена.

А. Н. Токарев (Харьков)

ПРОПАГАНДА ОКТАВИАНА НАКАНУНЕ АКТИЙСКОЙ БИТВЫ И «РЕСПУБЛИКАНИЗМ»

В историографии давно установилась точка зрения, согласно которой Октавиан выиграл борьбу за общественное мнение у М. Антония, используя «республиканские» лозунги, которые, якобы, вызвали большой резонанс в римском обществе. Однако, по нашему мнению, ключевым моментом в понимании изменений, произошедших в пропаганде этого времени, является постановка вопроса о соотношении «республиканизма» и «традиционализма» в пропаганде Августа в конце 30-х гг. до н. э.

Рассмотрим некоторые «республиканские» акции, приписываемые Октавиану. Я. Ю. Межеричский заявляет, что для того, чтобы приобрести доверие гражданского населения Италии, нужно было зарекомендовать себя приверженцем «республиканских», исконно римских традиций, завоевав авторитет удачливого военного вождя. Именно такие пропагандистские цели и ставились перед иллирийскими походами.

Здесь налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Исследователь подменяет традиционные представления, характерные для всех римских политиков, идеологическими представле-

ниями «оптиматов». Настоящей целью Октавиана было укрепление собственного престижа как победоносного полководца в глазах ветеранов и плебса. Заявления полководца о том, что он «умиротворял» племена варваров и действовал в интересах civitas, были традиционными для римской практики и никакого отношения к «республиканизму» не имели.

Многие ученые видят в эдилитете М. Агриппы «республиканские» черты. Пышные зрелища и активная строительная деятельность соратника Октавиана в 33 г. до н. э. представляются как составная часть более масштабной политики, подчеркивавшей лояльность Августа к старой «республике» и делающей упор на возрождение «национальной» религии.

Это слишком упрощенный взгляд на рассматриваемые события. Эдилитет Агриппы никак не укладывается в рамки «республиканизма». В римской практике сложилась четкая система занятия магистратур: эдил — претор — консул, а М. Агриппа уже был и претором, и консулом. Его избрание эдилом — это грубое нарушение традиционной практики. Кроме того, в пылу полемики многие исследователи отчего-то

«забывают» указать, что М. Антоний также входил в состав разных жреческих коллегий, М. Лепид и вовсе был великим понтификом, а антонианцы занимались восстановлением древних храмов.

Еще одной «республиканской» акцией Октавиана считается строительство в конце 30-х гг. до н. э. мавзолея, который должен был стать «республиканским» патриотическим ответом на желание М. Антония быть похороненным в Александрии. Впрочем, К. Крафт и П. Цанкер, исследовав этот вопрос, отмечают стремление «сына божественного» опереться в противостоянии с М. Антонием на Рим и Италию и указывают на использование Октавианом традиционных патриотических лозунгов, которые, в сущности, были характерны для всех римлян вне зависимости от их политических устремлений. Поэтому строительство мавзолея не может быть доказательством употребления будущим принципсом «республиканской» риторики.

Широко распространен взгляд на М. Антония как на «ориенталиста», так как его поведение на Востоке,

якобы, совершенно не соответствовало римским обычаям, в то время как врожденные «республиканские» представления и ценности Октавиана должны были сформировать в нем «поклонника республики». Здесь налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». На самом деле и сторонники Августа, и агенты М. Антония стремились опереться в своей пропаганде на традиционные римские ценности. Такая борьба между ними вела к тому, что соперники всячески пытались обвинить друг друга в забвении *mos maiorum*.

Таким образом, в своей пропаганде в конце 30-х гг. до н. э. Октавиан не использовал «республиканских» лозунгов, характерных для сторонников *libera res publica*, он опирался на традиционные римские ценности. Агитация и пропаганда Октавиана, в первую очередь, были направлены на формирование образа удачливого полководца и мудрого политика, заботящегося об интересах и благосостоянии Италии и Рима.

А. Г. Чередниченко (Белгород)

ЯЗЫК КРИТСКОГО ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА А КАК РЕЛИКТ ПЕРВОБЫТНОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТИНУУМА

Первобытный языковой континуум Старого Света (так называемый «*banana language*») стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во второй половине IV тыс. до н. э.

В самом начале III тыс. до н. э. уже обособились шумерская семья (диалекты эмеги и эмесаль, 30–40 годов) и афразийская семья, довольно рано разделившаяся на древнеегипетскую группу (1 язык и около 40–50 говоров?) и семитскую группу (в последней трети III тыс. до н. э. зафиксированы клинописью аккадский, эблаитский языки).

Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III–II тыс. до н. э. не наблюдается. Но общеисторические соображения позволяют датировать обособление и.-е. праязыка из первобытного языкового континуума все же концом IV и началом III тыс. до н. э.

С XVIII в. до н. э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов (выполненные иероглифическим письмом), языка линейного письма А на Крите.

В и.-е. праязыке со времени его выделения из первобытного языкового континуума до первого «полураспада» (на *centum* ~ *at m*) либо было два ряда согласных — сильные и слабые (напряженные и ненапряженные, звонкие и глухие?), либо имела место нейтральная оппозиция согласных и по звонкости, и по придыхательности (это — наследие первобытного континуума, в котором *p* ~ *b* ~ *m*, *t* ~ *d* ~ *n*, *k* ~ *g* ~). Просодические признаки еще не перешли на уровень согласных и гласных. Все дальнейшие преобразования и перебои в системе согласных были вызваны особенностями перехода просодического признака на уровень

консонантизма при обособлении отдельных дочерних и.-е. языков.

Представляется вполне удовлетворительным следующее объяснение возникновения и.-е. апофонии (чередования *e* — *a* — *o*). Сначала это явление фономорфологического уровня праязыка зародилось в первобытной системе глагола для различения имперфектных и перфектных форм (соотносимых с номинативной и эргативной конструкциями), а затем, через формы типа германского причастия совершенного вида, проникло в систему имён. Апофония развивалась посредством перехода просодических признаков на уровень вокализма (еще небогатого), путем превращения в отдельные фонемы прежних вариантов одной гласной фонемы в зависимости от акцента и фонетического окружения (последующие губные, носовые и плавные согласные, гласные заднего ряда в последующем слове и т.п.). Затем новообразованная лексика подверглась воздействию языковой аналогии, которая несколько редуцировала и унифицировала первоначально пёструю систему. И лишь впоследствии вступил в действие фактор повышенной частотности словоупотребления.

Большая часть и.-е. языковых групп, имеющих вполне оформившуюся апофонию типа *e/o*, обособилась и развивалась в Эгеиде, на Балканах и в Южной Италии с окружающими её островами.

Особую проблему для сравнительно-исторического языкознания и микенологических исследований представляет фонетическая структура языка, для которого создавалась система слогового линейного письма А на Крите. В качестве идиомы этой письменности предлагались языки типа японского или языков народов Океании. Знаки линейного письма Б, приспособленного в XIV—

XIII вв. до н. э. для записи текстов на наддиалектном греческом языке эолийско-ахейского облика восходят к знакам линейного письма А, известного со второй половины XVIII в. до н. э. («буквы Ио»).

Из анализа системы линейного письма Б и линейного письма А следует вывод, что линейное слоговое письмо А было создано для некоего и.-е. языка, имевшего пережитки силлабо-морфемного строя (фонетического протоиндоарийского типа) и развитую систему акцентов, тонов (просодики), которая еще не перешла на уровень консонантизма (не дифференцированы звонкость и придыхательность согласных) и (частично) на уровень вокализма (уже есть апофония $e - a - o$, но

нет еще признаков ларингалов и долготы), имеющего следы сатэмной палатализации гуттуральных. Типологическое сходство слогоморфемной структуры слова, фонетической системы и слогового письма санскрита и линейного А неслучайно. Это — сходство, по крайней мере, двух исконно родственных разных хронологических праязыковых состояний, имевших, вероятно, общего протоязыкового предка. Язык (диалекты), передаваемый линейным письмом А, происходил из того же источника, что и праиндоирано-дардо-кафирский, праармянский, праалбанский, но не дал жизнеспособных продолжений и исчез во второй половине II тыс. до н. э.

А. Л. Янко (Полтава)

ФОРМИ ВЛАСНОСТІ НА ЗЕМЛЮ В ЕТРУСКІВ

Проблема виявлення форм власності на землю в етрусків нечасто ставилася дослідниками. Слід відзначити спроби Е. Серені, Ж. Ергона та О. Й. Немировського. Вони були впевнені в існуванні в етрусських полісах лише приватної власності на землю. Натомість В. С. Сергєєв, М. М. Залеський, М. О. Машкін, Я. Буріан, Б. Моухова та Є. В. Мавлєєв припускали існування в Етрурії азійського способу виробництва, не визначаючи форму власності на землю. І ті, й інші вважали, що вказаний ними порядок існував на протязі всієї історії незалежних етрусських міст-держав. Наш підхід дає можливість інакше трактувати деякі свідчення загальновідомих джерел.

Тут слід згадати про один суттєвий здобуток археології останніх десятиліть: про відкриття у Тоскані споруд, що названі палацами етрусської аристократії, але досить упевнено можна вважати царськими. Про існування на протязі VIII—V ст. до н. е. храмової і царської форми власності на землю свідчать пророцтво Вегоїї, напис з Пірг початку V ст. до н. е. царя міста Цере Тефарія Веліани, розповідь Тита Лівія та Тарквінійської елогії I ст. до н. е. про повстання проти царського роду Цільнів.

Про нові форми земельної власності в етрусків можна довідатися з повідомлень про повстання у Вольсінїях у 265–264 рр. до н. е. Валерій Максим вказував, що повстанці прийняли закон про свободу заповітів майна. Його варто порівняти з відомим законом Солона. Сервій згадував про встановлення етрусським героєм Тагом «*terrae iuris Etruriae* (земельного права Етрурії)». Однак слід врахувати, що і в Афінах відчужувати землю стало можливим лише з IV ст. до н. е. і тільки через усиновлення. Павел Орозій і Діон Кассій в Іоанна Зонари вказували на отримання повсталими вольсінїйцями права спадку після панів. Отже, пригадавши заклинання Вегоїї про божі карі порушникам меж земельних володінь, можна припустити, що вольсінїйські інсургенти, не задоволені за-

коном, який був подібний Солоновому, прийняли більш радикальний закон про заповіти, що дозволяв відчужувати землю без обмежень.

Певним підтвердженням існування спадкової приватної власності на землю в етрусків є написи на межових каменях, що за особливостями написання датуються IV—III ст. до н. е. За допомогою комбінаторного методу досить давно виявлено, що *tular(u)* на таких каменях означає «кордон, межа». Відкрито написи на межових каменях, що свідчать про існування приватної сімейної власності на землю. На камені з Монтепульчіано вираз *tular hilar nesl claruchie* ми тлумачимо як «межа землі покійного клеруха». Написи містять компонент *tezan tular*, причому перший термін зустрічаємо як позначення праху померлого. На двох епітафіях *tezan* сусідить із *thaura* — «могила». Крім цього, у написі на пеленах Загребської мумії II ст. до н. е. зустрічається сполучення *gasna hilar*, що, очевидно, слід порівняти з *helu tesne ra* не Перузінського каменя. Оскільки *gasneas* і *ra nal* трапляються у написах як частина назви магистратури, можливо, тут має місце позначення на кшталт латинського *publicus* — «суспільний, державний». Тож *gasna hilar* і *helu tesne ra* не слід перекладати як «суспільна земля». Очевидно, *tezan* була особливою категорією земель, що належали етрусській громаді та виділялися певній родині для будівництва на них гробниць. Отже, виходячи зі змісту розглянутих написів IV—II ст. до н. е., в етрусків означеного періоду слід констатувати існування двоєдиної форми власності на землю, коли власником окремої парцели міг бути лише повноправний громадянин міста-держави.

Таким чином, у VIII—V ст. до н. е. в етрусків існувала храмова і царська власність на землю, що була знищена на протязі V ст. до н. е., очевидно, через скасування царської влади. За написами IV—II ст. до н. е. нами встановлено побутування в етрусків античної форми власності на землю.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ

В. С. Аксёнов (Харьков)

ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКОВ

НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2000–2009 гг.)

За 2000–2009 гг. на Нетайловском грунтовом могильнике было обнаружено 21 погребение, которые следует рассматривать как захоронения всадников. В зависимости от состава конских останков, исследованные погребения всадников делятся на следующие типы:

Tun I — в погребении человека присутствует целый костяк коня, который размещается в ногах человека перпендикулярно последнему (№ 343, 391, 404, 406, 435, 438, 444, 466, 482, 486, 492), из-за чего могильные ямы данных погребений имеют по уровню пола грушевидную форму. В западной торцевой стенке ям были сделаны неглубокие ниши-подбоя, в которых отчасти и помещались скелеты коней. Коня были уложены на правый или на левый (погр. № 406, 466) бок, спиной к стенке ниши-подбоя. При костяках коней находились предметы конского снаряжения. Как вариант данного типа захоронений можно рассматривать погребение № 410. В данном случае конь в сопровождении конской сбруи был похоронен в отдельной яме овальной формы, которая располагалась у западного края могильной ямы с останками человека и была ей перпендикулярна.

Tun II — захоронение человека сопровождается частями конской туши (череп и кости ног), уложенными поперек могильной ямы. Части коня в сопровождении предметов конского снаряжения размещались: в нишах-подбоях, сделанных в западных торцевых стенках могильных ям захоронений людей (погр. № 407, 413); на дне в могильной яме в ее западном краю (погр. № 345); частично в заполнении могильной ямы над ногами погребенного человека и частично на ее дне (погр. № 380, 491).

Tun III — в захоронении человека присутствие коня символизирует положенное в погребение конское снаряжение или же отдельные его элементы. Предметы конской сбруи находились как в нишах-подбоях, сделанных в западных торцевых стенках могильных ям (погр. № 388, 389), так и просто на дне могильной ямы в районе ног погребенного человека (погр. № 361, 431).

Таким образом, для захоронений всадников Нетайловского могильника характерно использование

специальных ниш-подбоев, сделанных в западных торцевых стенках могильных ям, в которых размещаются целые костяки коней, части коней (череп и кости ног) в сопровождении конской сбруи или только предметы конского снаряжения. Конские останки в большинстве случаев помещались перпендикулярно костяку человека — хозяина животного.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в данных захоронениях, позволяет поставить вопрос о трансформации у нетайловцев обряда погребения человека с конем во времени. Так, в захоронениях № 360, 413 и 491, содержащих только части коня, были обнаружены элементы поясной гарнитуры, которые характерны для комплексов раннесалтовского горизонта 740–760 гг. н. э. Погребения человека с целым костяком коня по найденным элементам поясной гарнитуры датируются третьей четвертью VIII—началом—серединой IX вв. Такое изменение в составе конских останков помещенных в могилу (часть коня — целый конь), по-видимому, следует рассматривать как результат влияния на погребальный обряд нетайловцев традиций аланского населения, проживавшего рядом — на Верхне-Салтовском городище. К примеру, на Ржевском могильнике первой половины IX в. (Белгородская обл.), где конструкция некоторых могильных ям также усложнена нишами-подбоями, вырытыми в коротких стенках и расширениями в ногах погребенного человека, из-за чего ямы по дну имеют грушевидную форму, в захоронениях присутствуют только кости ног и череп коня, уложенные поперек могилы.

В целом же захоронения с целым костяком коня и его частью Нетайловского могильника находят отдаленные аналогии в венгерских погребениях Паннонии (V группа Ч. Балинда). Ржевский могильник связывается В. А. Сарапулкиным с миграцией отдельных групп населения тюрко-угорского происхождения из Поволжья—Приуралья. Какой-то группой тюрко-угорского населения оставлен и Нетайловский могильник, но исходным районом миграции данного населения, по-видимому, были степи между Волгой и Доном.

О НАДГРОБИЯХ УСПЕНСКОГО СОБОРА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Успенский некрополь КПЛ является одним из наиболее представительных позднесредневековых погребальных памятников Киева, формирование которого началось практически сразу после освящения храма в 1089 г. и продолжалось вплоть до середины XIX в. Все это время собор рассматривался как место престижного захоронения, где погребались представители княжеских династий XI—XV вв. и украинских аристократических родов XIV—XVII вв., церковные иерархи Руси и Украины, представители казачьей старшины, а также русской военной и гражданской администрации XVII—XVIII вв.

Археологическое исследование некрополя — как самих погребальных комплексов, так и их мемориального проявления в виде памятных табличек, скульптурных надгробий и надмогильных плит велось всю вторую половину XX в. Коллекция последних сегодня насчитывает более 50 экз. Наиболее ранние надгробия, изготовленные, как правило, из плит древнерусского шиферного пола церкви, относятся к XIV—XV вв. В XVII в. их вытесняют надгробия из блоков песчаника.

Среди наиболее интересных находок последних по времени раскопок Успенского собора (1998–2000 гг.) выделяются надгробия 1665, 1677 и 1698 годов. Первое из них представляет собой шиферную плиту (131 × 55 см), обнаруженную в районе западного фасада церкви, где она служила порогом в одной из дверей XVIII в. Надпись выполнена на переходном варианте греческого языка с достаточно большим количеством ошибок, часть которых может говорить о славянском происхождении резчика, очевидно, владевшего разговорной речью, но слабо знавшего греческую орфографию того времени. Текст эпитафии сообщает, что «Здесь лежит раб Божий Павел со своими товарищами Николаем, Димитрием и Николаем, которых убили снаружи за монастырем, и записаны они на поминовение. Год от Христа 1665, 15 марта». К сожалению, за отсутствием точных исторических данных ни само это резонансное событие, ни личности названных погребенных прокомментировать подробнее пока затруднительно.

Надгробие 1677 г. найдено восточнее Успенского собора в переотложенном и поврежденном виде. Оно представляет собой два крупных обломка шиферной

плиты размерами ок. 0,8 × 1,5 м и надписью в 10 строк: «Року 1677 (АХОZ) месяца... преставися блаженный раб Божий иеромонах Феодосий Софонович игумен монастыря Михайловского Киевского и здесь положен. Его же Господи Боже душу упокой вовеки и прости грехи его». Ф. Софонович известен как один из влиятельных церковно-политических деятелей Украины XVII в., одно время (1669–1677) фактически руководивший Киевской митрополией. До обнаружения данной плиты местом его погребения безосновательно считался Михайловский Златоверхий собор.

Надгробная плита 1698 г. представляет собой поврежденный блок песчаника (130 × 46 × 19 см), виявленный в переотложенном состоянии у северного фасада Успенского собора. Надпись состоит из 17 строк: «Его Ц(а)рского Пресвѣтлаго Величества Войска Запоро(жс)каго Есаулы Енерального Его Мати Пана Андрея Гамалѣи Мажонка Бл(а)городная Пелагия Григориевна Лесницкая здѣ погребена. В мѣсть Батуринъ в року АХЧИ февраля Е жизнь земную скончила славити ... прущ(с)тую в н(е)бѣ улюбила со С(вя)тыми женами в соединении.. Буди же ей вѣчное упокоение. Аминь». Отметим, что сведений о П. Лесницкой, ее браке с А. Гамалией, как и месте погребения, в письменных источниках практически нет.

Общей особенностью рассматриваемой коллекции надгробий является то, что ни одно из них не было зафиксировано в несомненной связи с погребением, которому оно первоначально принадлежало. Такое положение дел является результатом капитальных ремонтов храма в 20-х гг. XVIII в. и 80-х гг. XIX в. На момент перед восточным фасадом (1893 г.), либо просто в переотложенном, а часто и переиспользованном виде.

При всем этом данная коллекция археологических исследований надгробия собора находились либо в составе отместки сохраняет свою историческую ценность — и как аутентичный элемент культурного комплекса Успенского собора, и как важный источник историко-биографической и палеографической информации. В этой связи представляется целесообразной подготовка полного каталога надгробий Успенского собора XIV—XVIII вв., тем более что позитивный опыт в этом плане уже имеется.

К ВОПРОСУ О РИМСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МОНЕТАХ В АРЕАЛЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Значительный нумизматический материал римского времени, собранный на территории Украины, широко используется как дополнительный источник при исторических и археологических исследованиях. Интересную информацию в этом плане дают находки провинциальных римских монет (из меди, бронзы и серебра), используемые, в основном, для местного

обращения (в провинциях). По сравнению с серебряными денариями их находки на территории Украины довольно малочисленны. Среди находок монет римского времени доля провинциальных составляет не более 2,5 %. В данной работе учтено 42 пункта находок римских провинциальных монет (в том числе один клад таких монет, найденный в Киеве на Оболони),

сделанных в ареале черняховской культуры. По административным областям находки распределяются следующим образом: Хмельницкая — 9 пунктов, Киевская — 8, Винницкая и Харьковская — по 5, Тернопольская — 3, Ровенская, Ивано-Франковская, Черкасская — по 2, Кировоградская, Львовская, Николаевская, Сумская, Черниговская, Полтавская — по 1 пункту. Таким образом, основные находки провинциальных римских монет сделаны на Правобережной Украине — 34 шт. (81 %) и всего 8 монет (19 %) найдены на территории левобережных областей. Большинство монет отчеканено в III в. Из имеющихся монет датировка 4 экземпляров (9,5 %) нам неизвестна. Одна монета — серебряная драхма Антонина Пия, чеканенная в Амисе, была найдена в с. Калантаево Кировоградской области среди серебряных римских денариев I–II вв. н. э. Остальные монеты — 37 штук (88 %) отчеканены в III в. н. э.

Ряд исследователей связывают появление провинциальных римских монет на территории Украины с Готскими войнами 238–270 гг. Хронологическое распределение находок подтверждает эти выводы. Монет, отчеканенных до начала Готских войн (а они могли иметь хождение и во время готских походов) известно 10 экз. (23,8 %). Монет, чеканенных в период готских походов 238–270 гг., известно 69 экз. (61,9 %). И только 2 монеты (4,8 %) были чеканены после окончания Готских войн.

Исследователи делят Готские войны на два этапа. На первом этапе (238–253 гг.) походы варваров были направлены на нижнедунайские и балканские провинции Римской империи. На втором этапе (256–275 гг.) разграблению подверглись Малоазийские провинции. При этом преобладающими были морские походы из Меотиды через Боспор вдоль восточных берегов Черноморья на северные и центральные провинции Малой Азии: Вифинию, Понт, Кападокию, Галатию. С 255 по 275 гг. было осуществлено пять по-

ходов. Известно и о двух морских походах варваров вдоль западных берегов Черного моря. В 263 г.: пройдя вдоль западного побережья варвары разрушили города на западе Малой Азии: Халкедон, Трою, Милет, Эфес, а на обратном пути разграбили побережье Фракии. В 269 г. эскадра варваров, пройдя вдоль западных берегов Черного моря, вошла в Эгейское море и подвергла разорению берега Пелопонесса, острова Родос, Крит, Кипр и южный берег Малой Азии.

Большинство из найденных на территории Украины монет выпущены в городах провинций Фракии, Дакии, Мезии, Македонии — 22 находки (52,9 %). В городах малоазийских провинций чеканены монеты из 10 пунктов находок (23,8 %), в том числе и 44 провинциальных римских монеты из Киевского клада. В других регионах Римской Империи чеканены 6 монет (14,3 %): Александрия Египетская (4 монеты), Иллирия (1), Испания (1). Место чеканки 4 монет (9,5 %) нам неизвестно.

Анализ мест чеканки провинциальных римских монет позволяет сделать предположение о местах расселения племен, принимавших участие в готских походах. Так монеты городов и провинций, через которые проходили походы готов на Балканы и в Малую Азию (Дакия, Мезия, Фракия, Македония, Писидия, Вифиния, Галатия) на первом этапе Готских войн, а также морские походы готов 263 и 269 гг., найдены в основном на Правобережной Украине. Из 34 пунктов находок — 28 (82,4 %) можно связать с этими походами и только 2 пункта (5,9 %) приходится на южнопонтийские города. Монеты Малоазийских провинций, по которым проходили походы готских племен из района Меотиды (Понт, Пафлагония, Кападокия) преобладают среди находок на территории Левобережья. Из 8 находок три монеты чеканены в Трапезунде, одна в Синопе, две в Александрии Египетской. Место и время чеканки двух монет определить невозможно из-за плохой сохранности.

С. А. Беляева, Е. Е. Фялко (Киев)

ОБ РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ОЧАКОВА И БЕЛГОРОДА)

Вопросы формирования и развития средневековых городских центров Северного Причерноморья относятся к числу недостаточно исследованных в истории Украины. Это обусловлено рядом причин: недостатком письменных источников и противоречивыми сведениями имеющихся документов; трудностями идентификации конкретных памятников по картографическим материалам; разрушениями древних структур последующими перестройками, последствиями военных действий, природными факторами и проч.

Дальнейшее продвижение в проблематике сопряжено с многокомпонентными междисциплинарными изысканиями, включающими поиск и обработку новых архивных источников, археологические раскопки, применение новейших технических методов естественных наук и последующей корреляцией полученных результатов.

Одним из важных результатов археологических исследований **Очакова** — городского центра, расположенного на мысе, омываемом водами Днестро-Бугского лимана, стало открытие культурного слоя XIII–XIV вв. Это позволило установить наличие поселенческой структуры, предшествовавшей строительной деятельности Менгли Гирея в конце XV в. Найденная здесь керамика сграффито находит аналогии в материалах обширного ареала памятников от восточного побережья Черного моря до Средиземноморья. Кроме того, в непосредственной близости от Очакова, на о. Березань, как известно по историографии, было древнерусское поселение и могильник XII–XIII вв.

В Северо-Западной части Причерноморья, в процессе более чем 100-летних исследований в **Аккермане**, в том числе многолетних работ нашей экспедиции, получены материалы по истории ранних этапов

средневекового города. Под разными именами город упоминается в арабских, русских, польских, генуэзских, молдавских и других письменных источниках, в том числе на картах Идриси XII в. Его история связана с миром славян и Руси, генуэзцев, золотоордынцев, молдавского княжества до 1484 г., когда город становится пограничным форпостом и важным торговым центром Османской империи.

Географическое положение Белгорода на перекрестке международных путей, в зоне контактов Востока и Запада способствовало формированию синкретичной культуры с учетом этнической специфики каждого периода. В каждый исторический период локализация и планировочная структура Белгорода-Аккермана имела свои особенности и не совпадала с предшествующей градостроительной осью. Для реконструкции поэтапной исторической топографии продуктивными являются исследования планиграфии, строительных материалов, дендрохронологии, а также выделение артефактов, имеющих статус культурно-хронологических индикаторов. В процессе исследований Белгорода последних лет

получены новые материалы, представляющие элементы различных культур доосманского периода: древнерусской (фрагмент стеклянного браслета XII—XIII вв. и наконечник стрелы); Византийской (керамика, в том числе сграффито типа «Зевксипос» XIII—первой половины XIV в.); золотоордынской (многочисленные артефакты, в том числе ювелирные изделия и монеты середины XIV в.); молдавской (керамика и монеты Молдавского княжества XIV в.). В Нижнем дворе Аккерманской крепости удалось разграничить молдавский и османский строительные периоды линии оборонительных сооружений по ярусам надстроек с зубчатым верхом. Благодаря дендрохронологическим исследованиям выделено две группы древесины, использовавшейся соответственно в молдавский/раннеосманский и османский строительные периоды крепости.

Результаты историко-археологического исследования Очакова и Белгорода-Днестровского (Аккермана) свидетельствуют о новых возможностях изучения истории городов Северного Причерноморья, неразрывно связанных с историей Украины.

М. В. Блошенко, А. И. Подшивайло (Брянск)

НОВОЯМСКОЕ: НОВЫЙ МИКРОРЕГИОН КИЕВО-КОЛОЧИНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА УКРАИНСКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

На левобережье Десны долгое время были известны лишь единичные находки, связанные с позднеримской эпохой III—начала V вв. н. э. и с последующим периодом V—VII вв. н. э.

К древностям круга варварских выемчатых эмалей на левобережье Десны (в пределах ареала киевской культуры) относились находки на р. Навле (с. Глажево), сделанные А. М. Романовым и введенные в оборот Е. А. Калитиной в 30-х гг. XX в. Южнее, вплоть до Посеймья (Путивль, Жерновец, Воронино, Александровский), находки выемчатых эмалей до недавнего времени были неизвестны.

Колочинские и пеньковские древности на Брянском и Сумском отрезке левобережья Десны тоже представлены крайне слабо. Находки пальчатых фибул и других вещей, характерных для антских кладов как I так и II группы, тут вообще не были известны, в то время как на правобережье выявлено несколько десятков колочинских памятников, не говоря уже о находке Трубчевского клада. Скорным исключением можно считать поселение Новоямское 1 к северу от г. Севска на правобережье р. Сев у старицы, открытое в 1988 г. В. В. Зайцевым — оно многослойное и в подъемном материале встречена как колочинская, так и древнерусская керамика.

Однако в последние годы севским краеведом А. Н. Трошиным был выявлен куст памятников с находками, меняющими представления о слабой заселенности Деснинского левобережья в период III—VIII вв. н. э. Находки были переданы им зимой 2010 г. в Научно-исследовательский центр изучения архео-

логии Средней Десны БГУ и ИА РАН при НИИ фундаментальных и прикладных исследований БГУ и изучены под руководством А. А. Чубура. Кратко охарактеризуем выявленные пункты.

В районе села Новоямское, но уже на левом берегу (распахиваемые мысы первой надпойменной террасы) выявлено четыре новых пункта находок. На всех представлена толстостенная груболепная керамика, характерная для киевской и колочинской культур (фрагменты баночных и ребристых сосудов). Однако наиболее интересен оказался богатейший комплекс индивидуальных находок.

Новоямское 2. К позднеколочинскому периоду (конец VII—начало VIII вв. н. э.) по типологии вещей из антских кладов второй группы (по О. А. Щегловой) относятся части геральдического поясного набора, обломки серег со звездообразной привеской (литые с выпуклым щитком). К началу колочинского времени относится бронзовая перекладчатая щитковая фибула с дисками по концам перекладин и на шейке (аналогия: Кветунский могильник V—VII вв., раскопки Л. В. Артишевской). Киевским временем датируются подвески-лунницы, круглая ременная накладка с гнездами выемчатой эмали и трапезиевидная подвеска с циркульным орнаментом.

Новоямское 3. К киевскому периоду относятся фрагмент решетчатой дисковидной фибулы с красной выемчатой эмалью, арбалетовидные фибулы, трапезиевидные подвески с циркульным и пуансонным орнаментом. К колочинскому времени (до второй трети VII в. включительно) относятся древности

первой группы антских кладов (по О. А. Щегловой): два фрагмента серебряных пальчатых фибул и литая сложная бронзовая антропоморфная фибула.

Новоямское 4. Вместе с лепной керамикой и фрагментом браслета по сведениям А. Н. Трошина здесь встречены и пережженные кости. Можно предварительно предполагать наличие могильника по обряду кремации.

Хутор Заречный — многослойное поселение вместе с керамикой киевской древнерусской культуры. Здесь найдена и лунница с выемчатой эмалью.

Судя по количеству находок и датировкам, мы имеем дело с длительно существовавшими поселениями, что могут подтвердить лишь раскопки.

Выявленные пункты начинают заполнять территориальную лакуну на левобережье Десны для киево-колочинского времени и позволяют уточнить ареалы распространения некоторых артефактов этого периода. Новый микрорегион нуждается в детальном изучении, в связи с чем нашим центром планируется организация его детального изучения.

І. В. Голубєва (Харків)

СУЧАСНІ АРХЕОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ХАРКІВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ ТА ЇЇ ОКОЛИЦЬ

На території м. Харкова існує два городища та велика кількість відкритих поселень (від доби бронзи до козацьких часів). Останні роки Харківська фортеця та її околиці стали об'єктом археологічного дослідження. Окремі речові залишки козацького часу виявлено при стеженні за будівельними роботами та шурфуваннях по вул. Університетській та вул. Професорській. Більш детально розглянемо археологічні дослідження (розкопки). Які пов'язані із охоронними (рятивними) роботами, що здійснені на підставі проведення наукових археологічних експертиз.

Вул. Сумська, 10 (2006 р.). В стінці будівельного котловану зафіксовано та досліджено частини двох жител рубежу XVII—XVIII ст. із відповідним речовим матеріалом (керамічні вироби, кістки, монети Московської держави).

Вул. Примерівська, 25/27 (2007 р.). Культурний шар (на площі 135 м²) козацького часу зберігся у перевідкладеному верхньому ґрунті. Окрім двох приміщень виявлено уламки побутової (черкаського типу) та архітектурно-декоративної кераміки, кістки тварин, креймах, вироби зі скла, каменю та заліза. Мідна монета має погану збереженість, проте за складом ознак її можна інтерпретувати як українську підробку під бидгощський півторак Сигізмунда III Вази. Археологічні матеріали підтверджують дані писемних джерел про заселення «Захарківської частини» міста не пізніше останньої чверті XVIII ст.

Вул. Ключківська, 48 (2007 р.). Загальна площа двох розкопів склала 107,5 м². Культурний шар козацького часу знаходиться під сучасними нашаруваннями та місцями зруйнований. Знайдено побутову черкаську кераміку, фрагменти коробчастих теракотових кахлів, скляного посуду та віконниць. До особових знахідок відносяться люлька сірого кольору з відламаним вінцем, бронзова сережка та білоновий ризький солід королеви Христини Августини карбування м. Риги. Отже, це поселення, скоріш за все, побутувало вже із другої половини XVII ст.

Вул. Ключківська, 8 (2008 р.). Чорний супіщаний культурний шар козацького часу (на площі 630 м²) в багатьох місцях зруйнований. Об'єкти (наприклад,

житло рубежу XVII—XVIII ст.) знаходяться нижче рівню ґрунтових вод. Побутова кераміка переважно належать до черкаського типу. Серед цілих та археологічно цілих теракотових коробчастих кахлів виділяються лицьові, кутові, карнизні. Монети належать карбуванню Московської (Російської) держави від Олексія Михайловича до Миколи II.

Початок вул. Квітки-Основ'яненко (2008–2009 рр.). В розкопі (близько 1000 м²) зафіксовано два культурні шари: козацької доби та часів Золотої Орди з археологічними об'єктами (житла, господарські та культові споруди). Колекція артефактів обох періодів сягає понад 3 тис. одиниць, серед яких керамічні та скляні вироби, вироби з заліза, знаряддя праці та зброя, прикраси та речі індивідуального вжитку. Монети належать карбуванню Московської держави (від Михайла Федоровича до Олександра I), країн Західної Європи (Швеція, Річ Посполита), Персії, а також м. Сарая (срібний диргем хана Узбека).

Вказані дослідження на значній (близько 2000 м²) площі дозволили:

1. Довести перспективність археологічного дослідження навіть на щільно забудованій та перерізаній підземними комунікаціями території міста.
2. Уточнити історичну топографію.
3. Підтвердити дані письмових джерел, про заселення Харківської фортеці черкасами (домінуванням кераміки черкаського типу).
4. Отримати ще один доказ на користь існування «Дикого поля» на території Слобожанщини, проте, звузити його хронологію, обмеживши к. XIV—XVI ст.
5. Завдяки наявності чітко датованих монетами закритих археологічних комплексів простежити еволюцію найбільш масової категорії знахідок — керамічного посуду.
6. Доповнити наші уявлення про матеріальну культуру та побут мешканців Харківської фортеці та Слобожанщини в цілому.
7. Накопичити значну колекцію артефактів козацької доби, що мають високу цінність для експонування на різного роду виставках та в музеях міста.

М. В. Ельников (Запорожье)

КУЛЬТОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Наряду с решением задач о включении салтово-маяцких погребальных памятников Нижнего Поднепровья в «основной салтовский ареал», важным является вопрос о поливариантности погребального обряда VIII–X вв. в данном регионе. Среди нижнеднепровских салтовских захоронений интерес представляет грунтовое погребение № 1156 из некрополя Мамай-Сурка золотоордынского периода. Оно располагалось в юго-восточной части могильника, на его периферии, где концентрация объектов была невысокой. В черноземном слое, непосредственно над погребением, находился крупный фрагмент стенки и дна рифленой круглодонной амфоры. Контуры овальной в плане могильной ямы со слегка зауженным восточным краем, вытянутой по оси З-В, зафиксированы на границе перехода чернозема в суглинок. Вдоль длинных стенок отмечены небольшие уступы-запечки, в западной и восточной стенках — ниши-подбой. В заполнении, состоявшем из рыхлого чернозема, встречены 4 фрагмента амфоры с рифлением.

Костяк мужчины лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги сведены в ступнях. На дне могилы, у западной стенки могилы, выше черепа и справа от него обнаружены фрагменты амфорной и лепной керамики, подработанный фрагмент ручки амфоры. Слева, чуть выше черепа, стоял одноручный кувшин, венчик которого отбит в древности. Выше головы, у западной стенки, справа и слева от черепа находились полные скелеты черепах, еще два — за ступнями. Все пять черепах ориентированы в западном направлении, как и костяк мужчины, как бы сопровождая его в потусторонний мир.

В погребальном обряде и инвентаре данного погребения отмечаются как аланские, так и протоболгарские компоненты. К поминальной тризне относится амфора византийского производства, которая из-за отсутствия венчика и ручек датируется в широком хронологическом диапазоне VIII–X вв. Остатки ритуальных трапез являются характерным признаком памятников аланского населения Северского Донца. Серо-коричневый лощенный одноручный кувшин округлой приземистой формы с плоским дном, укра-

шенный под венчиком и по центру врезными горизонтальными и горизонтально-волнистыми линиями, по форме и орнаментации также близок к аланским древностям.

Особое место занимают пять взрослых особей болотных черепах. Черепаха относится к индоарийским жертвенным животным. Как хтоническое божество символизирует воду, женское начало, бессмертие. Остатки черепах встречаются в скифских, сарматских, черняховских и пеньковских памятниках. Обращает внимание одинаковое количество черепах из захоронения № 1156 мамай-суркинского некрополя и погребения № 80 черняховского могильника у совхоза «Приднепровский» Херсонской области. Панцири черепах выявлены на территориально близких памятниках — в скифских погребениях могильника Мамай-Гора и в хозяйствах черняховского поселения Портмашево. В захоронениях салтово-маяцкой культуры черепахи встречены в катакомбах Дмитриевского могильника и в захоронениях могильника Красная горка. М. В. Любичевым был сделан важный вывод о связи обычая погребения черепах «с присутствием иранцев» и наличием вблизи таких памятников реки. В. Н. Андреев отмечает, что в осетинских легендах дочь Донбетура (царя вод) предстает в облике черепахи.

К протоболгарским элементам погребального обряда относится конструкция «грунтовой» могильной ямы (уступы-запечки, ниши-подбой) и западная ориентация погребенного. В тоже время большинство захоронений протоболгар имели неглубокие ямы (0,6–0,8 м), в рассматриваемом погребении дно могилы находилось на глубине 1,92 м. А. А. Тортика отмечает влияние угорского компонента на появление у протоболгар ниш-подбоев.

Наличие в данном захоронении из могильника Мамай-Сурка аланских, протоболгарских и угорских элементов погребального обряда отражает сложные этнические процессы в среде салтово-маяцкого населения, и свидетельствует о взаимопроникновении отдельных ритуальных компонентов. Особое расположение около погребенного мужчины полных скелетов пяти болотных черепах носит культовый характер.

А. Н. Желтобородов (Харьков)

СЕРБЫ НА СЛУЖБЕ В СЛОБОДСКИХ ПОЛКАХ

В настоящее время расширяется круг исследований, посвященных заселению юга Украины в XVIII в. выходцами с Балканского полуострова, в которых большое внимание уделяется изучению сербской колонизации Украины. Однако сербские автономные образования на Украине просуществовали недолго, поэтому изучение дальнейшей судьбы сербских переселенцев затруднено. Большую помощь в изучении дальнейшей судьбы сербов в России могли бы оказать документы по истории русской армии второй половины XVIII в.

Одной из страниц истории сербов в России стала их служба во второй половине 60-х, первой половине 70-х гг. в Слободских гусарских полках, переформированных из слободского казачества в 1765–1766 гг.

Среди формируемых полков были распределены личный состав, лошади и имущество Слободских казачьих полков и Слободского гусарского полка. Кроме того в состав Слободских гусарских полков были включены по два эскадрона из Грузинского, Молдавского, Сербского и Венгерского гусарских полков

с целью обучения личного состава полков совместным действиям в плотных строях верхом на лошадях на поле боя и другим премудростям гусарской службы, до того неизвестных слободским казакам.

Важнейшую роль в формировании гусарских полков из Слободских казацких сыграли их первые командиры сербского происхождения: бригадиры Зорич Максим Фёдорович, Подгоричани Иван Михайлович и полковник Чорба Николай Иванович.

В обучении молодых гусар элементам регулярного строя много сил и времени уделили сербы — офицеры и унтер-офицеры, переведенные для дальнейшей службы в Слободские гусарские полки. Они же неоднократно отмечались в рапортах командования за отличия и храбрость в ходе боев Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Так как в трех из пяти Слободских гусарских полков: Ахтырском, Изюмском и Харьковском командиры были сербы, то и офицеров сербского происхождения было гораздо больше именно в этих полках, в отличие от Сумского и Острогожского гусарских.

Историк Харьковского полка Е. А. Альбовский упоминает, что на момент формирования в рядах офицеров полка было 7 сербов и 1 черногорец, больше было только украинцев, — 9, русских было 4, а немцев 5 человек. В Ахтырский полк вместе с И. М. Подгоричани из Молдавского гусарского полка было переведено 15 офицеров-сербов, а из Слободского гусарского еще один.

Уже в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в документах Слободских полков практически не встречаются офицеры с сербскими фамилиями. Скорее всего это связано с тем, что после уничтожения в 1775 г. Запорожской Сечи для обеспечения безопасности южных границ государства в 1776 г. были сформированы новые поселенные гусарские полки: Болгарский, Иллирический, Славянский, Далматский, Волошский, Молдавский, Македонский, Сербский и Венгерский. И офицеры-сербы переводились в эти полки, вновь наполняемые выходцами с Балканского полуострова.

Благодаря тому, что в Слободских гусарских полках в 60–70-е гг. XVIII в. служили офицеры и унтер-офицеры сербского происхождения эти воинские части в кратчайшие сроки вышли на качественно новый уровень боевого применения. Овладев навыками совместных действий в плотных строях на поле боя, подразделения Слободских гусарских полков неоднократно выходили победителями в боях и сражениях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. с многочисленной иррегулярной турецкой конницей, практически всегда действуя против турецких всадников в меньшинстве. Сербские офицеры всегда находились в бою впереди своих подразделений, увлекая за собой своих подчиненных. Так формировался высокий боевой дух и традиции Слободских гусарских полков.

И. В. Зиньковская (Воронеж)

О НОВЫХ НАХОДКАХ ВАРВАРСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ¹

Одним из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются находки бронзовых изделий с выемчатыми эмалями. До настоящего времени на территории Верхнего Подонья были известны всего три находки изделий круга выемчатых эмалей. В сентябре 2009 г. из Семилукского р-на Воронежской обл. в Музей археологии ВГУ поступили новые случайные находки предметов с выемчатыми эмалями.

1. Бронзовое литое ажурное звено цепи, выполненное в стиле выемчатых эмалей, происходит из окрестностей с. Терновое. Оно украшено чередующимися, покрытыми красной эмалью, сплошными и прорезанными сквозными полями. Длина звена — 12,4 см, ширина — 2,2 см, толщина — 0,4 см. По-видимому, это звено принадлежало нагрудной цепи. Близкая аналогия происходит из с. Большая Салтановка Киевской области. Звенья цепей с похожим креплением известны среди находок из Полтавской обл.

2. Бронзовая треугольная фибула была найдена на Губаревском городище раннего железного века, где есть слой первых веков н. э. Фибула имеет треугольные щиток и ножку. На щитке наблюдается чередование покрытых красной эмалью, сплошных и прорезанных сквозных полей, при этом поля, украшен-

ные эмалью, имеют ромбовидную или треугольную форму. Ножка фибулы — сплошная, треугольная. Ее пружина вставлена в две боковые стойки и намотана на железный стержень. Конец иглы обмотан вокруг пружины. Общая длина фибулы — 10,8 см, длина щитка — 8,5 см, длина ножки — 2,3 см. Ширина верхней части щитка — 5,5 см, ширина основания ножки — 4,4 см. Фибула относится к типу III подтипу 1 классификации Г. Ф. Корзухиной и является характерным предметом второй стадии развития стиля варварских украшений с выемчатой эмалью. Наиболее близкие аналогии происходят из Мощинского клада и из постройки 1 поселения Ездочное-1 на р. Оскол Белгородской обл.

3. Летом 2009 г. в Музей археологии ВГПУ поступил фрагментированный бронзовый браслет из с. Большое Сторожевое Острогожского р-на Воронежской обл. Известно, что на этом памятнике помимо слоя скифского времени, встречалась гончарная сероглиняная керамика первых веков н. э. Браслет — массивный, литой с треугольным в сечении корпусом. Концы браслета и обод посередине украшены треугольными выступающими наружу гребнями. По борту каждого из них нанесены по две каннелюры, покрытые пуансонным орнаментом. По продольному

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 09–01–56107 а/ц.

ребру лицевой стороны браслет также был украшен пуансоном. Длина сохранившейся части браслета — 6 см, ширина браслета — 2 см, ширина гребней на концах браслета — 3,5 см. Браслет относится к типу I по Г. Ф. Корзухиной (браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками). Браслет имеет хорошие аналогии в Мощинском и Шишинскомкладах. Подобные браслеты были найдены на поселении Ездочное-1, на городище Супруты, а также на Семилюкском городище. Браслет с Семилюкского городища и два браслета из Мощинского клада также были орнаментированы пуансоном по продольному ребру лицевой стороны.

Появление в Верхнем Подонье восточноевропейских вещей круга эмалей, по-видимому, связано с миграцией какой-то части позднезарубинецкого населения из Среднего Поднепровья во второй половине II в. Следует также отметить, что на памятниках второй половины III в. типа Каширки-Седелок на Верхнем Дону вещи круга эмалей не встречены. Скорее всего, пока еще немногочисленные находки изделий круга выемчатых эмалей в лесостепном Подонье сигнализируют о наличии здесь нового, ранее неизвестного пласта памятников позднезарубинецкого круга. Их появление в соседних регионах на р. Оскол и р. Хопер исследователи связывают с расселением венедов.

В. Г. Івакін (Київ)

ДО ПИТАННЯ ПРО НАЯВНІСТЬ ІНВЕНТАРЯ В ЕЛІТНИХ ПОХОВАННЯХ ДАВНЬОРУСЬКОГО КИЄВА (XI—XIII ст.)

За християнськими канонами людина має піти з цього світу такою, як і прийшла до нього, тобто без будьяких речей. У той самий час на київських могильниках продовжують класти предмети в могилу і після 988 р. Ці артефакти можна поділити на дві категорії: християнські поховальні старожитності та елементи захорону, які залишилися у спадок від язичницьких часів. До першої належить невелике число поховань, переважно монастирських з кам'яними подушками, хрестиками та чашами для елею. Друга включає поховання з прикрасами, елементами одягу, амулетами, астрагалами тощо.

Дуже цікаві знахідки зброї та коштовних речей у київських аристократичних похованнях XI—XIII ст. У 1892 р. на садибі Кривцова виявлено поховання у саркофазі з шаблею в коштовних піхвах. І. Самойловський дослідив на вулиці Стрілецькій, 14, поховання XII ст. зі срібною гривнею, дорожчими медальйонами, наручами тощо. У 1939 р. М. Каргер відкрив під підлогою Десятинної церкви дерев'яний саркофаг з похованням XI ст. У саркофазі містився кістяк чоловіка з мечем в дерев'яних піхвах, орнаментовані срібні бляшки від пояса, астрагал тощо.

Подібні знахідки трапляються і в інших давньоруських містах. П. Гловайський згадує про наявність давніх гробниць зі зброєю під підлогою Спаського собору у Чернігові. Тверський літопис свідчить про покладення меча до поховання князя Всеволода-Гавриїла у Троїцькій церкві у Пскові. Розкопками М. Каргера на території Юр'ївського монастиря (Новгород) відкриті поховання двох посадників початку XIII ст. зі зброєю. Предмети озброєння містилися в Успенському соборі Володимира біля гробниці князя Ізяслава Андрієвича (помер у 1164 р.) в одному з аркосолів храму — це були шолом, який належав, згідно з легендою, князю та стріли.

Традиція покладення зброї у могилу до аристократа-християнина характерна і для інших європейських країн. У перехідний період від язичництва до християнства поховальні обряди Швеції довгий час не включали наявності інвентаря, про що свідчать клядо-

вища Готланду. У Фінляндії християнство перемагало у другій половині XI ст., у той самий час в похованнях залишається досить багатий інвентар.

Факт наявності супроводжувального інвентаря вказує не стільки на стійкість язичницького світосприйняття у похованого, скільки на його вищий соціальний статус. Цілком очевидно, що могильники на Старокиївській горі залишені представниками більш престижних соціальних міських прошарків — тут ховали як київську верхівку, так і аристократів з інших міст давньоруської держави.

Можна припустити, що зброя та коштовний інвентар містилися в багатьох аристократичних похованнях, але не дійшли до нашого часу через пограбування захоронень у давнину. Археологи фіксують такі випадки починаючи з XI ст. Київ, не раз пограбований під час князівських міжусобиць XII—початку XIII ст., був вщент спустошений монгольською навалою 1240 р. Ситуація навряд чи покращилася за Литовсько-Польської доби. У першу чергу були зруйновані багаті поховання в саркофагах, що розташовувалися на давній поверхні (в аркосоліях та храмових прибудовах). До цього треба додати ще й повторне використання давньоруських саркофагів у пізньосередньовічний період. Тому шанси на збереження дорогих речей у похованнях давньоруської еліти були невеликими. До цього часу присутність предметів озброєння в могилах пояснювалась язичницьким характером поховання. Поодинокі знахідки зброї в похованнях християнського часу не отримали необхідної інтерпретації у науковій літературі. Останні студії з даної тематики свідчать, що практика покладення багатого інвентаря (передусім зброї) була досить поширеною і після остаточної перемоги християнства. О. Мусін вважає — багатий інвентар підкреслював належність покійного до шляхетного стану. А. Кирпичников робить висновок про перетворення язичницького супроводжувального інвентарю в розвинуту феодальну символіку. Таким чином, багатий інвентар в похованнях нової знаті підкреслював її високий соціальний статус.

В. В. Колода (Харьков)

СЕЛИЩЕ «МОХНАЧ—II»

В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДИЩА МОХНАЧ

Археологический комплекс с центром в городище Мохнач (с. Мохнач Змиевского р-на Харьковской обл.) является отражением многоэтапной истории заселения края. В середине VIII—середина X вв. оно имело максимальную площадь (12,5 га) и наиболее значительную фортификацию, а также наибольшую сельскохозяйственную округу (12 селищ по обоим берегам С. Донца общей площадью более 10 га). Эта группа поселений входила в состав Хазарского каганата, представляла собой один из микрорегионов его лесостепной зоны, охватывая хозяйственной деятельностью около 15 тыс. га. На городище, исследованном лишь **≈5 %, выявлены кузнечная и гончарная мастерские**. Однако, исходя из большого числа открытых поселений, имеющих сельскохозяйственную специализацию, можно предположить, что ремесленники городища не могли самостоятельно обеспечить нужное для всех количество орудий труда, инвентаря и предметов домашнего обихода.

Этот недостаток призвано было компенсировать население нового исследованного селища «Мохнач—II», открытого в 2008 г. в 3,5 км к С—СВ от городища. В 2009 г. Средневековой экспедицией Харьковского государственного университета было исследовано около трети его общей площади ($\approx 1500 \text{ м}^2$). В салтовском культурном слое и в комплексах обнаружено значительное количество артефактов, свидетельствующих о его ремесленной специализации.

Одно из жилищ оказалось одновременно и кузнечной мастерской с широким набором инструментов (молоток-чекан, шарнирные клещи, пробойник, слесарное зубило), которое дополнялось железной ложкой-ляжкой. Здесь найдены железные заготовки и ряд готовых изделий. Кроме того, на поселении найдено еще два зубила и пробойник. Сырьем для кузнеца служило железо, получаемое в непосредственной близости от поселения, что подтверждается находками кусков руды, чернометаллургического шлака и обломками стенок от плавильных колб-тиглей лесостепного типа.

На поселении занимались и производством керамики, что подтверждается находкой двух глубоких ям, заполненных вязкой глиной в смеси с песком и древесным углем (процесс гомогенизации и отощения глины). **51 % всех артефактов площади раскопа** составляют куски рваного камня. Здесь же обнаружено много обломков ротационных жерновов. Земледельческие орудия выявлены в единичных экземплярах, а объекты, связанные с хранением зерна, и вовсе отсутствуют. Все свидетельствует в пользу того, что на этом селище земледелием занимались в очень малом объеме. Обилие рваного камня и обломков жерновов связаны с обработкой камня в процессе изготовления орудий переработки урожая для всей округи городища Мохнач. Osteологический материал здесь весьма беден и немногочислен.

Таким образом, селище «Мохнач—II» — это поселение ремесленников, которые выпускали продукцию для удовлетворения нужд салтовского населения всего микрорегиона. Местные ремесленники специализировались на кузнечном производстве и камнетесном деле, чему имеются явные подтверждения. Вполне вероятно, что они были также связаны с получением черного металла и гончарным производством. Это была небольшая группа северокавказских алан, что косвенно подтверждает керамика. Хронологически селище тяготеет к середине — второй половине VIII в., на что указывает обломок подвески «пастырского» типа. Селище представляло собою небольшой (вероятно, родовой) поселок, отличавшийся определенной экономической самостоятельностью. На это указывает характер его деятельности, а также обособленное расположение на территории данного микрорегиона. Судя по площади, незначительной мощности культурного слоя и количеству ям-западин от комплексов, здесь проживало 3–5 семей в течение относительно недолгого времени — 2–3 поколения. Однако последний тезис будет уточняться в процессе дальнейших исследований.

Э. Е. Кравченко (Донецк)

ПОСТРОЙКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ У с. СИДОРОВО (СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА)

Среди объектов, выявленных при многолетних раскопках крупнейшего из поселений СМК в среднем течении р. Северский Донец, Сидоровского комплекса выделяются остатки построек. Абсолютное большинство их представлено котлованами углубленных в грунт сооружений, отличающихся значительным функциональным разнообразием (жилые, хозяйственные помещения, производственный комплекс). Вполне вероятно присутствие на памятнике и наземных построек, остатки которых могли быть уничтожены в процессе многолетней распашки. В пользу этого

свидетельствует наличие на непопавших участках городища (р. 9–10) очагов и скоплений археологического материала, близких «золям» соседних Маяков.

Углубленные в грунт постройки Сидоровского комплекса представлены полуземлянками, которые иногда достигают крупных размеров (36 м^2). Вполне возможно, что некоторые из них могли иметь наземную часть, прилегающую к котловану. Абсолютное большинство из 17 расчищенных на памятнике котлованов (**68,8 %**) **представляет остатки жилых построек**, определяемых по факту наличия отопительного

сооружения. Они отличаются как по своим конструктивным особенностям (столбовая, бесстолпная конструкция стен, расположение очага или печи), так и по типам отопительных сооружений (открытые очаги, очаги с пристенной выкладкой, комельки, печи-каменки, тандыр). Некоторые жилища имели несколько отопительных сооружений — (2 очага; очаг с комельком, печь с комельком). Показательным является высокий процент (33 %) жилых полуземлянок с печами-каменками. В некоторых полуземлянках (№ 12–13), каменки были расположены у входа и развернуты устьем поперек входа в постройку, что сближает подобные полуземлянки с жилищами, распространенными на территории расселения славянских племен. Обращает внимание присутствие в конструкции печей фрагментов керамики (чаще крупных сосудов), обычным местоположением которых является топка и верхняя часть свода отопительного сооружения. Последнее связано с использованием для сооружения печей известняка, который отличается низкой жаростойкостью.

Характерной особенностью Сидоровского комплекса является наличие построек, врезанных в склоны. Это жилища комбинированного типа, сочетающие в себе элементы полуземлянки и наземной постройки с жердевой конструкцией стен. Их отопительные сооружения также отличаются разнообразием (открытый очаг, очаг с комельком, печь-каменка). Подобных жилищ, по всей видимости, было много, в пользу чего свидетельствуют скопления археологического мате-

риала и пятна от построек на используемых под огороды склонах.

Интерес представляет пом.3 — жилая (?) постройка, в стену которой был встроен гончарный горн. Вместе с расположенным рядом еще одним горном, она представляла комплекс сооружений гончарной мастерской, близкой обнаруженным на Ютановском селище и на древнерусских памятниках более позднего времени. Оба горна, по конструкции, относятся к типу широко распространенному на памятниках СМК лесостепной и степной зоны (ст. Суворовская, с. Подгаевка, Роганинский комплекс, Ютановское селище, Столбище I и II).

Отличаются разнообразием и хозяйственные постройки памятника. Так, расположенный у внутренней линии укреплений котлован № 5, представлял остатки специализированного, по-видимому, связанного с охраной поселения, помещения. В пользу этого свидетельствуют находки на дне предметов вооружения (накладка лука, кистень) и конструктивные особенности (4 наклонные столбовые ямы вдоль восточной стены котлована). С обслуживанием оборонительной системы памятника, по всей видимости, были связаны и расчищенные близ склона в пойму (выше эскарпированного склона) помещения № 9–10, которые, скорее всего, представляли собой хранилища.

В целом, разнообразие построек Сидоровского комплекса свидетельствует о присутствии у его жителей различных строительных традиций, обусловленных сложным этническим составом населения этого салтовского памятника.

А. А. Лантев (Харьков)

НОВЫЙ КРЕМАЦИОННЫЙ МОГИЛЬНИК САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. КИЦЕВКА ПЕЧЕНЕЖСКОГО Р-НА ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Памятники салтово-маяцкой культуры на территории современной Харьковской области разнообразны и многочисленны. Но если поселения выявляют достаточно часто, то находки новых могильников — гораздо более редкое явление.

Осенью 2008 г. в фонды кружка археологии при ХОДДЮТ был передан ряд ритуально испорченных железных вещей со следами пребывания в огне. Среди этих вещей были погнутая сабля, разломанные тренога и вилка для доставания мяса из котла, крупные фрагменты нескольких железных котлов (ручки, днища, пластины стенок). Данные вещи находят аналогии в круге салтовских кремационных захоронений второй половины VIII—IX вв. (Тополи, Новая Покровка, Кочеток, Сухая Гомольша, Красная Горка). Со слов дарителя, вещи были куплены на харьковском рынке древностей. Данный «комплекс» представлял собой современное соединение нескольких разграбленных комплексов-тайничков из неизвестного кремационного могильника. Характер грунта в вещах (гумусированный песок) не позволял отнести «комплекс» ни к Сухогомольшанскому, ни к Красногорскому могильникам. Логичнее всего было предположить, что вещи происходят из окрестностей с. Пятницкого, где также были известны кремационные погребения. Информация о вещах, находимых

грабителями в указанном районе, поступала к археологам с 2007 г.

В апреле 2010 г. автором был случайно открыт могильник, по ряду параметров подходящий к описанному выше неизвестному памятнику. Могильник расположен в 0,4 км южнее оконечности с. Кичевка Печенежского р-на на высоком песчаном мысу, занятом лиственным и хвойным лесом. Грунт в данном месте действительно представляет собой гумусированный песок, переходящий в белый песок уже на небольшой глубине (мыс используется для добычи песка — в нескольких местах он поврежден современными карьерами). Могильник протянулся с северо-запада на юго-восток на 260 м, максимальная его ширина составляет 65 м. Границы фиксировались по многочисленным грабительским шурфам (ориентировочно датируемым 2007–2010 гг.), в отвалах которых встречались вещи, типичные для кремационных салтовских могильников: кальцинированные человеческие кости, пережженные сердоликовые и глазчатые бусы, небольшие фрагменты столовой и кухонной посуды, древесные угольки. Были найдены также крупные фрагменты 3 железных котлов, очевидно, брошенных современными грабителями ввиду их малой стоимости на современном рынке древностей. Найденные артефакты также имеют прямые аналогии

среди салтово-маяцких древностей второй половины VIII—IX вв.

По предварительным наблюдениям, на могильнике можно проследить две локальные группы погребений: более насыщенная погребениями северо-западная небольшим пустым пространством отделена от расположенной чуть выше по склону юго-восточной. Ближе к стрелке мыса (на юго-запад от могильника), на расстоянии 0,3 км, находится сильно поврежденное городище. Такая топография находит прямые аналогии в расположении Сухогомольшанских городища и могильни-

ка, тоже расположенных на границе с древними массивами леса.

Исследование открытого памятника позволит ответить на вопросы о культурных и материальных особенностях населения, оставившего кремационные могильники. Хотя — в силу объективных обстоятельств — на данном памятнике вряд ли будет выявлен хоть один типичный комплекс-тайничок. На примере могильника у с. Кицевка особенно остро встает вопрос о методике исследования и охраны аналогичных памятников, беззащитных перед современными грабителями, оснащенными самой современной поисковой техникой.

М. В. Любичев (Харьков)

ПОГРЕБЕНИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ВОЙТЕНКИ 1 (ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА)

Вопрос о верхней дате культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш на основе сугубо археологических данных, о времени распада ее как гомогенного археологического феномена, является одним из основных в доистории Центральной — Восточной Европы позднеримского времени (ПРВ) — Эпохи великого переселения народов (ЭВПН). Он теснейшим образом связан с проблемами модификации и улучшения европейской хронологической системы, разработки относительной хронологии самой культуры (Щукин, Шаров, 2000). Ранний этап ЭВПН обозначен как «горизонт Виллафонтана» (Bierbrauer, 1992), совпадающий со ступенью D1 (Tejral, 1986) /около 380–410 гг./, с 6 фазой культуры (Гей, Бажан, 1997), фазой D2 в Барбарикуме (Kazanski, Legoux, 1988), 5 (Журовской) фазой культуры (Гороховский, 1988). Этап совпадает с финалом культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш и соотносим в Подунавье с историческими валентиниановским и поствалентиниановским периодами (Tejral, 1997). Стоит учитывать, что поздняя фаза культуры не может рассматриваться в качестве полностью нового горизонта: в ней наряду с уже известными формами встречаются и характерные вещи ступени D (Tejral, 1986). Потому так важно выделение до ступени D1 «постчерняховского слоя» между ступенью C3 и горизонтом Виллафонтана: ступени C3/D1 (Tejral, 1986) или 4 (Масловской) фазы культуры Гороховского (Гороховский, 1988). Большое значение в этой связи имеет введение в научный оборот поздних комплексов и отдельных находок ЭВПН в различных областях ареала культуры.

На поверхности поселения Войтенки еще до начала наших исследований с 2004 г. были собраны некоторые хроноиндикаторы ЭВПН: фрагменты стеклянной посуды определенных типов (Гавритухин, 2007). В подъемном материале на поверхности участка А поселения найдены фрагменты бронзового узлового кольца со сферическими выступами, брон-

зового зеркала с центральной петлей типа Чми-Бригедцио (обе вещи характерны также для горизонта Унтерзибенбрунн или ступени D2). Из культового слоя могильника происходят бронзовые пряжки, характерные для ступени D1, с загнутым язычком и в том числе обоймой сложной формы. По наличию определенных вещей — хроноиндикаторов (*стеклянные тонкостенные кубки* прозрачного или светло-зеленого стекла колоколовидной (шаровидной) формы без орнамента или с напаянными синими каплями, тонкостенные кубки фиолетового стекла, тонкостенные остроконические кубки прозрачного стекла без орнамента; *фибулы* с ромбической ножкой и сплошным приемником, в том числе со щитком на головке, двучленные прогнутые подвязные фибулы с широкой спинкой и площадками, *Zwiebelknopffibel* с треугольной ножкой; *пряжки* с длинным «хоботковидным» язычком, с массивным язычком подтреугольного сечения, с длинным язычком, охватывающим рамку на всю ее высоту, небольшие пряжки с равномерно расширенной или слегка утолщенной спереди рамкой, с обоймой в виде коробочки, с крючком на язычке ниже его тыльного среза; *однослойные костяные гребни* Томас III, некоторые варианты многочастных гребней Томас III; железные трехлопастные *наконечники стрел* типа 1 подтипа «А» по Засецкой, железные шпоры с бронзовыми частями) к ступени D1 предварительно отнесены погребения — кремации 22, 114 (в урне), 95 (в яме); погребения — ингумации 70, 101, 111 (в простой материковой яме), 96 (в яме с заплечиками), 41, 112 (в подбое), 64 (в слое чернозема). Эти предварительные наблюдения подтверждают высказанное нами ранее суждение об археологическом комплексе Войтенки 1 как «хронологической шкале позднеримского времени» области днепро-донецкого водораздела, но теперь с дополнением: «...и начала Эпохи великого переселения народов».

ПРАБОЛГАРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X ВВ. в с. СОЛНЕЧНАЯ ДОЛИНА в ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Прабогларские памятники юго-восточного Крыма т.н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры на территории между пос. Курортное (поселение и некрополь Кордон-Оба) и Судаком (средневековая Сугдея) изучены пока довольно слабо и неравномерно. Исключение составляют поселения, и могильники Оттузской (Щебетовской) долины, детально обследованные М. А. Фронджуло и И. А. Барановым, но почти не введенные в научный оборот.

В этой связи несомненный интерес представляют охранные исследования поселения расположенного на левом берегу реки Кызы к юго-востоку от села Солнечная Долина в направлении села Прибрежное Судакского района АР Крым. Памятник занимает пологие склоны холма, высотой не более 20–22 м, протянувшегося длинной полосой между двумя селами в направлении юго-запад-северо-восток. Основное скопление подъемного материала концентрируется на юго-западных склонах, спускающихся к руслу реки Кызы, впадающей в настоящее время в небольшой водоем. Общая площадь поселения составляет не менее 8 га.

Впервые поселение было открыто разведками М. А. Фронджуло в 1971 г. Автор собрал подъемный материал и высказал предположение о существовании на описанном участке поселения. Однако, кроме двух кратких упоминаний, материалы разведок в отчетах не приводились и опубликованы не были.

В 2010 г. памятник был повторно осматриван и частично исследован. Благодаря охранным раскопкам удалось зафиксировать остатки двух жилых сооружений. От первого дома сохранился фрагмент внутреннего панциря каменного цоколя северной стены, сложенного с использованием техники кладки «в елку». Кроме того, зафиксирован и круглый в плане очаг диаметром не менее 1,0 м, состоящий из несколь-

ких рядов сильно пережженных сланцевых плиток. В заполнении объекта обнаружены мелкие фрагменты кухонной и тарной посуды, типичной для праболгарских памятников юго-восточного Крыма второй половины IX—первой половины X вв. и фрагмент глиняного прясла.

Второе жилое сооружение, расположенное в 33 м к юго-востоку от первого, представлено полуземлянкой с примерными размерами 2,32 × 2,80 м, ориентированной по оси северо-запад-юго-восток. Котлован полуземлянки зафиксирован в стратиграфии раскопа на глубине 0,80 м от уровня современной дневной поверхности. Пол объекта — на глубине 1,10 м. Заполнение объекта представляло собой однородный слой серо-коричневой глины с примесью углей и пещины, перекрытый слоем зеленовато-серой однородной глины.

На полу полуземлянки и в ее заполнении встречен чрезвычайно богатый археологический материал, который можно рассматривать в качестве закрытого комплекса. Характерными его особенностями является наличие только причерноморских амфор с зональным рифлением и чрезвычайно архаичного комплекса кухонной лепной керамики, богато и разнообразно орнаментированной по краю венчика. Подобная посуда обнаружена в средневековой Сугдее в виде фрагментов в комплексах первой половины VIII в. К сожалению, немногочисленные индивидуальные находки не позволяют датировать комплекс точнее. В перекрышах полуземлянки горизонте обнаружены мелкие фрагменты керамики, аналогичные найденным в заполнении дома 1 с каменным цоколем.

Столь ранняя дата исследованного поселения позволяет ставить вопрос не только об этапах и особенностях развития данного поселения, но и о времени заселения праболгарами юго-восточного Крыма.

К. В. Мызгин (Харьков)

МОНЕТНО-ВЕЩЕВЫЕ КЛАДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории черняховской культуры известно более 180 кладов римских монет. Далеко не все они являются сугубо монетными — существует ряд кладов, содержащих наряду с монетами другие предметы: украшения, предметы роскоши, предметы быта и пр. В научной литературе они получили обозначение «монетно-вещевых кладов». И если в целом изучению кладов посвящено большое количество работ, то на нынешний момент так и не появилось ни одного специального исследования, которое бы касалось исключительно монетно-вещевых кладов. Крайне бегло этот вопрос рассматривали М. Ю. Брайтчевский, В. В. Кропоткин, А. А. Нудельман.

На сегодняшний день в научной литературе, а также по нашим сведениям, на территории черняховской культуры известно о 14 монетно-вещевых кладах. Из

них достоверной является информация о 12 кладах, и 2 клада можно отнести к малодостоверным.

Обнаружению в составе кладов вещей способствовало то, что практически все они находились компактно, то есть были упакованы в сосуд — глиняный или металлический. Возможно, вещи содержали также и клады без упаковки, но информации о подобных случаях нет. Известен один клад, находившийся в кожаном мешочке (Чутово Полтавской обл.).

Все известные монетно-вещевые клады расположены в пределах лесостепной зоны и не встречаются в Молдове и Северном Причерноморье.

Практически все клады содержали серебряные римские денарии. Исключение составляет клад золотых солидов, обнаруженный возле с. Рублевка Полтавской обл. Количественно монетно-вещевые клады

также не однородны: два клада содержало от 30 до 50 монет; 10 кладов — от 100 до 400 монет; в двух кладах было более 1000 монет.

Хронологически монеты из монетно-вещевых кладов представлены двумя группами: монеты конца I—начала III вв. (10 кладов) и монеты конца IV—начала V в. (1 клад). Даты монет одного клада не известны. По всей видимости, монетно-вещевые клады являлись кладами долгого накопления: в них содержались вещи, характерные для черняховской культуры на ступенях СЗ и D1. Косвенную информацию о дате выпадения кладов содержит клад из с. Пустоваровка, содержащий наряду с монетами конца I—начала III вв. серебряное кольцо, к которой была привешена монета Констанция II (337–361 гг.).

Нам представляется возможным выделить четыре основных типа монетно-вещевых кладов, известных на территории черняховской культуры:

1 тип: клады, содержащие украшения и/или предметы одежды (бусы, фибулы, пряжки, подвески, височные кольца): Старая Романовка Житомирской обл.; Пустоваровка Киевской обл.; Крячковка Полтавской обл.; Турия Черкасской обл.

2 тип: клады, содержащие бытовые вещи (кресало, кремь, пряслице): Чутово Полт. обл.

3 тип: клады, содержащие эксклюзивные для черняховской культуры вещи (золотые изделия): Рублевка Полтавской обл.; Збуж Ровненской обл.; Нежин Черниговской обл.

4 тип: клады, содержащие серебряный лом (слитки серебра, лом украшений или римской серебряной посуды): Сереховичи, Волынской обл.; Калантаево Кировоградской обл.; клад из Среднего Поднепровья.

Разнородность вещевого состава рассматриваемой категории кладов позволяет уяснить их функциональное назначение. Для черняховского населения, в среде которого только зарождались товарно-денежные отношения, эти клады, по всей видимости, являлись не более, чем собранием ценных вещей, своеобразной сокровищницей — монеты не являлись в них сокрытым участником внутреннего денежного оборота. Об этом свидетельствует их состав: практически все они содержали исключительно высококачественные серебряные римские денарии первых веков н. э. Клады, напротив, содержащие монеты, участвовавшие во внутриторговых операциях, включали бы в себя медные и бронзовые монеты IV–V вв., как это имеет место в монетных кладах западнее Днестра (такие клады правильнее было бы назвать «денежно-вещевыми»). Однако нам такие находки не известны.

М. С. Сергеева (Киев)

РОГООБРАБОТКА В ВОИНСКОЙ ГРЕБЛЕ

В результате исследования древнерусского города Воиня (совр. с. Воинская Гребля Черкасской обл.), предпринятого в конце 50-х гг. XX в., было обнаружено большое количество артефактов, связанных с обработкой кости и рога: готовых изделий, остатков сырья, заготовок и полуфабрикатов, дающих представление об уровне развития местного косторезного производства.

В косторезном деле Воиня использовали как животную кость, так и плотный рог диких копытных (олений, лосей, косуль). Рог как сырье полностью преобладает, что вызывает необходимость отдельного детального исследования местной рогообработки.

Среди рогов с сохранившимися розетками (нами учтено 10), 3 экземпляра принадлежат сброшенным рогам и 7 — снятым с убитых животных. Таким образом, использовались оба возможных пути получения рогового сырья: охота и осенний сбор сброшенных рогов.

Плотный рог вязок и упруг, он легко режется. Следы орудий на заготовках и полуфабрикатах свидетельствуют, что основным орудием обработки рога был нож. На некоторых отходах и заготовках прослеживаются следы пилы, которую использовали для отделения требуемой части рога. Воинские ремесленники практиковали отломку заготовки от остальной части после надпила.

Среди материалов, связанных с начальными стадиями рогообработки, чаще всего встречаются отпиленные и обструганные местами куски рога, фрагменты рога с полностью или частично обструганной

поверхностью, небольшие обрезки. Имеются экземпляры с измененной формой, но еще не доведенные до стадии полуфабриката, когда предмет уже можно определить. Найдено несколько заготовок для роговых пластин.

В косторезном деле для изготовления продукции выделяются четыре технологические схемы: 1) полное и 2) частичное сохранение формы исходного сырья; 3) использование осколков; 4) различные системы раскроя сырья. В рогообработке применялись вторая и четвертая технологические схемы. По второй технологической схеме изготавливались емкости из рога, игольники, псалии. Рог имел свою систему раскроя, которая предполагала удаление малоприспособных для дальнейшего использования частей. В основном это кончики отростков и нижняя часть с розеткой. Из частей, которые оставались в работе, получали объемные заготовки (бруски) и пластины. Объемные заготовки разных размеров шли на изготовление кистеней, ручек ножей, а также различных мелких предметов. Пластины лежали в основе изготовления гребней, деталей сложного лука, различных видов накладок.

К изделиям, для которых рог был единственным видом сырья, относятся емкости, псалии, игольники определенной разновидности. Только из рога изготавливались гребни (односторонние наборные и двусторонние цельные), что соответствует общеевропейской традиции.

Частично рог применялся в изготовлении ручек ножей, изредка — стержневых пуговиц. Из двух кол-

чанных петель, происходящих с памятника, из рога сделана одна, вторая — из кости.

Под вопросом остается возможность использования в косторезном производстве полого рога. С рассматриваемого памятника происходит несколько роговых стержней со спилами, а в одной из клеток найдено два роговых чехла. Однако изделий из полого рога не обнаружено, что характерно для древнерусских памятников в целом, включая Новгород с его исключительно благоприятными условиями для сохранения органических остатков. Одним из возможных вариантов применения полого рога для произ-

водства является его использование в качестве технического сырья.

При наличии рога на разных стадиях обработки не обнаружено мест его большого скопления, нет и других признаков функционирования косторезной мастерской. Значительную часть продукции отличает относительно невысокое качество. Все это может свидетельствовать о том, что рогообработка (как и косторезное ремесло в целом) в древнерусском Воине в основном практиковалась как вспомогательный вид производственной деятельности.

В. В. Скурда (Харьков)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА I—VII АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ

Археологические съезды, которые начали проводиться в России с конца 60-х гг. XIX в., сыграли значительную роль в разработке теоретических и практических проблем, стоящих перед археологами того времени. Одним из злободневных вопросов, которым уделялось внимание на каждом археологическом съезде, был вопрос, связанный с определением этнической принадлежности памятников различных эпох, включая средневековые.

Участники I Археологического съезда в Москве (1869) решали проблему выделения специфических признаков, по которым можно было определять славянские погребения. Первую попытку такого определения предпринял чешский археолог Воцел. Наиболее серьезный вклад по определению этнической принадлежности средневековых памятников внес А. С. Уваров. Ученым, на основании изучения ряда поселений и более тысячи курганных захоронений, была предпринята достаточно успешная попытка определения границы территории летописных мерян (IX—XI вв.), отнесенных им к финскому этносу. Памятники, относящиеся к финскому племени чудь, были выделены А. Г. Тышинским среди древностей Архангельской губернии. М. Ф. Кусцинский отмечал наличие черт, присущих скандинавским захоронениям, в средневековых курганах «в местностях России, близких к Балтийскому морю».

В ходе работы II Археологического съезда (С.-Петербург, 1871) следует выделить выступление А. И. Павинского, в котором он соотнес погребения в районе немецкого города Мекленбурга с полабскими славянами. Славянскими, по мнению А. П. Волкенштейна, являлись и жалники Валдайского уезда Новгородской губернии.

А. И. Павинский продолжил работу в данном направлении и на III Археологическом съезде в Киеве (1874). Ученый выделил основные черты захоронений западных славян VIII—IX вв. Огромное значение для развития отечественной археологии имело определение Д. Я. Самоквасовым особенностей курганных захоронений славянского племени северян. К данному типу захоронений Н. А. Константиновичем были отнесены все средневековые курганы Черниговской губернии.

На IV Археологическом съезде в Казани (1877) Л. К. Ивановский, опираясь на материалы, полученные во время раскопок курганов X—XI вв. на р. Сити в Ярославской губернии отнес к племени весь, а курганы IX—XI вв. на территории «Вотьской пятины Новгородской земли» определил как славянские. Курганы на территории Лифляндской губернии, которые носили название «корабельные могилы», К. Сиверс признал норманнскими.

Стоящим вниманием на V Археологическом съезде (Тифлис, 1881) следует признать доклад Н. Е. Брандебурга, который отмечал, что курганные захоронения X—XI вв. раскопанные на южном побережье Ладожского озера, имеют большое сходство с мерянскими. А. И. Кельсиев, рассматривая вопрос о каменных бабах, сделал предположение, что они могли принадлежать таким народам как готы, гунны, половцы и ногайцы.

Из докладов, прочитанных на VI Археологическом съезде в Одессе (1884) непосредственное отношение к проблеме этнической принадлежности средневековых памятников, следует отметить выступления Д. Я. Самоквасова и Н. Е. Брандебурга. Первый — разделил курганные захоронения Александровского уезда Екатеринославской губернии на 4 типа, один из которых он отнес к татарам золотоордынской эпохи. Второй — рассматривая находки фибул и пряжек X—XI вв., выделил среди них типы, относящиеся к скандинавам и финнам.

На VII Археологическом съезде в Ярославле (1887) Н. Е. Брандебург среди захоронений Волховских курганов достаточно четко выделил финские (весь) и славянские погребения. Н. И. Троицким на основании раскопок средневековых курганов в бассейне р. Сулы было выделено племя суличей, обряд захоронения которых значительно отличался от северянского. Опираясь на материалы курганных захоронений с территории Среднего Поволжья, В. Поливановым была предпринята попытка определить границы расселения племен буртасов и ерзя.

Таким образом, можно констатировать, что вопросам этнической принадлежности средневековых памятников на рассмотренных нами археологических съездах уделялось значительное внимание. В первую очередь это относится к курганным захоронениям.

О. Б. Супруненко, С. В. Маєвська (Полтава)

ЗОЛОТООРДИНСЬКЕ ПОХОВАННЯ У ПОНИЗЗІ ПСЛА

Під час науково-рятивних розкопок групи курганів II поблизу с. Волошине Дмитрівської сільської ради м. Комсомольськ Полтавської обл. (правий берег р. Лизька — вододіл рр. Сухий Кобелячок—Псел) досліджений розораний курган № 2, діаметром 20 м і висотою 0,65 м. Під ним знаходилося поховання золотоординського часу та яма епохи раннього бронзового віку.

Заслугує на увагу впускне поховання 1 золотоординського часу, виявлене у південно-східній полі кургана. Розміри ями: по верху — 0,70–0,85 × 2,20 м, у передненні — 0,67–0,78 × 2,35 м, глибина — 0,70 м від рівня похованого ґрунту.

Посередині ями знаходилося дощате гробовище прямокутної в плані форми, з незначним розширенням у північно-східній частині. Зверху воно було перекрите двома широкими дубовими дошками (шир. 20 см, товщ. 3 см). Дощата покривка мала розміри — 0,40–0,45 × 1,85 м, слідів кріплення дошок не виявлено. На обох дошках посеред розширеної частини розміщувалася округла випалена пляма, діаметром 9 × 12 см, позначена масткими вуглинками від зотлілого світильника або скалки.

У північно-західному кутку ями, під стінкою знаходилися берцева і таранна кістки вівці, накриті лівою лопаткою цієї ж тварини. Під ними лежала ліва променева кістка молодого кобили. Поряд виявлені залізні ніж і рамка пряжки.

Гробовище мало дещо тонші дощаті стінки й аналогічне за розмірами, також влаштоване з двох поздовжніх дошок, дно. Загальна висота «труни» реконструювалася як 0,20–0,27 м, з підвищенням в головах з північного сходу.

Посеред гробовища, в анатомічному порядку лежав скелет жінки, у віці 16–18 років. Положення

похованої встановлюється як випростане на спині, головою на північний схід, з випрямленими вздовж тулуба руками, кистю правої — на миску, лівої — під тазом. Ноги і стопи — випростані. Голова була розвернута на ліву скроню, обличчям на південь — в бік кибли.

Поховану супроводжував нечисленний, проте, досить виразний інвентар, за яким і здійснена культурно-хронологічна атрибуція комплексу. Зліва від черепа знаходилися дві видовжені пустотілі берестяні деталі головного убору — бокки, між якими збереглася залізна шпилька з роздвоєним стрижнем. В одному із сувоїв берести від головного убору виявлені більше 20 кістяних намистин та рештки двох тонкодотяних скроневих підвісок зі срібла, залишки текстильно-повстяних деталей бокки. Між кістками ніг лежали залізні кругла чаша з петельчастою дротяною дужкою та кресало з дерев'яною ручкою. Під кістками кисті лівої руки знаходився кремій.

Похована була викладена на шматок повсті чорного кольору, тлін від якої встилав дно гробовища. На черепі відзначені невиразні відбитки текстилю і повстяної основи головного убору. Перед черепом та в ногах містилися вуглини.

Під гробовищем на дні ями, під грудним відділом скелету похованої, розміщувалася прямокутна ямка, розміром 12 × 13 см і глибиною 6 см, заповнена білим материковим піском. В ній лежали 3 хребці напівдорослої особини вівці, з обрубаними ребрами. На стінках ямки відзначені невиразні сліди текстильного тліну.

Досліджене поховання належить молодій жінці-кочівниці із вільної заможної родини й може датуватися другою половиною XIII—початком XIV ст., тобто, середньозолотоординським часом.

С. П. Тараненко (Київ)

ДО ПРОБЛЕМ ІСТОРИЧНОЇ ТОПОГРАФІЇ ДАВНЬОРУСЬКОГО ПОДОЛУ КИЄВА

Незважаючи на багатолітнє історичне дослідження і понад шістдесятирічне археологічне вивчення Київського Подолу, існує чимало питань, без вирішення яких важко уявити справжній вигляд давньоруського посаду. Одним з таких питань є з'ясування його кордонів та вивчення об'єктів, які їх визначають. Оскільки з півночі й північного сходу Поділ був обмежений р. Почайною, а з півдня й південного заходу Київськими горами, то білими плямами лишаються південь, південний схід та північ, північний захід. Об'єктами, які маркують кордони посаду давньоруського часу, є пристань з південного боку та оборонна лінія — стовп'є з північного.

Пристань. До проблеми локалізації подільської гавані не раз зверталися дослідники Києва XIX—XX ст. — М. Максимович, М. Петров, І. Іванцов. Майже всі повідомлення вказують на можливе розташу-

вання гавані-пристані в районі сучасної Поштової площі. На жаль, південна та південно-східна частина Подолу археологічно вивчена недостатньо. Але дослідження останніх років на вул. Набережно-Хрещатицькій, 1 а у 2007 р. виявилися найбільш інформативними у вирішенні даного питання.

Виявлені потужні дерев'яні конструкції, напрямом яких простежений на всій площі ділянки з північного заходу на південний схід. На наш погляд, їх призначенням було зміцнення берегової лінії. Алювіальні прошарки між будівельними горизонтами маркують повені. Після чергового паводку зводили нові лінії укріплень. Характер стрімкого берега, за даними геоморфологов, свідчить про підмивання його русловим потоком. Непрямим підтвердженням розташування у цьому місці пристані є знахідки корабельних деталей, фрагмент мармуру й залишки чисельних водоростей.

Таким чином, історико-археологічні дані дозволяють реконструювати місцезнаходження пристані, що розташовувалася в природній гавані, яку утворила річка Почайна між сучасними вулицею Борічев узвіз і Поштовою площею.

Стовп'є. Дослідники Києва (М. Закревський, М. Петров, І. Іванцов, П. Толочко, М. Сагайдак) пов'язували місцезнаходження стовп'я з руслом Юрковицького ручая (Сетомлі), який в кінці XIX століття був заведений у колектор на трасі вулиць Ніжньорківської та Юрківській. Очевидно саме цей ручай був зафіксований у 1991 р. на Юрківській 12/59.

Аналіз даних з розкопів північно-західної частини Подолу дозволяє нам вважати, що крайня західна позначка планувальної мережі міста для XII століття проходила за сучасною вул. Юрковською і відповідно, оборонну лінію ми можемо перенести за точку розкопа по вул. Константинівській, 61. При цьому, крайня північно-східна позначка, за якою могло знаходитися стовп'є, виходить за межі розкопки на вул.

Оболонській, 45/47. З'єднуючи ці точки, ми отримуємо лінію, за якою гіпотетично могло проходити стовп'є. Запропонована лінія, практично, повторює зображення стовп'я на плані М. Закревського. Але, враховуючи те, що цей план не є інструментальним, для нанесення оборонної лінії на топографічну карту він не може бути використаний. На наш погляд, доцільніше використовувати карту Києва 1803 р.

Таким чином, посиляючися на дані історичних досліджень, картографії й геоморфології, археології, ми можемо запропонувати реконструкцію розташування стовп'я: воно не виходило за трасу сучасної вул. Оленівської, далі перетиналося з вул. Юрківською (ідесь в цьому ж місці з Юрковицьким ручаем), далі, повертаючи різко на схід, перетинала вул. Межигірську й Оболонську, аж до впадіння в р. Почайну, йшло паралельно вул. Турівській. Зрозуміло, це лише припущення, яке базується на історико-археологічних даних. Вказати більш точні координати лінії стовп'я можна буде після його археологічної фіксації.

Д. В. Фінадоріна (Київ)

ПІЧНА КАХЛЯ XVII СТ. З РОЗКОПОК КИЇВСЬКОГО АРСЕНАЛУ

В результаті археологічних досліджень на території Старого Київського арсеналу 2005–2009 рр., споруду якого було побудовано на місці садиби жіночого Вознесенського монастиря XVII ст., вдалося зібрати велику чисельну та репрезентативну колекцію керамічних матеріалів, значну частку якої складають зразки пічної кахлі. Варто відмітити, що зазначені матеріали в багатьох випадках походять з т. зв. закритих археологічних комплексів, датованих монетними знахідками. Зважаючи на це, зазначена колекція при належному опрацюванні цілком може стати еталонною як для Києва, так і для Середнього Подніпров'я взагалі.

За специфікою орнаментального мотиву українськи кахлі згаданого регіону зазвичай поділяються на вироби з 1) рослинним, 2) геометричним, 3) змішаними, 4) сюжетним та 5) геральдичним декором. Всі ці декоративні різновиди присутні й у складі колекції з території Старого Київського арсеналу.

Найбільш чисельною й показовою тут є група виробів з різними варіаціями рослинного орнаменту, зокрема такими популярними на той час мотивами як квітковий, мотив крину, трилистника, акантової композиції тощо. Переважно це лицьові виповнюючі кахлі з квадратною пластиною розмірами 18–20 × 18–20 см і румпою 9,0 см заввишки. Композиція зазвичай центрична, побудована за чотиричленною осьюовою схемою. Зафіксовано як полив'яні, так й неполив'яні вироби, причому іноді з абсолютно однаковою орнаментальною схемою. Полива в основному зеленого кольору.

Друга за кількістю виробів група представлена кахлями з геометричним орнаментом, серед варіацій якого варто виділити вироби, прикрашені солярними знаками, різними геометричними фігурами або архітектурними елементами на кшталт балясін. Цей тип декору

представлений як на зразках лицьової виповнюючої, так і карнизної, пояскової та увінчуючої кахлі.

Невелику серію знахідок утворюють полив'яні кахлі з сюжетним декором. Йдеться про стилізоване зображення звіра, зовні схожого на лева. Пластина має увігнуту форму розмірами 13,0 × 17,0 см, висота румпи — 8,5 см. Вироби з аналогічним (але не тотожним) орнаментом свого часу було знайдено під час розкопок у Верхньому Києві, зокрема на Киселівці та Старокиївській горі.

Кохлі з геральдичними сюжетами у даній колекції представлені неполив'яними кахлями з мотивом «погоні» — герба Великого Князівства Литовського. Розміри пластини — 18,0 × 18,5 см, висота румпи — 7,8 см. До цього ж різновиду відноситься й група фрагментів із зображенням герба у картуші. Певні аналоги цим виробам можна знайти у матеріалах розкопок Батурина, але встановити точну приналежність герба поки що не вдалося. Додамо, що два останні декоративні різновиди не часто трапляються у монастирських комплексах і тому заслуговують на окрему увагу.

За результатами попереднього порівняльного аналізу доволі значна кількість арсенальських кахель має прямі аналоги у синхронних археологічних комплексах Києва, передусім серед матеріалів Києво-Печерського заповідника. Підкреслимо, що у даному разі йдеться не лише про загальну типологічну спорідненість виробів, а про подібність їх на рівні конкретних морфологічних деталей. Вірогідно, що пічне оздоблення Вознесенського монастиря (принаймні у деяких випадках) виготовлялося у тих же майстернях, що й кахлі Печерської лаври і, можливо, як складова частина одного й того ж замовлення. Але цей висновок, зрозуміло, потребує більш докладного вивчення як арсенальських, так і лаврських матеріалів.

Е. А. Шкрибитько (Донецк)

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ СВЯТОГОРСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПЕЩЕРНОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Религиозный ренессанс, который сейчас переживает Украина, способствовал переосмыслению и переоценке традиционных взглядов на роль религии и Церкви в духовной жизни общества. Это находит отражение в мероприятиях, связанных с возрождением православных храмов и изучением их истории. Глядя на величественные Святые горы, с трудом представляешь, сколько событий пережил этот духовный центр Слобожанщины! К сожалению, несмотря на многочисленные археологические исследования и научные гипотезы, нет общепризнанной даты основания Святогорского пещерного монастыря на правом берегу Северского Донца.

Перечислим основные гипотезы:

1. Харьковский протоиерей П. Г. Фомин считал, что первооснователем пещер в меловых горах Подонцовья мог быть еще доисторический человек каменного или бронзового века, а в XI в. пещерный комплекс приспособил под монастырь монах Киево-Печерской лавры о. Никон. Аргументация — обработка и архитектура пещерной Иоанно-Предтеченской церкви и трапезной пещеры возле нее.

2. Гипотеза историка Слобожанщины Д. И. Багалея относит появление монастыря или церкви к середине XIII в. (к домонгольскому периоду), когда местное население построило тут оборонный пункт для защиты от кочевников с юга.

3. Распространена гипотеза об основании обители в Святых горах монахами Киево-Печерской лавры (после 1240 г.). Она подается в виде предания и не упоминается в источниках XVII—XVIII вв. Предположительно ее автором был преосвященный Иннокентий, возглавлявший в 40-х гг. XIX в. Харьковскую епархию. Различные источники свидетельствуют, что рядом с монастырем находились крупные татарские поселения. Существование здесь православной обители в XIII в. сомнительно.

4. Археологи А. В. Шамрай, Э. Е. Кравченко и М. Л. Швецов допускают, что название «Святые горы» и культовый центр на этой территории могли появиться во второй половине XIII—XIV вв. Отмечается, что часть жителей, находившихся вблизи мона-

стыря поселений (Царино городище и др.), исповедовала христианство по греческому обряду. Это подтверждают археологические находки: клейменные греческими буквами днища керамических горшков, каменная иконка, медный позолоченный медальон с изображением св. Николая.

5. Популярна гипотеза об основании Святогорского монастыря в XV в. афонскими монахами. Автор — настоятель монастыря архимандрит Арсений (40–50-е гг. XIX в.). Он аргументировал гипотезу афонским обрядом погребения святогорских монахов в пещерном некрополе, что научно не подтверждено. Возможно, появление гипотезы связано с почитанием Арсением традиций Афона.

6. Директор Святогорского историко-архитектурного заповедника В. Н. Дедов считает, что в «Записках» С. Герберштейна под 1526 г. зафиксирована местность Святые горы, где находилась российская сторожа.

7. Донецкий историк В. А. Пирко полагает, что изначально здесь было стационарное поселение монахов-аскетов.

8. Историки В. Н. Дедов и Э. Е. Кравченко считают, что Святогорский монастырь основан между 1596–1620 гг., т.е. после Брестской церковной унии. Д. И. Багaley также отмечал, что его могли основать или возобновить бежавшие от унии украинские монахи. Авторы аргументируют гипотезу историческими источниками и результатами археологических раскопок 1989 г. под меловой скалой. Но последняя аргументация сомнительна, поскольку археологические слои перемешаны. Показательно, что в «Синодике» основание Святогорского монастыря датируется примерно 1610 г. В царской жалованной грамоте 1624 г. указывается уже существующий монастырь, поскольку первое государственное жалование обитель получила в 1620 г.

Таким образом, в литературе изложены разнообразные гипотезы о происхождении названия «Святые горы» и основании здесь православного монастыря. Возможно, новые археологические раскопки и поиски новых документальных свидетельств раскроют ранее не известные страницы истории Святогорья.

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. Алексеенко (Севастополь)

НОВЫЙ МОЛИВДОВУЛ САМУИЛА АЛУСИАНА, ВИЗАНТИЙСКОГО ПОЛКОВОДЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.

Среди обилия византийских подвесных печатей — моливдовулов специальную группу составляют буллы, которые помимо традиционных сведений о своих владельцах (имя-ранг-должность) нередко несут и данные об их принадлежности к высшим аристократическим кругам империи. Византийские хронисты повествуют о достаточно многих видных деятелях византийского государства, зачастую называя их титулы и ранги, исполняемые должности и превратности карьеры. Однако, еще большее число представителей имперского нобилитета обойдено их вниманием. И здесь на помощь приходят памятники сфрагистики. Многие из византийских вельмож стали известны лишь благодаря находкам печатей. Таким образом, каждая новая находка моливдовула с родовым именем дает нам возможность ввести в оборот новую ценную информацию об их владельцах и не только расширить наши представления в области византийской просопографии, но иногда и значительно пополнить сведения о знатных семействах империи, отдельные представители из которых нередко являлись известными историческими личностями.

Для исследователя-сфрагиста всегда большая удача, когда моливдовул удастся соотнести с реальным историческим персонажем и на основе совокупности данных письменных, эпиграфических и сфрагистических источников (если таковые имеются) так или иначе проследить судьбу владельца печати.

Новый моливдовул Самуила Алусиана как раз так демонстрирует такую возможность.

На лицевой стороне печати представлено изображение Богоматери, восседающей на троне без спинки

и держащей младенца Христа на коленях; на оборотной — семистрочная надпись в линейном ободке — «Богородица, помоги Самуилу проедру и дуке из рода Алусианов».

В соответствии со стилистическими особенностями моливдовул датируется XI в.

Род Алусианов был хорошо известен среди аристократических фамилий Византии. Сам Алусиан являлся вторым сыном последнего болгарского царя Ивана-Владислава. История сохранила и сведения о двух его сыновьях, превративших имя отца в патроним: Василии — правителе Эдессы в 1068–1071 гг. и его брате — военачальнике Самуиле, командовавшим в тот же период византийскими элитными войсками Запада.

В свое время булла Самуила Алусиана была предметом исследований известного болгарского ученого В. Златарски, который предлагал ее датировать временем не ранее 1069 г., когда Самуил был назначен главнокомандующим византийских войск в Арменияке и не позднее 1071 г., поскольку после свержения Романа IV Диогена он был отстранен от должности и потерял былое значение. Эту датировку поддержали и другие исследователи. В то же время В. Зайбт предложил отнести моливдовул из собрания М.-Л. Зарниц к 70–80-м гг. XI в.

Анализ сложившейся в византийской армии ситуации в последней трети XI в. и рассмотрение всех известных в настоящее время печатей Самуила Алусиана, на наш взгляд, не только позволяет уточнить его *cursus honorum*, но и очевидно согласиться с датировкой его печатей временем, предложенным в свое время В. Златарским.

К. Ю. Бардола (Харьков)

ПРИНЦИПЫ ВИЗАНТИЙСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Современная экономическая наука достаточно внимания уделяет проблематике налогообложения. Достигновения экономической науки позволяют выделять определенные элементы налоговой политики того или иного государства в систему налогообложения, а также определять те или иные налоговые принципы

и методы, которые используются при функционировании этой системы.

В медиевистике в целом, и в византинистике в частности, исследователи очень редко использовали достижения экономистов-теоретиков в плане определения налоговых принципов. Во многом это было

связано с тем, что средневековые правительства практически никогда не публиковали отдельными программами основные положения политики налогообложения, и уж точно не выделяли налоговые принципы как таковые.

Среди исследователей, изучающих историю византийской экономики, известна лишь одна попытка определить принципы византийского налогообложения. Она была сделана В. В. Серовым и касалась в основном истории позднеимперского и ранневизантийского налогообложения. Вероятно поэтому, эта тема во многом еще остается «terra incognita» для византистики.

Начиная с XVII в., экономическая наука пыталась определить принципы оптимального или «сбалансированного» налогообложения. Сначала У. Петти, затем А. Смит, а потом и другие пытались сформулировать основные принципы налогообложения, необходимые для успешного функционирования налоговой системы. В дальнейшем экономисты вносили определенные изменения в этот список и в целом принципы налогообложения могут быть классифицированы следующим образом.

— Экономические: принцип эффективности; принцип прогнозирования; принцип нейтральности.

— Организационные: принцип универсальности (равномерности); принцип удобства; принцип стабильности; принцип гармонизации.

— Правовые: принцип доверия; принцип законности; принцип законной приоритетности.

Несомненно, византийское налогообложение во многом отличалось от современного налогообложения. Тем не менее, византийское правительство также придерживалось определенных правил налогообло-

жений, которые иногда благодаря постоянному использованию, логической и юридической обоснованности, вполне можно определить как налоговые принципы. К сожалению, эти правила не были объединены в отдельный документ или программное произведение, а были разбросаны по различным законодательным актам, посвященным вопросам налогообложения.

Основные налоговые принципы, которые декларировались византийским правительством, были «законность» и «справедливость», хотя суть этих принципов менялась в соответствии с той или иной налоговой политикой византийского государства.

К середине VI ст. в византийской налоговой политике постепенно складывается принцип «удобства», который предполагал рационализацию налоговых приемов и методов в интересах налогоплательщиков.

К этому же времени можно отнести складывания принципов «определенности» и «всеобщности». Хотя надо отметить, что эти принципы имели определенные особенности и их не всегда придерживались византийские императоры.

Часто используя налогообложение как средство регулирования социальной стабильности в обществе, византийское правительство в меньшей степени придерживалось принципов «нейтральности» и «гармонизации». Это приводило к некоторым перегибам в государственном экономическом регулировании, с одной стороны, и ухудшению позиций на международной арене, с другой.

В целом, можно сказать, что византийской налоговой политике не были чужды принципы налогообложения, на которых основана налоговая политика многих современных государств.

Н. Н. Болгов, А. Ю. Рышковская (Белгород)

СВ. МАТРОНА ПЕРГСКАЯ (V в.) И ЕЕ ЖИТИЕ¹

Житие Св. Матроны поднимает многие темы, характерные для произведений «женской» агиографии. Как и Мария Египетская, она жила в то время, когда монахини часто переодевались в мужчин и подвизались в мужских монастырях.

Родиной Матроны был город Перге в Памфилии. В V в. Перге был резиденцией епископа и имел три большие базилики. Ее жизнь обычно относят к V в. У Матроны был жестокий муж Домитиан, но она оставалась мирянской, вела благочестивый и аскетический образ жизни, занимаясь благотворительностью. В то же время, ее биография имеет некоторые особенности, например, ее дальние путешествия. Хотя Матрона провела много лет настоятельницей монастыря в Константинополе, самые прославленные для нее — первые три года ее монастырской деятельности, которые она провела в сокрытии в мужском монастыре Бассиана.

В то же время она была известна как историческая фигура, которая в преклонном возрасте осмелилась

противиться монофизитской политике императора Анастасия I (491–518). Она упоминается в «Церковной истории» Феодора Анагносты под 460 г. (когда Даниил Столпник воздвиг свой столп) говорится, что многие люди преуспели в то время в монашестве, «среди них известна Матрона, которая покинула свой дом, благосостояние и супруга и намеревалась принять вид внуха, вступив в мужской монастырь».

Феофан Исповедник рассказывает, что император Анастасий, действуя через патриарха Македония II (496–511), оказывал давление на ряд известных монастырей Константинополя, чтобы заставить их примкнуть к линии его антихалкидонской религиозной политики. Среди них был монастырь Матроны и Бассиана. Матрона, горячая сторонница Халкидона, твердо стояла против общения с официальной церковью. Македоний мудро решил оставить в покое непокорные монастыри. Этот эпизод помещен Феофаном, чьи даты не всегда достоверны, под 498/499 г. н. э.

¹ Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность — Ранняя Византия».

Упоминание в Константинопольском Синаксаре указывает, что Бассиан Маркиан (450–475) учредил монастырь в Константинополе, в который Матрона вступила в мужском обличи.

Один кондак (после 555 г.) повествует, что Матрона, родом из благочестивой семьи, была выдана замуж ее родителями, но она делала все, чтобы избежать супружеских связей со своим мужем, но, тем не менее, родила дочь.

Житие Матроны (*vita prima*) сохранилось в рукописи XI в. Ипполит Деле предположил, что ее автором мог быть монах из монастыря Бассиана. Житие написано в общепринятом и простом агиографическом стиле, но огромный размер необычен для такого текста.

Деле считал, что текст имеет сомнительную ценность, он написан не ранее сер. VI в. Его скепсис вызывают романтическая история о странствии Матроны на Ближний Восток, степень распространенности язычества в Берите, роль диакона Маркелла из Эмезы. Новая церковь св. Марии в Иерусалиме была освящена в 543 г. Следовательно, Житие не могло быть написано до сер. VI в. Некоторые другие сведения, однако, убедительно показывают, что автор

пользовался не только устной традицией и собственными соображениями, но, как он сам заявляет, и письменными источниками.

Происшествие, связанное с обнаружением главы св. Иоанна Крестителя, упоминаемое с единственной целью — связать это чудо с Матроной, также можно рассматривать как сомнительное. На самом деле, глава Иоанна была обнаружена в феврале 452 или 453 г. Остается только две хронологические привязки: возвращение Матроны в Константинополь, вероятно, имело место между 472 и 474 гг., а ее соперничество с императором Анастасием происходило ок. 500 г.

Предполагают, что если она вступила в монастырь Бассиана не позже 455 г., она могла родиться ок. 430 г. и умерла в 510–515 гг.

Житие Матроны нельзя рассматривать как совершенно достоверный документ. В то же время, оно дает нам некоторые уникальные факты в описании обстановки византийской столицы в V в.

Немного известно и о культе св. Матроны. День ее памяти отмечался 9 ноября. Ее культ постепенно угас в период Палеологов, так как нет упоминаний о нем в сочинениях русских паломников.

А. М. Болгова, О. А. Харченко (Белгород)

РИТОР ХОРИКИЙ ГАЗСКИЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА¹

Хорикий (ок. 500–590 гг.), греческий оратор, был учеником Прокопия Газского и наследником его кафедры риторики в Газе, христианином, автором нескольких сохранившихся похвальных речей в честь светских и церковных сановников (среди них две речи в честь епископа Маркиана (520–540 гг.), содержащие описание церквей в Газе и их росписей), погребальных (над могилой матери, на смерть Прокопия) и свадебных (для своих учеников) речей. Написал также 14 лекций — диалектик (*dialekseis*) и школьных декламаций — мелетий (*meletai*). Представляет интерес юношеская апология X «В защиту мимов», представляющая ценный источник для изучения античных драматических форм. Аттисцист, он писал в риторическом стиле, старательно избегая несоответствий и используя акцентирующие паузы (клаузулы).

Как и другие софисты и риторы Газской школы, Хорикий смело использовал все богатство античного наследия, писал и на чисто античные сюжеты (напр., одна из декламаций — о том, какие слова должна была произнести Афродита в поисках Адониса). В чисто христианские сюжеты вводились имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времен. По подсчетам Г. Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза ритора Либания. Речь «В защиту мимов» защищала это осуждаемое церковью искусство, ссылаясь на «мимесис», характерный и для деятельности церкви. Христианство повлияло на осо-

бую эмоциональность стиля Хорикия, на элементы поэтического изложения, фигуративность и символизм.

Произведения Хорикия были вдохновлены его учителем Прокопием и матерью последнего — Марией. В речах ритор восхваляет добрые нравы указанных лиц и их благодеяния для городской жизни. Как можно понять из слов Хорикия, он благодарит Прокопия и Марию за приверженность христианству.

Читая Хорикия, мы обнаруживаем его умеренное и деликатное отношение к христианству и церкви. С одной стороны, ритор хвалит своих героев за религиозное благочестие, а с другой — открыто говорит о том, что христианским священникам необходимо классическое образование.

Во II речи к Маркиану Хорикий говорит об образовании епископа. При этом он употребляет термин «поэтические врата» (*ποιητικὰς θύρας*), заимствованный у Платона («Федр»). Это синоним грамматической школы. Хорикий проводит аналогии со своим собственным опытом обучения в этой школе. Вывод, проистекающий из речи, вполне однозначен: епископ должен быть лицом с классическим образованием и добропорядочным гражданином города. Хорикий пишет, что епископ Маркиан получил широкую известность не только в Газе именно благодаря своему классическому образованию, полученному в родном городе Газе. Хорикий описывает епископа Маркиана как организатора общественных празднеств, раздачу хлеба нуждающимся и т. п.

¹ Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность — Ранняя Византия».

В речи, посвященной Прокопию, Хорикий пишет о «палестре Гермеса» (Ἑρμοῦ παλαίστραν), т. е., опять же о школе риторов. Хорикий отмечает, что глава школы Прокопий был очень искушен в Священном Писании (Or. fun. in Proc., 21). При этом Прокопий не был монахом и, как утверждает Хорикий, не был и священником.

По Хорикию, создается впечатление, что в христианской Газе, как и в других городах позднеримского мира, граждане обучались в муниципальных школах, а место школ в жизни города Газы было выше, чем во многих других городах.

В посвятельной речи Марии Хорикий провозглашает, что священство выше всех городских чинов-

ников (собственно — «лучше» — τὸ καλλίστω). Епископ и его клир были частью среднего слоя муниципалов своих городов в Поздней империи. Хорикий изображает преимущественно общественную деятельность епископа, активное его участие в гражданской администрации.

Из речей Хорикия мы можем заключить, что церковь в Газе была неотъемлемой частью городской муниципальной и общественной жизни, а классическая риторическая высшая школа Газы обеспечивала образовательные потребности не только города, но и клира, включая значительную часть всего Палестинского региона.

Д. С. Гордиенко (Киев)

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ТРАКТАТЕ КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО «DE ADMINISTRANDO IMPERIO»

Проблема образа чужого лежит в русле взаимодействия двух миров, в данном случае империи Ромеев и внешнего мира. В историографии сложилось мнение, что к этому последнему византийцы ощущали глубокое презрение и отвращение как к обделенному высокой ромейской цивилизацией, что проявлялось в том, как византийские авторы давали обобщенную характеристику разных этносов.

Важным источником для реконструкции образа чужого в представлении византийцев является трактат Константина VII «De Administrando imperii». Сразу важно отметить, что, относительно общего образа «чужого», Константин VII лишь один раз употребляет слово «варвары» (οἱ βάρβαροι) (49. 48)) к конкретному народу, и один раз обобщенное понятие τὰ διάφορα ἔθνη (46. 166–167) — разные народы. Каждый этнос для автора определяется важностью для интересов империи. Однако образ — это психологическая характеристика, и он всегда является субъективным.

В этом плане у Константина, прежде всего, следует отметить традиционное негативное отношение к иноплеменникам. Так, «северные народы», по его мнению — жадные к деньгам (τὸ ἐν χρήμασι λίχον) (13. 15–16). Поэтому они всегда стремятся к большему, и вместо скромной прибыли желают получить большую выгоду (13. 18). В русле античной традиции Константин изображает русичей, образ жизни которых зимний (χειμέριος) и суровый (σκληρά). «Друзья» печенег в изображении автора «поганные дети» (κακά παῖδια εἰσὶ) (8. 31–32), которые ненасытны (ἄπληστοι) и жадны (ἐπιθυμηταί) к редким у них вещам (7. 8–9). Но наибольшее отвращение Константин испытывает

к арабам. Так, например, Мухмед постаёт как «нечестивый и безбожный» (ὁ δυσσεβὴς καὶ ἀκάθαρτος Μουχούμετ) (14. 1), безумный извращенец (ὁ παράφρων... πεφνακισμένος), который не проповедовал, а просто пустословил (14. 29, 31).

Однако, в то же время, в труде Константина Багрянородного мы видим и кардинальный отход от традиции. Так, князь Моравии Свендополк охарактеризован как мужественный (ἀνδρεῖος) и страшный (φοβερός) соседним с ним народам. Среди печенегов Константин VII выделяет племя «кангар», которое наделяет эпитетами «благородные» (εὐγενεῖαι) и «мужественные» (ἀνδρεῖαι) (38. 21). Вождь печенегов Леvedия — благородный, разумный и прославленный муж (εὐγενὴς καὶ φρόνιμος καὶ ἠνδρεῖωμένος) (38. 37), а Алмуд более желанный из-за его разума (φρονήσις) и совета (βουλή), а также мужества (ἀνδρεία). Разум же, как характерная черта, является основным в обращении к сыну — Роману II.

Подобным образом описаны в трактате Константина VII арабы — воины мужественные (ἠνδρεῖωμένοι) и воинственные (πολεμισταί), а их войско непобедимое (ἀήττητον) и непреодолимое (ἀκαταμάχητον) (15. 8, 10), хотя, при этом, побеждают они хитростью (19. 4) и коварством (44. 112).

Таким образом, в трактате Константина VII «De administrando...» «чужой» изображается не обобщенно, а довольно конкретно. Относительно самого образа чужого, то в сочинении есть как традиционные эпитеты — «жадные», «богохульные» и т. д., так и присутствует кардинальный отход от византийской традиции, когда «чужой» изображается как «мужественный», «благородный» и «разумный».

А. Н. Домановский (Харьков)

ВИЗАНТИЙСКАЯ «ТОРГОВЛЯ С ВРАГОМ» В VIII–X ВВ.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ВНЕШНЕТОРГОВЫМИ СНОШЕНИЯМИ С АРАБАМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ТРАПЕЗУНТСКОГО ИНЦИДЕНТА»

В VIII–X вв. войны Византийской империи с арабами были столь же частыми, как ранее с персами, вследствие чего торговый обмен между ними был затруднен.

В это время наиболее оживленная торговля осуществлялась через территорию Армении, где важнейшим центром арабо-византийского обмена стал Трапезунт.

Ал-Истахри, сведения которого почти дословно повторяет Ибн-Хаукаль, называет этот город «местом, откуда входят в Рум», «исходным пунктом в земли Рума». Ибн Хаукаль подчеркивал, что император «получает с правителя, живущего в Тарабезундэ, в настоящее время (70-е гг. X в. — А. Д.) громадные богатства». Значение проходивших в Трапезунте торжищ отмечал Феофан, а их регулярность подчеркивал ал-Масуди, писавший, что здесь «ежегодно бывают базары, привлекающие большое число торговцев из мусульман, румцев, армян и других».

О системе византийского государственного надзора за происходившей в этом центре международной торговлей мы можем судить на основании сообщения Жития Георгия Амастридского (умер в 807 г.). Согласно его составителю, однажды купцы с родины святого были схвачены по обвинению со стороны общественных доносчиков (δημοσίους συκοφαντηθέντες ἐκκλημασι) стратигом и заключены в государственную тюрьму в ожидании казни мечом, и только вмешательство Георгия, прибывшего на место происшествия и исцелившего ослепшую жену стратига, позволило сохранить им жизнь. Издатель и переводчик Жития В. Г. Васильевский полагал, что купцы были обвинены в неких «таможенных нарушениях» и даже ввел это словосочетание в перевод памятника, несмотря на то, что оно отсутствует в оригинале. Видимо, следуя его интерпретации, Е. Э. Липшиц считала, что купцов обвинили в простой неуплате таможенных сборов, однако более вероятным представляется предположение А. П. Рудакова о том, что преступлением, в котором доносчики обвинили земляков святого, была попытка вывоза запретных товаров за границу. Это тем более вероятно, что за простое нарушение таможенных правил купцам никоим образом не могла грозить смерть, тогда как за продажу за границу стратегических, запрещенных к вывозу товаров в Империи из-

давна полагалась именно смертная казнь. Подобной точки зрения придерживается и С. П. Карпов, считавший, что купцы были обвинены в контактах с врагом, вывозе за границу стратегических товаров и, возможно, в измене или каких-либо действиях в пользу противника.

Показательно, что купцы были схвачены в Трапезунте и заключены в тюрьму именно стратигом (τοῦ στρατηγούντος), причем за особенно жесткое отношение к нарушителям ратовал начальник штаба стратига — комит палатки (шатра, тента) (κόμης τῆς κόρτης). Известны печати комитов кортис, относящиеся к концу VIII в. и первой половине IX в., то есть ко времени действия Жития.

Таким образом, надзор за торговцами и торговлей на подведомственной ему территории пограничной фемы осуществляла местная военная администрация, во главе которой стоял стратиг. Такую возможность для фемы Климатов не исключает, вслед за Н. Икономидесом, С. Б. Сорочан. Подобная ситуация была характерна, к примеру, для фемы Месопотамия, стратиг которой в начале X в. не получал государственной руги, поскольку самостоятельно взимал коммеркий, составлявший в 911–912 гг. около 20 литр золота в год (1440 номисм). Известна также печать царского спэфария и стратига Месопотамии, идентичная по своему оформлению печатям коммеркиариев. Г. Закос и А. Веглер датировали ее 825–826 гг., В. Зайбт — 810–811 гг., а В. Брандес отнес к первым десятилетиям X в.

Столь пристальное внимание к международной торговле в приграничном регионе со стороны военной администрации не удивительно — оно позволяло обеспечить безопасность торгового обмена между подданными империи и иноземцами, предотвратить вывоз запрещенных товаров за рубеж, обеспечить условия, исключающие возможность шпионажа и вредительской деятельности со стороны пришельцев.

С. В. Дьячков (Харьков)

О «КАМНЯХ-ПРАЦЕВИКАХ» ИЗ РАСКОПОК ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV—XV вв.)

В 2006–2008 гг. в крепости Чембало был обнаружен и раскрыт запас снарядов (208 ядер) для метательной машины типа требюше. Эта находка естественным образом вызвала интерес и к другим видам метательного оружия, находившегося на вооружении гарнизона генуэзской крепости.

Праща (англ. *slinger*, ит. *fromba*), как древнейший вид метательного оружия, в эпоху крестовых походов и вплоть до XV в., переживала очередной период широкого боевого применения. Наряду с лучниками и арбалетчиками, пращники пополняли ряды феодального воинства, особенно в Италии и Германии. Как и в древности, пращники средневековья в качестве метательных снарядов использовали каменные, глиняные и свинцовые «пули» сферической или эллипсоидной формы. Эффективность поражения неприятеля опытным стрелком-пращником достигала 160 шагов. Это плебейское оружие увеличивало

эффективность дистанционного поражения противника, существенно дополняя усилия лучников и арбалетчиков.

В ходе археологических раскопок крепости Чембало в последние годы обнаружено 17 метательных снарядов, которые в полевых и коллекционных описях обычно значатся как камни-«працевики». Они выявлены в ходе раскопок башни № 8 консульского замка (10 экз.), башни № 1 (2 экз.), у донжона цитадели (2 экз.), в погребении храма № 3 (1 экз.), а также в припортовой части крепости (2 экз.). Снаряды, обнаруженные в Чембало, изготовлены на месте из глины (керамические шарики) и камня (нуммулитовый и мраморовидный известняк, мрамор, диорит).

Анализ находок позволяет выделить четыре условных «калибра» снарядов этого вида метательного оружия.

I. Глиняные и известняковые шарики диаметром 22–25,5 мм. Вес снарядов колеблется в пределах 11–15 гр. (5 экз.)

II. Снаряды преимущественно шаровидной формы диаметром 30–33 мм. Вес снарядов составляет 32–38 гр. (6 экз.). Для их изготовления использовался нуммулитовый и мраморовидный известняк, а также диорит (морской камень). На поверхности одного из снарядов высечен крест.

III. Снаряды сферической и эллипсоидной формы с диаметром 40–43 мм. Вес снарядов 56–59 гр. (3 экз.). Как правило, снаряды изготавливались из местного известнякового камня и небрежно обрабатывались.

IV. К «тяжелому» калибру следует отнести два снаряда сферической и эллипсоидной формы с диаметром 61–65 мм и весом 290–310 гр. В качестве материала для снарядов использовали известняк, а также круглый в плане и приплюснутый на полюсах морской камень.

Следует полагать, что так называемые камни-«пращевики» первого калибра были, вероятно, пулями для ручного огнестрельного оружия типа сарбакан. Не исключено, впрочем, что некоторые шарики использовали в качестве пуль для арбалетов. Арбалеты (бал-

лестры), стрелявшие глиняными каменными шариками, применялись для охоты на птицу и мелкую дичь. В любом случае, очевидно, что 10–15-ти граммовый глиняный или известняковый шарик, пущенный из пращи, не мог нанести сколь-нибудь серьезные повреждения даже минимально защищенному воину.

Вызывает сомнение также целевое назначение мраморного шара, как «камня-пращевика». Этот хорошо обработанный, заглаженный беломраморный шар правильной формы диаметром 42 мм и весом в 93,5 гр. был обнаружен на месте площадки для тренировки у башни № 8. Маловероятно, чтобы снаряд такого качества использовался для обычной пращи. Очевидно, что мраморные шары предназначались для метания воюющими сторонами либо с помощью баллисты, либо бомбарды соответствующего калибра.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют предположить, что генуэзский гарнизон крепости Чембало в XIV–XV вв. применял пращи наряду с другими видами метательного оружия. Однако, далеко не все снаряды, обнаруженные во время раскопок и обычно идентифицируемые как «камни-пращевики», являются таковыми.

Я. Ю. Иваницкая (Белгород)

ИДЕЯ ПРИСНОДЕВСТВА В ИКОНОГРАФИИ БОГОМАТЕРИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ¹

На лучших равнинских и константинопольских мозаиках видно, что в Ранней Византии, за редкими исключениями, Богоматерь изображали с большим низко опущенным на чело платом или омофором на голове, глубоко задрапированной в широкие одежды. Ее костюм был близок одеждем знатных византийских женщин.

Византийские художники иногда рисовали Богородицу гораздо старше Ее настоящих лет и со строгим выражением на величественно прекрасном лице. Так живописцы выражали через образ Богоматери идеал византийской женщины, преданной нежному материнскому чувству и вместе совсем чуждой мирских страстей и увлечений.

Существовали различные типы символических изображений Богоматери — Богоматерь Оранта, Богоматери с иконой Младенца на груди и другие. Однако, главным иконографическим типом Богоматери во II–III вв. **остается ее исходное и главнейшее изображение с Младенцем на руках, сидящей перед поклоняющимися волхвами.**

Весьма символичным и имеющим немаловажное значение являлось изображение Девы Марии с тремя звездами на мафории — одна на челе и две на плечах. Это традиционные элементы богородичной иконографии, признаки девства Марии до, во время и после Рождества Христова. Идея приснодевства Богородицы в письменной традиции присутствует уже в трудах свв. Ириней, Климента Александрийского, Оригена и других ранних отцов Церкви.

X. Константинидес полагает, что данные знаки — «кресты-звезды» — имели богословский и символический характер и выражали идею света, характеризующего личность Богородицы. Идея божественного света также выражалась наличием особого ореола вокруг фигуры изображаемой Богородицы.

Другую интерпретацию звезд на мафории предлагает Г. Галаварис, связывая число три с Троицей.

Анализ образов Богоматери разного времени позволяет выделить три этапа эволюции знаков на мафории, которые не всегда имели значение знака приснодевства. Эти этапы практически совпадают с основными периодами развития византийского искусства: первый этап относится к периоду VI–нач. VIII вв., когда изображения Богородицы не имеют креста, либо имеют лишь один крест на челе; второй период — конец IX–XII вв., когда изображения креста, помимо чела, появляются на плечах, на запястьях, на локтях и на коленях; наконец, третий период — XIII в. и далее, когда кресты постепенно уступают место звездам. В этот период стабилизируется и их число — три. Последняя традиция сохраняется в богородичной иконографии и поныне. Понятно, что такое изменение количества знаков на мафории не могло во все времена иметь значение приснодевства.

Самые ранние сохранившиеся изображения Богоматери либо не имеют знаков на мафории, либо имеют лишь один крест на челе. К наиболее известным памятникам с одним крестом относятся мозаичный

¹ Работа подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», Госконтракт П48 «Процесс христианизации позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций».

образ тронной Богоматери в Сант Аполлинаре Нуово в Равенне начала VI в., синайская икона Богоматери с Младенцем того же периода, хранящаяся в Киеве, римская икона «*Salus populi romani*» из храма Санта Мария Маджоре в Риме. Начиная с VI в., мафорий Богоматери начинает украшаться четырьмя или пятью точками, расположенными в форме креста на челе. Воспроизведение креста в виде точек становится наиболее распространенным и сохраняется на некоторых памятниках вплоть до палеологовского периода.

Подобный крест на челе имеют не только богородичные изображения раннего периода, но и головные

уборы иноков, женщин и детей как, например, многочисленные женские терракотовые статуэтки из Абу Мена (Египет), которые восходят к началу VI в.

Таким образом, речь идет об обычае, широко распространенном в ранний период в восточных провинциях Византии, к которому, по-видимому, и восходит крест на челе Богородицы. Часто кресты-звезды изображались на коленях, плечах Богоматери. Это связано с тем, что данные части тела рассматривались христианами как «угловые», самые уязвимые. Их необходимо было защищать святыми изображениями.

А. И. Кузь (Черновцы)

О ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЕ ГЕНУЭЗСКИХ ГАРНИЗОНОВ КРЫМА в первой половине XV в.

Устав 1449 года дает некоторое понятие о внутренней структуре генуэзских гарнизонов в Крыму. Они делились на пехоту и конницу. В силу оборонительной военной доктрины, которой придерживались генуэзцы в Северном Причерноморье, конные подразделения были немногочисленные. Соотношение конницы к пехоте составляло 1:3, хотя не исключено, что во времена военной угрозы эта пропорция менялась в ту или иную сторону. Важно заметить, что в источниках конные отряды фигурируют под названиями «оргузии» (*orgusii*, *orguxii*, *arguxii*) и «казаки» (*casachi*). К сожалению, во многих случаях невозможно установить: идет ли речь об одних и тех же подразделениях или о разных. Внутреннюю организацию конницы по известным нам документам установить не представляется возможным. Отряды в Каффе, Солдае и Чембало имеют разную численность: 20, 8 и 4 оргузии соответственно. Поэтому провести какую-то унификацию в их организации тяжело. Можно предположить, что наименьшей боевой тактической единицей считался отряд из 4 конных всадников. Оргузии не имели единого руководства. В Каффе командирами считались непосредственно консул и капитан, в Солдае и Чембало — коменданты крепостей.

Количество конных солдат определялось мерой необходимости. Вокруг Каффы и Солдае существовали большие сельские округа с десятками поселков, которые платили налоги и разные поборы. Контроль над большой территорией вынуждал содержать постоянные конные подразделения, которые могли быстро преодолеть большие расстояния. В Чембало таких сельских территорий не было, что предопределяло использование конных солдат в качестве посыльных.

Несколько иной оставалась организация пехоты, которая составляла костяк гарнизонов. Отряды пехоты в источниках имеют разные названия: *socii*, *stipendiarii*, *balistarii*. Тем не менее, говорить о трех разных войсковых формированиях нельзя. В Уставе 1449 г. термин «соций» и «стипендиарий» тождественные, иногда они употребляются с термином «баллистарий».

По мнению В. Юргевича «*stipendiati*» — это люди, которые находились на военном окладе, а «*salariati*» — обычные чиновники. Поэтому к стипендиатам нужно относить как социев, так и арбалетчиков-баллистариев. Организация пехоты в подразделения осуществлялась, очевидно, за десятичной системой, как это было в ополчении. Наименьшей тактической единицей была декурия или десяток, самым большим был отряд из 40 солдат (квадрагинта). Отряд из 40 человек возглавлял капитан (в отдельных случаях это мог быть комендант или подкомендант), 20 солдат — подкапитан, 10 солдат — десятник из числа солдат на добровольных началах. Обычный военный гарнизон генуэзской крепости включал в себя пехотные подразделения (соции и баллистарии), конницу (оргузии); медицинскую службу (в роли медика-хирурга иногда был цирюльник); отряды правопорядка (кавалерий и его служители), которые, как правило, во время военной угрозы включались в состав вспомогательных сил. Кроме того, в состав гарнизона входили артиллеристы (на примере Чембало) и сигнальщики (трубач, барабанщики). Из жителей Каффы избирался Опекунский комитет (состоял из 8 человек), который ведал арсеналом, проводил надзор за строительством и ремонтом оборонительных сооружений города. Специальный комитет занимался вопросами заготовки продовольствия и следил за снабжением горожан и военных водой.

На ночь ворота крепости закрывались и соблюдался режим состояния осады. Консулам, капитанам и стипендиариям запрещалось покидать город. Ворота в ночное время приоткрывались только с разрешения консула или комендантов. Ночью запрещалось ходить по городу, закрывались все развлекательные заведения. Любое нарушение установленного порядка наказывалось штрафами. Солдаты, которые находились на службе, как правило, расквартировывались в казармах на территории крепостей, хотя часто с разрешения командиров они могли жить и в предместьях. Одно из положений Устава 1449 г. делало ударение на том, чтобы «командиры и солдаты гарнизона указанного места (Чембало — А. К.) не жили у Консула или другого лица, однако имели свою квартиру...».

О. В. Милови́дова (Харків)

ОСОБЛИВОСТІ КУЛЬТУРНОГО РОЗВИТКУ ВІЗАНТІЇ У IX—XII ст.

Визначальним у розвитку духовного життя і культури Візантії IX—XII ст. стало формування і утвердження християнського філософського світогляду. Все життя візантійського суспільства даної епохи відзначалось глибокою релігійністю.

Великим динамізмом відрізнявся в дану епоху розвиток історичної думки. Істотний поворот в розвитку історичної думки відбувся в кінці X ст. Історик не лише перекладає факти, а й прагне їх розтлумачити та виявити причинні зв'язки, посиляючись при цьому на волю божу, та виявляючи власну, суто індивідуальну думку.

Суспільні зміни IX—XII ст. викликали особливу активність у розвитку тих напрямів культури Візантії, які були наближені до фундаментальних засад життя імперії, до її економіки, форм соціальних зв'язків, адміністративної структури і найшвидше і точніше відбивали зміни, що відбулися в суспільному устрої держави. Йдеться про візантійське право і законодавство.

Візантійське право остаточно набуває рис завершеності. Було здійснено об'єднання церковного і світського права, їх систематизація. Правові збірки стали грекомовними.

Слід відмітити важливі досягнення діячів візантійської культури в даний період у збереженні і розвитку вищих досягнень давньогрецької науки і передачі їх подальшим поколінням.

В основі освіченості у Візантії продовжували залишатися знання, що збереглися від античності. Через це тип і програма навчання, що зберігалась від пізньої античності, залишалися незмінними і у IX—XII ст. Освіта включала три ступені, як і раніше: підготовчу (її осягали діти в школі граматиста, навчаючись читанню, письму і лічбі), середню (її проходили в школі

граматики) і вищу (у школі ритора і філософа). Початкові школи були наявні повсюди, навіть в маленьких містечках і великих селах.

Зміст елементарної освіти змінився: центр уваги з творів Гомера був перенесений на Священне писання, перш за все на Псалтир, а також на праці батьків церкви. І власне більше впливу над школою отримує церква.

Особливістю розвитку мистецтва цього періоду було те, що, з одного боку, помітно зросла дія античної традиції, а з іншого — все більш жорстких рамок набував іконографічний канон, що вироблявся в цю епоху, з його стійкими нормами, що торкалися основ іконопису. Цьому канону в подальшому суворо слідуватимуть візантійські художники. Створення живописного трафарету супроводжувалося посиленням стилізації, покликаної слугувати меті передачі через зоровий образ не стільки людської особи, скільки вкладеної в цей образ релігійної ідеї.

У IX—X ст. істотно збагатився і ускладнився декор рукописів, багатше і різноманітніше стали книжкові мініатюри і орнамент. В цю епоху взагалі провідну роль у розвитку живопису в цілому отримали столичні школи, відмічені особливою досконалістю смаку і техніки. У школах Константинополя було вироблено і завершено своєрідний спіритуалістичний стиль.

У храмовому будівництві Візантії укріплюється і розвивається хрестово-купольна композиція, яка виникла в VI ст. Новий архітектурний стиль формується під впливом розквіту міст, посилення суспільної ролі церкви, зміни соціального змісту самої концепції храмової архітектури загалом і храмового будівництва зокрема (храм — як образ світу). Великого значення набуває декор фасадів. Зводилось безліч нових храмів, будувалася велика кількість монастирів.

В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев (Симферополь, Керчь)

«ЦЕРКОВЬ ШЕВЕЛЕВА» ИЛИ «ЦЕРКОВЬ 1833 г.» (г. Керчь):

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НАХОДКИ

В 1848 г. во втором томе ЗООИД корреспондентом общества Е. П. Шевелевым была опубликована рецензия на книгу А. Б. Ашика «Боспорское царство». В ней он сообщил об открытии в Керчи в 1833 г. трех-апсидной церкви. К сожалению, в силу неясных для нас обстоятельств, к этой уникальной находке никто из современников интереса не проявил. Незаметной в дальнейшем осталась и краткая публикация Е. П. Шевелева.

Хронология событий, по версии находчика памятника, представляется следующей. В 1833 г. при сооружении погребов под домом керченского купца Митрова (Димитрия) во рву турецкой крепости, «не далее 50 сажень» от церкви Иоанна Предтечи, были обнаружены остатки средневековых построек, одна из которых была атрибутирована им как христианский храм. Присутствовали ли при этих раскопках керченские археологи,

в частности П. А. Дюбрюкс и А. Б. Ашик, неизвестно. С уверенностью можно говорить лишь о том, что само сооружение, которое в их сочинениях трактуется как «древнее укрепление» и «древняя постройка», их не заинтересовало, а упоминается лишь в связи с найденными в его стенах античными надгробиями.

В процессе строительства дома купца Митрова остатки стен храма, по словам Е. П. Шевелева, были разобраны, но благодаря составленному им схематическому плану, мы имеем о нем некоторое представление. В плане храм имел прямоугольно-вытянутую форму и завершался в восточной части тремя, расположенными по одной оси, полукруглыми апсидами. Длина церкви составляла 4,7 сажени, ширина 2,7 сажени. Стены сохранились до уровня оконных проемов. Характер перекрытия не ясен, поскольку базы колонн или столбов на плане не указаны. При расчистке

алтарной части был обнаружен закладной камень с изображением креста, вмонтированный в одну из стен. У юго-западного угла церкви находился колодец, а к югу от нее какая-то крупная, прямоугольная в плане постройка. Пространство вокруг церкви было обнесено оградой.

Учитывая конфигурацию крепостного рва, показанного на схеме плана г. Керчи 1774 г., наиболее вероятно, что церковь находилась к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи. Уточнить ее местоположение позволяет план г. Керчи, составленный в 1821 г. и реализованный с поправками в 30-е гг. XIX в. Напомним, что на месте турецкой крепости, снесенной в 1827 или 1829 гг. была разбита восьмигранная площадь. Северный отрезок крепостного рва оказался за ее пределами, внутри новых городских кварталов. Соответственно, на момент находки храма он уже был засыпан, к тому же находился за пределами расстояния, указанного Е. П. Шевелевым по отношению к церкви Иоанна Предтечи. Отпадает и северо-западный участок рва, оказавшийся в границах самой площади. Под возможное местоположение дома купца Митрова попадают только два квартала, примыкавших к площади с юга и юго-запада. В одном из них ныне размещается церковь Иоанна Предтечи, в другом — группа построек, ограниченная пер. Димитрова, Адмиралтейским проездом, ул. Театральной и сквером Л. Н. Толстого.

К сожалению, Е. П. Шевелев не упоминает о каких-либо находках, указывающих на время сооружения и функционирования храма. По сути, его план остается

единственным источником о керченской церкви 1833 г. Однако, сам факт появления свидетельств об еще одном, кроме церкви Иоанна Предтечи, христианском храме в центральной части Керчи позволяет вновь вернуться к вопросу о ее церковной топографии в эпоху средневековья.

Следует напомнить, что в письменных источниках упоминается лишь один христианский храм, обеспечивавший духовные потребности жителей Боспора в это время — храм Свв. Апостолов, о котором сообщает монах Епифаний, посетивший город между 815 и 843 гг. По словам Епифания, это была большая церковь с многочисленными иконами и ракой с надписью «Симона апостола», вмурованной в ее основание. Как показали раскопки 1976 и 1980 гг. в интерьере современной церкви Иоанна Предтечи в Керчи, она построена в конце IX—начале X вв. на месте более раннего базиликального (?) комплекса, от которого сохранился фрагмент абсиды. Добавим также, что в пределах раскопа 1964 г. на бывшей Рыночной площади, приблизительно в 25–30 м к северо-востоку от церкви Иоанна Предтечи, были открыты остатки пола из мраморных плит, колодца и резервуара-купели, которые Т. И. Макарова также соотнесла с упомянутой базиликой. Безусловно, существует большой соблазн отождествить ее с храмом Свв. Апостолов Епифания. Однако, как показала проведенная нами ревизия источников по истории раннесредневекового Боспора, существует, как минимум, еще один возможный вариант решения данного вопроса — церковь, впервые открытая в 1833 г. Е. П. Шевелевым.

М. В. Пархоменко (Харьков)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ БОЛЬНИЦЫ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Медицинских услуги в Византии предоставляли врачи, как частным образом на дому у пациента, так и в специальных учреждениях больницах — носокмионах, птохионах, ятринах. Подобные заведения существовали во всех сколько-нибудь значимых ромейских городах раннего средневековья, и, вполне вероятно, что провинциальный Херсон не был исключением. Локализовать здесь городскую больницу мы можем на месте большого архитектурного комплекса с открытой площадью 1600 м², находящегося рядом с 13 куртиной оборонительной стены, возле Южных или так называемых «Мертвых ворот»; на севере здание примыкает к главной поперечной улице.

Впервые на это здание как на место возможной локализации больницы обратил внимание С. Б. Сорочан, определивший также возможные рамки его создания и существования. Время постройки можно отнести к V–VI ст., а время прекращения функционирования — к X ст.

Это строение несмотря на свою некоторую схожесть и с храмом и с баней не могло быть ни тем ни другим, из-за отсутствия в нем набора обязательных структурных деталей. Однако кладка стен, выполненная в характерном для общественных зданий Херсонеса стиле, не оставляет сомнения в гражданском

назначении здания. В основном стены сложены из тесаных камней, залитых раствором из извести, песка и толченой керамики, местами использовалась кладка *opus mixtum*, то есть предполагается использование дорогого строительного сырья — кирпича, что также характерно в Херсонесе только для строительства общественных зданий.

Строение состояло из трех соединенных проходами помещений. Первое, самое большое, площадью около 180 м², было прямоугольным, с полукруглой нишей-эскадрой на западной стороне. В эскадре зала находилось большое сводчатое окно шириной и высотой около метра, что давало возможность полностью освещать помещение дневным светом. Оконные проемы были отделаны белым мрамором, в окно вставлены толстые литые стекла. По периметру эскадры были устроены шесть квадратных, специально изготовленных, как выразился К. К. Косцюшко-Валюженич «высоких столбиков, из очень большого и толстого кирпича». Назначение этих столбиков до настоящего времени было неизвестно исследователям, однако их соотношение с собирательным образом классической византийской больницы может дать ответ на этот вопрос.

До нынешнего момента археологи с большими трудностями выделяют археологические остатки

больницы среди других общественных зданий. Однако исследуя монастырскую архитектуру, Anastasios Orlandos сумел пролить некоторый свет на структуру здания византийской больницы. Среди строений монастырей Метеора в Греции он идентифицировал две руины, которые служили больницами. Датированные более поздним периодом, они, тем не менее, позволяют судить о характерных особенностях ранневизантийских больниц.

Обе больницы были простыми квадратными зданиями с большими каминами, окруженными четырьмя столбами, которые поддерживали купол с отверстием для выхода дыма. От этого центрального очага шло четыре прохода, по периметру которых помещались постели больных. Орландос утверждает, что камин с его дымоходом и куполом был отличительной особенностью византийских больниц. Письменные источники свидетельствуют в пользу этого мнения.

С. Б. Сорочан (Харьков)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ФЕМЫ КЛИМАТА

Вопрос о дате учреждения императором Феофилом фемы Климата с центром в Херсоне относится в византистике к числу дискуссионных. Долгое время это событие помещали между 833–837 гг., исходя из сообщения основного нарративного источника X в. — Продолжателя Феофана о том, что прибытие хазарского посольства ко двору василевса с настойчивым требованием о постройке крепости Саркел произошло «в следующем году» (to d'epionti etei) после хиротонии епископом Константинополя Яннеса, то есть Иоанна VII Грамматика. Из источника совершенно определенно следует, что вслед за возведением Саркела стараниями посланника василевса, спафарокандидата Петроны Каматира, состоялось учреждение крымской фемы. Причем рассказ о строительстве крепости и организации фемы изложены в одном абзаце источника и точно также повторены в трактате Константина Багрянородного.

Исследователи полагали, что важное для датировки этих событий возведение на престол нового Патриарха состоялось в 832 г., что, как выяснилось, не соответствует действительности. Расплывчатым было и предложение видеть это в 834–837 гг. Однако и после введенных историками поправок точно установить хронологию хода дальнейших событий оказалось весьма сложно, ибо мы столкнулись с целым рядом неизвестных по продолжительности моментов. Дело в том, что Иоанн Грамматик мог стать Патриархом и 21 апреля 837 г., и 21 апреля 838 г.: наиболее убедительные версии, предложенные соответственно В. Грюмелем и В. Тредголдом, допускают оба варианта и по степени обоснованности трудно отдать какой-либо из них предпочтение. Исходя из этой опорной точки, строительство Саркела и образование вслед стратегии на крымской земле не могло случиться раньше лета 837 г., причем эта дата представляется нереальной не только по причине крайней, почти невероятной быстроты

Следовательно, можно предположить, что шесть колонн в херсонесском здании могли ограждать очаг и служить опорой для купола с вентиляцией. Напротив столбов в центре помещения находился разбитый на четыре части мраморный бассейн для омовений, подобный купели для крещения и омовения, шириной 1,25 м, высотой 0,53 м, то есть подходящий для принятия сидячих ванн. Среди одобренных процедур, проводимых в византийских больницах, часто упоминаются, наряду с кровопусканием, также ванны, бальзамы, пластыри, сидячие ванны. Возможно лекарства для этих процедур содержались в флаконах вынесенных через водосток на улицу где во время раскопок были найдены «обломки донышек, ручек и горл от флакончиков и ножек, от широких рюмок и кусков, от плоских сосудов», в целом в отчете значится 95 стеклянных обломка.

происшедшего, но и потому, что не соответствует описываемому Продолжателем Феофана вялому течению византийско-арабских военных действий в год, предшествующий постройке Саркела («...и агаряне и Феофил выступали друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю»). Между тем во время победоносной кампании 837 г. против войск халифа Мутасима византийцы взяли Запетру (Созопетру), Самосату и ряд других восточномалоазийских городов, тогда как летом 838 г. сражались у Дорилея и в августе потеряли город Аморий — родину Феофила. Поэтому ближайшему году после вступления на патриарший трон Иоанна Грамматика, согласно этой ситуации, скорее всего, соответствовал 839 г. По предположению В. Тредголда, поддержанному Ф. Винкельманом, архонт Херсона был заменен стратиготом Климата уже в этом году или в начале 840 г., однако и с этим трудно согласиться. С учетом времени, необходимого на организацию постройки Саркела, можно говорить по меньшей мере о двух равно возможных, вполне осуществимых вариантах создания новой стратегии на территории Крыма: осень—зима 840 г. или весна—лето 841 г. В любом случае, это произошло до зимы 841 г., когда очередной навигационный сезон закрылся, а уже 20 января 842 г. Феофил скончался от тяжелой желудочной болезни.

Тем не менее заслуживает внимания еще одна версия, которая исходит из замечания, что рассказ о создании крымской фемы вплетен в хронологически верно выдержанное повествование Продолжателя Феофана о военных действиях армии Феофила и арабов. Он действительно вставлен между событиями 833 г. и 837 г. и, самое главное, упоминание Яннеса—Иоанна Грамматика к этому разделу не имеет прямого отношения. О Яннесе Продолжатель Феофана упоминал и раньше, у него есть отступления и о других героях—полководцах Мануиле и Феофобе. С этой

точки зрения указание на рукоположение Иоанна Грамматика, включенное в иной раздел повествования, никак не может служить хронологическим репером для отсчета времени строительства Саркела и событий в Херсоне. Согласно изложению источника, оно укладывается в промежуток между временем византийско-арабской войны 833 г. и победоносной военной кампанией в 837 г., когда византийцы взяли Созопетру,

Самосату и ряд других городов. Если это так, тогда Феофил принял послов хагана и пеха Хазарии после похода 833 г. и, значит, строительство Саркела пришлось на лето–осень 834 г., а может быть, и на 835 г., когда к осени очередного навигационного сезона его могли завершить. Скорее всего, к этому году относится и преобразование архонтии на крымской земле в стратигию, во главе которой встал Петрона Каматир.

Е. Н. Столяренко (Харьков)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И КАНАЛИЗАЦИИ КОНСУЛЬСКОГО ЗАМКА И ПРИПОРТОВОГО РАЙОНА КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО XIV—XV вв.

В обустройстве средневековых крепостей водоснабжение и канализация играли важную роль и во многом определяли обороноспособность фортификационных объектов. Если канализация для многих поселений этого периода была роскошью, то налаженная система водоснабжения и стратегические запасы воды присутствовали во всех укрепленных поселениях. Довольно развитая сетка водопроводов и водостоков была и на генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. Однако организация водоснабжения и канализации этой крепости практически не изучены.

Особенно интересны система водопровода и канализация в западной части крепости, где расположены консульский замок и система укреплений припортового района.

Источником водоснабжения всей крепости был существующий и ныне родник, который берет начало в верховьях балки Кефало Вриси. Из этого источника вода по керамическому водопроводу, проложенному на склоне балки, поступала на территорию крепости. Сам источник расположен значительно выше уровня крепости, что и обеспечивало высокое давление в трубах. Благодаря такому гидротехническому решению вода самотеком достигала вершин горы Кастрон, где были расположены водосборные цистерны.

Одна из таких цистерн находилась в консульском замке крепости. Здесь на вершине скалы, на высоте 72 м над уровнем моря, сохранились остатки донжона — главной башни консульского замка и города Святого Николая (*часть крепости*). На первом этаже донжона в генуэзский период истории Чембало и находилась водосборная цистерна. Подробное исследование этой башни сейчас невозможно, так как на ее руинах размещился наблюдательный пост береговой охраны.

Еще одна водосборная цистерна или башня № 6 находилась значительно ниже консульского замка на северном склоне горы Кастрон, в припортовом районе крепости. Прямоугольная в плане башня возведена на высоте 15 м над уровнем моря. Башня № 6 — самое крупное сооружение чембальской крепости. Размеры внутреннего пространства $10,4 \times 8$ м, высота нижнего яруса цистерны составила 6,8 м. Таким образом, приблизительный объем цистерны был около 560 м^3 . Толщина стен башни колеблется от 1 до 2 м. Ее свод не сохранился. Внутри башня оштукатурена в два слоя

известковым и цемянковым раствором. Толщина гидрофобного раствора составила 3–5 см. В верхней части сохранились следы двух арочных перекрытий внутреннего пространства. На дне башни находился цемянковый пол, над которым, в качестве дополнительного гидроизолирующего материала, был выслан слой зеленой глины (5 см).

К водосборной цистерне башни № 6 вода подавалась по системе керамических водопроводных труб. Труба генуэзского времени обнаружена *in situ* в верхней части южной стены башни у восточного угла сооружения. Водопровод проложен на скале. Его ложе, боковины и стыки труб обмазаны густым раствором на основе глины и извести. Длина вскрытого участка водопровода составила 3,5 м. Сама труба состоит из фрагментов длиной 49–54 см. Диаметр трубы около 16 см.

За стены крепости дождевые и сточные воды отводились с помощью открытых водостоков. Остатки одного из них обнаружены вдоль южной стены башни № 8. Открытая часть водостока составила около 4-х м. Канал водостока, шириной 0,30–0,35 м, ориентирован с востока на запад. По пути водостока у башни № 8 и площадки требюше был расположен ватерклозет.

По письменным источникам нам известно, что в Солдае и Каффе были учреждены должности смотрителя за водопроводом. Несмотря на то, что в Чембало была создана развитая водопроводная система, упоминания в источниках о такой должности здесь нам не известны.

Таким образом, крепость Чембало имела довольно развитую систему водоснабжения и канализации. При этом следует отметить, что в Западной Европе в это время водопроводы и водостоки только начали появляться (и то в основном в крупных городах). На сегодня известно о функционировании в XIV—XV вв. в западной части крепости двух водосборных цистерн. Цистерна, расположенная в нижнем ярусе донжона консульского замка, вероятно, выполняла функции стратегического запаса воды для обитателей замка. Башня № 6 являлась частью фортификационных сооружений припортового района. В нижнем ярусе башни находилась цистерна. Она была водоприемником, из которого пополняли запасы воды жители города святого Георгия и суда, заходившие в Балаклавскую бухт.

И. Б. Тесленко (Симферополь)

ХРОНОЛОГИЯ ОДНОЙ ГРУППЫ КУХОННЫХ ГОРШКОВ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

До недавнего времени группу кухонных горшков с рельсовидным профилем венчика и включениями черного остроугольного песка (пироксена?) в тесте (далее ГРВ)¹ не рассматривали как самостоятельную классификационную единицу. Вплоть до конца XX—начала XXI ст. в публикациях материалов из памятников Таврики и ближайших окрестностей о них нет никакой информации.

Хронологией, вычислением процентного содержания в массе кухонной посуды, происхождением и генезисом этой керамики никто из исследователей специально не занимался.

Впервые на эти проблемы обратила внимание автор на материалах собственных раскопок крепости Алустон в 1998 г., а также храмов с некролями на г. Аю-Даге в 1999 г. и в с. Малый Маяк в 2003 г.

На всех трех памятниках при обработке артефактов из различных отложений тщательно отсортировывались и отдельно учитывались фрагменты керамики группы ГРВ. Благодаря этому удалось проследить некоторые закономерности процесса их археологизации.

Начало бытования керамики группы ГРВ в Таврике датируется временем не ранее середины XV в. Именно в этот период появляются первые ее типы — одноручные горшки и вероятно, кувшины, которые находятся в обращении вплоть до конца XV—начала XVI вв., постепенно эволюционируя по пути удлинения и упрощения профиля венчика и на основе кото-

рых в дальнейшем (в XVI—XVIII вв.) возникают новые типы сосудов.

Группа ГРВ входит в обращение практически синхронно с поливной керамикой группы «Милеет» изникского производства. Бытование группы ГРВ в Таврике синхронно периоду турецкого господства над проливами и Черноморским бассейном и завершается вместе с крахом Порты. Обе группы керамики, как ГРВ, так и «Милеет», могут использоваться в качестве хроноиндикаторов, позволяющих датировать археологические комплексы временем не ранее середины, второй половины XV в.

Место изготовления керамики группы ГРВ пока не установлено. Точно определить регион распространения изделий группы ГРВ также довольно сложно, так как кухонной керамике XV—XVIII вв., в отличие от синхронной поливной, уделялось очень мало внимания. В настоящее время кроме Таврики находки изделий группы ГРВ известны на адыгских поселениях Прикубанья. Кроме того, большое количество горшков и кувшинов этой группы происходит из раскопок слоев XVI—XVII вв. на месте широко известных римских бань в Стамбуле. По мнению турецкой исследовательницы Нурсен Озкул Финдик, занимающейся раскопками Изника, такие кухонные сосуды были широко распространены в Анатолии буквально во все периоды ее средневековой истории. Вполне вероятно, что и происхождение их следует связывать с этим регионом.

М. В. Фомин (Харьков)

О ЕЛЕЕ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Среди предметов, нередко присутствующих в погребениях Херсонесского некрополя отдельного внимания заслуживают стеклянные сосуды (были найдены в 12 % погребальных сооружений). Они известны также по Римским катакомбам, Боспорскому некрополю. Остается не раскрытым вопрос об их назначении и роли в раннехристианской погребальной традиции.

Исследователь христианских кладбищ Рима Н. В. Покровский указывал, что подобные сосуды — «фиалы» с красным веществом могли вмещать кровь мучеников, освященное вино или ароматические балзамы. Не отрицая этого, кажется, куда вероятнее, что в таких сосудах помещали освященное масло — елей, который использовали при таинстве маслособорования умирающего. Традиция освящения масла и ис-

пользования его в лечебных целях известна с первых веков христианства «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5; 14, 15). Таинство соборования и сегодня является одним из этапов подготовки верующего человека к смерти.

Согласно церковной традиции, оно совершается над тем, кому угрожает смерть в результате болезни или ранения. В случае смерти соборованного масло помещается в его гроб. Не исключено, что такие стеклянные сосуды могли содержать освященный елей, использовавшийся при маслособоровании, и, в свою очередь, являлись предметом христианского культа.

¹ В 2007 г. И. В. Волков предложил назвать эту группу керамики «Черный Ерик» (сокращенно «ЧЕ») по месту ее находки на одноименном могильнике в плавнях р. Кубань [Волков, 2007, с. 26–32]. Однако ареал распространения этой керамики значительно превышает территорию плавней этой реки, а первые находки, на которые обратили внимание археологи, сделаны примерно за полстолетия до 2007 г. на территории Крыма. В этой связи, более справедливо использовать устоявшееся в среде крымских археологов название группы — горшки с рельсовидным венчиком (ГРВ).

В византийской традиции елей изготавливали из оливкового масла, смешенного с вином и добавлением благовоний. Эта практика сохраняется в православной Церкви до настоящего времени. Основанием ее является евангельская притча о милосердном самарянине (Лк 10. 30–35).

Длительное время в Восточной церкви существовал чин «соборования» над умершими. Его описание сохранилось в ряду греческих и славянских рукописей XV–XVI вв. Структура этого последования подобна обычному соборованию, но существуют различия. Апостольские и евангельские чтения, а также молитвы чина были заменены заупокойными. Канонический статус этого чина оставался спорным. Так, св. Симеон Фессалоникийский одобрял его совершение, но указывал, что «этот елей не тот», который используется при помазании болящих, так что елеосвящение над умершими нельзя назвать таинством. Однако в XVII в. совершение этого чина подверглось категорическому запрету. Некую параллель с ним составляет обряд возлиания елея на тело умершего, который предписывается совершать, согласно современному Требнику, перед закрытием гроба.

Помещение бальзамариев в погребальные сооружения было широко распространено вплоть до VII ст. включительно. Возможно, прекращение использования таких бальзамариев связано с арабскими завоеваниями, в результате которых Империя лишилась Месопотамии, Сирии, Египта — традиционных мест, откуда поставлялись ароматические масла, использовавшиеся не только в парфюмерии, но и для приготовления елея. Возникший таким образом дефицит мог отразиться и в погребальной традиции. Если до VII в. в склеп помещался целый, пусть и небольшой сосуд, наполненный елеем, то теперь, очевидно, могли ограничиваться несколькими каплями, возливаемыми непосредственно на покойного.

Таким образом, можно проследить развитие традиции использования елея в погребении. Уже в наиболее ранних погребениях христиан, в частности в Риме, получили широкое распространение фиалы, сосуды — бальзамарии. Широко распространены они были и в Херсонесе. В середине VII в. **помещение** сосудов с освященным маслом было заменено помазанием тела умершего. В связи с этим из погребений исчезают и сосуды — бальзамарии. Традиция помазывания умершего елеем сохранилась и сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА Международной научной конференции

«Проблемы истории и археологии Украины» 5

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Пряхин А. Д. (Воронеж)</i> . Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI в.).....	12
<i>Берестнев С. И. (Харьков)</i> . К вопросу об истоках культовой курганной архитектуры.....	14
<i>Бровендер Ю. М. (Алчевск)</i> . О времени прекращения функционирования Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы.....	15
<i>Буйнов Ю. В. (Харьков)</i> . К вопросу о генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века.....	16
<i>Гапочка С. Н., Скоробогатов А. М. (Воронеж)</i> . О контактах населения лесостепного Дона и Левобережной Украины в неолите—энеолите.....	16
<i>Кислий О. Є. (Симферополь)</i> . Можливості археології як науки у моделюванні кризових явищ (до причин занепаду трипільської культури).....	17
<i>Корохіна А. В. (Київ)</i> . Керамічний комплекс поселення Іванівка-Майорів Бугор-2 на Сеймі та проблема формування бондарихинської культури.....	18
<i>Лысенко С. Д. (Киев), Куштан Д. П. (Черкассы), Панковский В. Б. (Киев), Федько В. Ф. (Беспальчье)</i> . Памятники малополовецкого типа в бассейне р. Супой.....	19
<i>Макаревич А. В. (Київ)</i> . Довгі могили доби пізньої бронзи на теренах України.....	19
<i>Пробейголова А. С., Красильников К. И. (Луганск)</i> . Поселения бондарихинской культуры в среднем течении Северского Донца по результатам картографирования.....	20
<i>Разумов С. Н. (Киев)</i> . Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья: вопросы терминологии.....	21
<i>Скакун Н. Н., Матеева Б. И., Терёхина В. В. (Санкт-Петербург)</i> . Бодаки — кремнеобрабатывающий центр развитого Триполья.....	22
<i>Смольянинов Р. В., Свиридов А. А. (Липецк)</i> . Распространение памятников эпохи энеолита на Верхнем Дону.....	22
<i>Сніжко І. А. (Харків)</i> . Палеоліт Харківщини: випадкові знахідки та прикрі помилки.....	23
<i>Теліженко С. А. (Сімферополь)</i> . Особливості кам'яної індустрії пам'яток пізнього енеоліту—середньої бронзи Південного узбережжя Криму.....	24
<i>Тоцев Г. Н. (Запорожье)</i> . К вопросу о связях Кавказа и Крыма в эпоху ранней бронзы.....	24
<i>Чубур А. А. (Брянск)</i> . Некоторые итоги изучения археологического комплекса Быки на Сейме: на перекрестке историко-культурных областей верхнего палеолита Восточной Европы.....	25

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Андрух С. И. (Запорожье)</i> . К проблеме военно-политических альянсов на Нижнем Дунае периода скифо-македонского конфликта.....	27
<i>Андрух С. И., Тоцев Г. Н. (Запорожье)</i> . Раннескифский комплекс могильника Мамай-Гора.....	28
<i>Бабенко Л. И. (Харьков)</i> . К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана.....	28
<i>Воропаева Н. Н. (Москва)</i> . К вопросу о семантике глиняных зооморфных изображений скифского времени Днепро-Донской лесостепи.....	29
<i>Дудин А. А. (Киев)</i> . К вопросу об уровне социального развития ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н. э.	30
<i>Задников С. А. (Харьков)</i> . Античные тарные амфоры IV в. до н. э. из раскопок на Бельском городище.....	31
<i>Махортых С. В. (Киев)</i> . Погребальный обряд Перещепинского курганного могильника.....	31
<i>Пеляшенко К. Ю. (Харьков)</i> . Посуда в погребальной обрядности населения Днепро-Донецкой Лесостепи скифского времени: половозрастной и социальный анализ.....	32
<i>Полин С. В., Карнаух Е. Г. (Киев)</i> . Скифские святилища IV в. до н. э. у с. Кременевка в Северо-восточном Приазовье.....	33
<i>Попандопуло З. Х. (Запорожье)</i> . Женские погребения с оружием в могильнике «Скельки».....	33
<i>Разуваев Ю. Д. (Воронеж)</i> . Ксизовский комплекс памятников скифского времени на Острой Луке Дона.....	34

Ромашко О. В. (Дніпропетровськ). Скіфські бронзові казани Північного Причорномор'я з вертикальними ручками	35
Фіалко Е. Е. (Київ). Иконография образа амазонки в античном искусстве	35
Шелехань О. В. (Київ). Зображення бойових сокир на антропоморфних стелах скіфського часу	36
Шерстюк В. В. (Полтава). Пам'ятки скіфського часу околиць Книшівського городища	37
Шрамко И. Б. (Харьков). Бельское городище: основные этапы развития	38

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Бондаренко Д. В., Смирнов О. И. (Миколаїв). Основні напрямки дореволюційних досліджень острова Березань	39
Быкова В. П. (Херсон). К проблеме археологического обоснования «скифского похода Зопириона»	40
Гречко Д. С. (Київ). К вопросу о выделении этнокультурных индикаторов среди погребального инвентаря архаического некрополя Ольвии	41
Грибанов Д. В. (Харьков). Греческое имя Эпикрат в ономастике боспорской аристократии	41
Ивченко А. В. (Київ). Два новых захоронения из некрополя Ольвии с позднехиосскими амфорами	42
Крапивина В. В. (Київ). О святилищах Афродиты в Ольвии	43
Медведев А. П. (Воронеж). Склепы римского времени из раскопок некрополя Фанагории в 2005–2007 гг.	44
Меньшикова В. А. (Ростов-на-Дону). Лепные курительницы с каннелюрами Большой греческой колонии Елизаветовского городища	45
Плешивенко А. Г. (Запорожье). Об «акрополе» Каменского городища	45
Прокopenко С. Н. (Белгород). Развитие системы коммуникаций на хоре городов Боспора VI—первой трети III в. до н. э.	46
Ручинская О. А. (Харьков). Эллинская «пайдейя» в северопапонтийской интерпретации	47
Шепко Л. Г. (Донецк). Археологическое исследование памятника Заветное—V	47
Шепко Л. Г. (Донецк), Селиванова Л. Л. (Москва). Еще раз о находке из Заветного	48
Ярцев С. В. (Тула). Варвары Ахиллова Бега античного времени	49

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Акимов А. Б. (Харьков). Муниципальная аристократия римской провинции Дакия	51
Бандровський О. Г. (Львів). Формування зовнішньополітичного курсу Римської імперії (Август та Тіберій)	52
Беликов А. П. (Ставрополь). Некоторые специфические методы римской дипломатии	52
Зайцева И. В. (Белгород). Элементы античной религии в трактовке Климента Александрийского 1	53
Ильина О. М. (Харьков). Культ Понтийской матери богов в официальном пантеоне ионийских полисов Западного Понта в I в. до н. э.—III в. н. э.	54
Казаров С. С. (Ростов-на-Дону). Царь Пирр и Додона	54
Козак А. И. (Черновцы). Боевые слоны в армиях Баркидов (241–202 гг. до н. э.)	55
Котина А. В. (Белгород—Керчь). Пентесилея Квинта Смирнского: образ, характер, традиция	56
Литовченко Е. В. (Белгород). К вопросу о структуре менталитета римской интеллектуальной элиты позднеантичного времени	57
Литовченко С. Д. (Харьков). Царство Софена в восточной политике Помпея	57
Мартемьянов А. П., Мартемьянова Н. С. (Харьков). Carmina, III, 24: из истории дискуссии об осведомленности Горация в «гетском вопросе»	58
Нефедов К. Ю. (Харьков). Селевк Никатор, Стратоника и династия Аргеадов	59
Петречко О. М. (Дрогобич). Римське суспільство і <i>superstitio</i> у II ст. н. е.	60
Писаревский Н. П. (Воронеж). «Исконные элины» античной традиции <i>alinas</i> , <i>bhalana</i> и <i>bhriḡu</i> Ригведы	60
Токарев А. Н. (Харьков). Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и «республиканизм»	61
Чередниченко А. Г. (Белгород). Язык критского линейного письма А как реликт первобытного языкового континуума	62
Янко А. Л. (Полтава). Форми власності на землю в етрусків	63

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ

Аксёнов В. С. (Харьков). Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры (по материалам раскопок 2000–2009 гг.)	64
Балакин С. А. (Київ). О надгробиях Успенского собора Киево-Печерской лавры	65
Бейдин Г. В. (Харьков). К вопросу о римских провинциальных монетах в ареале черняховской культуры	65

Беляева С. А., Фялко Е. Е. (Киев). Об результатах изучения средневековых городских центров Северного Причерноморья (на примере Очакова и Белгорода).....	66
Блошенко М. В., Подшивайло А. И. (Брянск). Новоямское: новый микрорегион киево-количинских древностей на украинско-российском пограничье (предварительное сообщение).....	67
Голубева І. В. (Харків). Сучасні археологічні дослідження Харківської фортеці та її околиць	68
Ельников М. В. (Запорожье). Культовое захоронение салтово-маяцкой культуры из Нижнего Поднепровья	69
Желтобородов А. Н. (Харьков). Сербь на службе в Слободских полках	69
Зиньковская И. В. (Воронеж). О новых находках варварских выемчатых эмалей в Верхнем Подонье	70
Івакін В. Г. (Київ). До питання про наявність інвентаря в елітних похованнях давньоруського Києва (XI—XIII ст.)	71
Колода В. В. (Харьков). Селище «Мохнач—II» в раннесредневековой поселенческой структуре городища Мохнач	72
Кравченко Э. Е. (Донецк). Постройки археологического комплекса салтовского времени у с. Сидорова (среднее течение Северского Донца)	72
Лантев А. А. (Харьков). Новый кремационный могильник салтовской культуры у с. Кицевка Печенежского р-на Харьковской области.....	73
Любичев М. В. (Харьков). Погребения и отдельные находки Эпохи великого переселения народов из археологического комплекса Войтенки 1 (Восточная Украина).....	74
Майко В. В. (Симферополь). Праболгарское поселение VIII—первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму	75
Мызгин К. В. (Харьков). Монетно-вещевые кладь на территории черняховской культуры.....	75
Сергеева М. С. (Киев). Рогообработка в Воинской Гребле.....	76
Скирда В. В. (Харьков). Определение этнической принадлежности средневековых памятников на I—VII археологических съездах	77
Супруненко О. Б., Маевська С. В. (Полтава). Золотоординське поховання у пониззі Псла.....	78
Тараненко С. П. (Київ). До проблем історичної топографії давньоруського Подолу Києва	78
Фінадоріна Д. В. (Київ). Пічна кахля XVII ст. з розкопок Київського арсеналу	79
Шкрибитель Е. А. (Донецк). Из истории основания Святогорского Свято-Успенского пещерного мужского монастыря	80

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Алексеевко Н. А. (Севастополь). Новый моливдовул Самуила Алусиана, византийского полководца второй половины XI в.	81
Бардола К. Ю. (Харьков). Принципы византийского налогообложения	81
Болгов Н. Н., Рышковская А. Ю. (Белгород). Св. Матрона Пергская (V в.) и ее житие	82
Болгова А. М., Харченко О. А. (Белгород). Ритор Хорикий Газский и ранневизантийская высшая школа	83
Гордиенко Д. С. (Киев). Образ «чужого» в трактате Константина VII Багрянородного «De administrando imperio».....	84
Домановский А. Н. (Харьков). Византийская «торговля с врагом» в VIII—X вв.: государственный контроль за внешнеторговыми сношениями с арабамисковзь призму «трапезунтского инцидента»	84
Дьячков С. В. (Харьков). О камнях «працевиках» из раскопок генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)	85
Иваницкая Я. Ю. (Белгород). Идея приснодевства в иконографии Богоматери в Ранней Византии	86
Кузь А. И. (Черновцы). О внутренней структуре генуэзских гарнизонов Крыма в первой половине XV в.....	87
Миловидова О. В. (Харків). Особливості культурного розвитку Візантії у IX—XII ст.....	88
Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. (Симферополь, Керчь). «Церковь Шевелева» или «Церковь 1833 г.» (г. Керчь): к вопросу о местоположении и обстоятельствах находки.....	88
Пархоменко М. В. (Харьков). К вопросу о локализации больницы в Византийском Херсоне	89
Сорочан С. Б. (Харьков). К вопросу о времени создания фемы Климата.....	90
Столярченко Е. Н. (Харьков). Об организации водоснабжения и канализации консульского замка и припортового района крепости Чембало XIV—XV вв.....	91
Тесленко И. Б. (Симферополь). Хронология одной группы кухонных горшков из раскопок средневековых памятников Крыма	92
Фомин М. В. (Харьков). О елее в раннехристианской погребальной традиции.....	92